

КГБ

ПРЕДСЕДАТЕЛИ ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ РАССЕКРЕЧЕННЫЕ СУДЬБЫ

КГБ — одна из самых знаменитых и загадочных аббревиатур XX столетия, до сих пор заставляющая содрогаться многих.

Леонид

МЛЕЧИН

Леонид Млечин

**КГБ. Председатели
органов госбезопасности.
Рассекреченные судьбы**

«Центрполиграф»

2011

Млечин Л. М.

КГБ. Председатели органов госбезопасности. Рассекреченные судьбы / Л. М. Млечин — «Центрполиграф», 2011

Таинственные хозяева Лубянки привлекают наш интерес. Среди них были фигуры яркие и посредственные, люди, поистине определявшие политику страны, и простые исполнители приказов высшей власти. Каждого пятого из них расстреляли. Но двое – Юрий Андропов и Владимир Путин – стали руководителями государства. Чекисты – закрытая и очень влиятельная корпорация. Какую роль органы госбезопасности играли в истории нашей страны? Виновны ли они в драмах и трагедиях России XX века? Что происходит на лубянке в наши дни? Рассказ об этом ждет читателя в 4-ом, дополненном издании книги Л. Млечина.

© Млечин Л. М., 2011

© Центрполиграф, 2011

Содержание

От автора	6
Часть первая	8
Глава 1	8
ГЛАВНОЕ ЗАДАНИЕ	8
«ПРАВО РАССТРЕЛА ДЛЯ ЧК ЧРЕЗВЫЧАЙНО ВАЖНО»	9
ВМЕСТЕ С ТРОЦКИМ	12
ОТСТРАНЕН ОТ ДОЛЖНОСТИ	13
«ДЕЛО ЛОККАРТА»	16
ДВА РОМАНТИКА	17
БРОНИРОВАННЫЙ КУЛАК	19
«ОТДЕЛ ПО ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ»	22
«ЧЕРЕЗ ТРИ ГОДА ВЫ УМРЕТЕ...»	23
ЖЕРТВОЙ МОГ СТАТЬ ЛЮБОЙ	27
МОНЕТАРИСТ И РЫНОЧНИК	29
ДЗЕРЖИНСКИЙ – ПОЛЬСКИЙ ШПИОН?	37
Глава 2	41
МЕЖДУ ЛЕНИНЫМ И ТОЛСТЫМ	41
НОЧЬ В СМОЛЬНОМ	43
ОСОБЫЙ ОТДЕЛ	44
ДЕЗИНФБЮРО	48
ЛЕЖА НА ДИВАНЕ	50
«ПРОМПАРТИЯ» И ДРУГИЕ	52
ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ	54
КАК СОБИРАЛИСЬ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ТРЕТЬЯКОВА?	56
РАСКУЛАЧИВАНИЕ	59
ДЕЛА О ЛЮДОЕДСТВЕ	62
ЗАСТРЕЛИЛСЯ МАЯКОВСКИЙ ИЛИ ЕГО УБИЛИ?	63
ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА С МАЯКОВСКИМ	66
КОНТОРА С ВЫВЕСКОЙ	72
Часть вторая	73
Глава 3	73
ФАВОРИТ ДЗЕРЖИНСКОГО	74
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР	75
ОБЕДЫ И УЖИНЫ У НАРКОМА	76
УБИЙЦА-ОДИНОЧКА ИЛИ ЗАГОВОР?	78
ЛЮБОВНАЯ ВЕРСИЯ	79
ПОЧЕМУ ИМЕННО КИРОВ?	84
ЗАКРЫТОЕ ПИСЬМО ЦК	86
ГЕНИАЛЬНЫЙ АДМИНИСТРАТОР	88
МЕДВЕДЬ И ЗАПОРОЖЕЦ	90
БОЕВАЯ МОЛОДЕЖЬ	92
РУССКИЕ ФАШИСТЫ	93
УВОЛЬНЕНИЕ И АРЕСТ	97
ОТРАВЛЕННЫЕ СТЕНЫ	100
ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО НА СКАМЬЕ ПОДСУДИМЫХ	102

ЧИСТИЛЬЩИКИ В ГОРОДЕ	105
Глава 4	108
ОБЕД ДЛЯ «ВОРОБЫШКА»	108
ДОЛГАЯ ДОРОГА В КРЕМЛЬ	109
ГЛАВНЫЙ ИНКВИЗИТОР	111
«МУДРОЕ РЕШЕНИЕ НАШЕГО РОДИТЕЛЯ»	112
САНКЦИЯ ПРОКУРОРА НЕ ТРЕБУЕТСЯ	114
«ВЕСЬ ИХ РОД ДО ПОСЛЕДНЕГО КОЛЕНА»	115
ХОТЕЛ ЛИ МАРШАЛ СТАТЬ ДИКТАТОРОМ?	118
КРАСНАЯ ПАПКА ГЕЙДРИХА	122
РАПОРТ АРТУЗОВА	124
«НЕ НАДО БОЛЬШЕ КРОВИ»	126
ВЕЧНЫЙ ДОБРОВОЛЕЦ	128
БАРСКАЯ ЛЮБОВЬ К ЕЖЕВИЧКЕ	134
НИКТО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ВЫШЕ ПАРТИИ	136
ИСЧЕЗНУВШИЙ НАРКОМ	139
ПОСЛЕДНЯЯ АУДИЕНЦИЯ	141
ПАЦИЕНТ № 1	144
ПРИГОВОР ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ	145
Глава 5	147
ПЕРВЫЕ ПОДОЗРЕНИЯ И ПЕРВЫЕ ОПРАВДАНИЯ	147
ГЛАВНЫЙ ЧЕКИСТ НА КАВКАЗЕ	149
БЛЮДА С ПЕРЦЕМ	150
«ЛУЧШЕ БЫ МНЕ ОСТАТЬСЯ В ГРУЗИИ»	152
ПРИКАЗАНО: ИЗБИВАТЬ	155
ПАРТИЯ В БИЛЬЯРД	158
УБИЙСТВО ТРОЦКОГО	159
РАССТРЕЛ В КАТЫНИ	163
Конец ознакомительного фрагмента.	170

Леонид Михайлович Млечин

КГБ. Председатели органов госбезопасности. Рассекреченные судьбы

От автора

Предыдущее издание этой книги вышло, когда эпоха Владимира Владимировича Путина только начиналась. За прошедшее десятилетие многое изменилось и в жизни страны, и в работе ведомства госбезопасности, появились новые люди, имеющие право занять место в списке героев книги, поэтому я счел своим долгом ее дописать.

Хочу сразу предупредить недоуменные вопросы читателей: Комитет государственной безопасности СССР существовал с 1954 по 1991 год, поэтому, возможно, не совсем корректно пользоваться аббревиатурой КГБ, поскольку в книге речь идет обо всех руководителях госбезопасности от Октябрьской революции до наших дней.

Но именно эти три буквы – КГБ – стали синонимом отечественных органов госбезопасности. Мы по-прежнему говорим «КГБ», хотя это ведомство часто меняло название: Всероссийская чрезвычайная комиссия, Государственное политическое управление, Объединенное государственное политическое управление, Народный комиссариат внутренних дел, Народный комиссариат государственной безопасности, Министерство государственной безопасности, Министерство внутренних дел, Комитет государственной безопасности, Межреспубликанская служба безопасности, Агентство федеральной безопасности, Министерство безопасности, Федеральная служба контрразведки. И нынешнее название службы – Федеральная служба безопасности – не обязательно последнее, хотя эпоха Путина – эпоха стабильности и для ведомства госбезопасности время восстановления утраченных позиций.

Чаще, чем название службы, менялись на Лубянке начальники. С 1917 по 2010 год сменилось двадцать шесть председателей, наркомов, министров и директоров. Для сравнения – наркомов и министров иностранных дел было почти вдвое меньше.

Служба в ведомстве госбезопасности влечет к себе людей, но часто оказывается для них губительной. Некоторые герои этой книги возглавляли ведомство совсем недолго – несколько месяцев, год. Рекорд поставил Юрий Владимирович Андропов: он был председателем КГБ пятнадцать лет. Николай Платонович Патрушев проработал на посту директора ФСБ без малого десять лет.

Многие входили в известное здание на Лубянке под аплодисменты, обретали там власть и награды. Но мало кто уходил с Лубянки по своей воле или на повышение. Из госбезопасности в основном увольняют или убирают. Пятерых расстреляли. Другие попали в тюрьму или в опалу. В лучшем случае их отодвигают в сторону. Правда, двое героев этой книги – Юрий Андропов и Владимир Путин – стали руководителями государства.

Нам со стороны кажется, что эти люди, наделенные огромной властью, наслаждались жизнью. Реальность далека от нашего воображения. В истории Лубянки отразилась трагическая история нашей страны в XX столетии.

Эта книга представляет собой попытку нарисовать портреты всех хозяев Лубянки. Одни уже вошли в историю, другие продолжают участвовать в современной политике. Об одних известно больше, о других меньше. Книга основана не только на воспоминаниях очевидцев и архивных документах, преданных гласности в последние годы, но и на многочисленных беседах автора с участниками событий – отставными или действующими сотрудниками госбезо-

пасности, партийными работниками и политическими деятелями, равно как и с историками, которые пытаются осмыслить наше недавнее прошлое.

Исключение – фигуры последнего времени. Ситуация изменилась. Хозяевами Лубянки вновь стали люди сугубо непубличные. Они сами мало что рассказывают о себе и своей службе, и подчиненные следуют их примеру. Более того, молчат и отставники.

В нынешней жизни высшие чиновники если и уходят – на пенсию или в другие сферы деловой жизни, – то мемуаров не пишут. Характерный пример. Из команды Путина в оппозиции оказались только двое: глава правительства Михаил Михайлович Касьянов и советник президента по экономическим вопросам Андрей Николаевич Илларионов. Оба высказываются достаточно часто, но практически избегают описания механизмов принятия решений в Кремле и Белом доме, расстановки сил в системе высшей власти, личных оценок влиятельности тех или иных ключевых фигур.

Что уж говорить о таких закрытых фигурах, как руководители ведомства госбезопасности последнего десятилетия! Тут мы можем основываться только на тех материалах, которые просочились в открытую печать.

Часть первая ЭПОХА ДЗЕРЖИНСКОГО

Глава 1 ФЕЛИКС ЭДМУНДОВИЧ ДЗЕРЖИНСКИЙ

Никто в России сначала не оценил по достоинству декрет о создании ВЧК. А между тем эти три буквы стали одной из самых знаменитых аббревиатур XX столетия.

Впрочем, в первые послереволюционные месяцы были и другие комиссии и комитеты, наводившие страх. Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем создавали в основном для того, чтобы справиться с армией чиновников, которые бойкотировали новую власть. Но вскоре в стране с ужасом заговорили о «кожаных людях».

Сотрудники ВЧК носили кожаные куртки: им раздали обмундирование, предназначенное для летчиков. Это был подарок Антанты, найденный большевиками на складах в Петрограде. Куртки чекистам нравились не потому, что они предчувствовали моду на кожу. Все проще: в кожаных куртках не заводились вши. В те годы это было очень важно: вши переносчики тифа, который косил людей и на фронте, и в тылу.

В январе 1918 года знаменитая писательница Зинаида Гиппиус записала в дневнике: «Очень странен и подозрителен этот комитет на Гороховой «по борьбе с контрреволюцией и саботажем». Главные буйства идут оттуда... Левые эсеры признались, в частном разговоре, что Гороховая, 2, – это их «охранное отделение». Там, конечно, есть уже и опытные филеры, из старых. Всякий день строятся какие-нибудь «заговоры».

В Санкт-Петербурге на углу улицы Гороховой и Адмиралтейского проспекта и поныне стоит дом, где в декабре 1917 года расположилась Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Сейчас в этом здании находится музей, где воссоздана обстановка, в которой работал председатель ВЧК Феликс Эдмундович Дзержинский.

До революции там помещалось управление санкт-петербургского градоначальника, в первые дни после Октябрьской революции заседала Чрезвычайная комиссия по охране города во главе с будущим маршалом и наркомом обороны Климентом Ефремовичем Ворошиловым. Тогда Ворошилов казался более важным и опасным человеком, чем Феликс Эдмундович Дзержинский.

ГЛАВНОЕ ЗАДАНИЕ

Как только его не именовали! И козлобородым палачом в кавалерийской шинели. И кровопийцей. И маньяком. И садистом. Кем же он был в действительности? Дзержинский родился 30 августа 1877 года в имении Держиного Ошмянского уезда Виленской губернии (ныне Столбцовский район Минской области) в семье мелкопоместного дворянина. У его матери Хелены было восемь детей – Альдона, Станислав, Казимир, Ядвига, Игнатий, Владислав, Феликс, Ванда. Рассказывают ужасную историю. Однажды Феликс и Станислав решили пострелять по мишени, и вдруг появилась сестренка Ванда... Ей было четырнадцать лет, чья пуля ее убила – Феликса или Станислава – осталось неизвестным. В 1917 году бандиты зарезали Станислава Дзержинского. Он работал в банке, вернулся домой, и его убили – хотели ограбить. Феликс учился в гимназии, но учебу не закончил. В восемнадцать лет вступил в социал-демократический кружок, затем в партию «Социал-демократия Королевства Поль-

ского и Литвы». С этого момента и до 1917-го Дзержинский занимается только одной партийной работой. Профессиональный революционер – так это тогда называлось.

В 1897 году он был арестован в первый раз и выслан на три года в Вятскую губернию. Через год бежал, вернулся в Вильно, оттуда перебрался в Варшаву, где агитировал рабочих присоединяться к социал-демократам.

В начале 1900 года он вновь арестован. Сидел в Варшавской цитадели и в Седлецкой тюрьме. В 1902-м его выслали на пять лет в Сибирь. По дороге он бежал и перебрался за границу: в те времена это было несложно. Однако вскоре вернулся. В июле 1905-го новый арест. Но тут началась первая русская революция, и осенью он подпал под октябрьскую амнистию. В конце 1906-го его снова арестовали, но отпустили под залог.

Через год опять арест, суд и ссылка в Сибирь, в Енисейскую губернию. Однако вскоре Дзержинский вновь бежал, после чего работал в Польше.

После побега из ссылки Феликс записал в дневнике: «Жизнь такова, что требует, чтобы мы преодолели наши чувства и подчинили их холодному рассудку». Ради революции он заставил себя забыть о любимой женщине.

В 1912 году его арестовали и теперь уже взялись за него по-настоящему: приговорили к трем годам каторги. Отбывал он ее в Орле. Когда этот срок закончился, его повезли в Москву и в 1916-м стали судить за старое. Добавили еще шесть лет каторги. Отбыть этот срок он не успел: его, как и других политических заключенных, освободила Февральская революция.

Дзержинский участвовал в том историческом заседании ЦК партии большевиков 10 октября 1917 года в Петрограде, где было принято решение о подготовке вооруженного восстания. Именно Дзержинский в тот день предложил «создать для политического руководства на ближайшее время Политическое бюро из членов ЦК». Предложение Дзержинского понравилось: политбюро существовало до августа 1991 года.

За неделю до революции Горький опубликовал в газете «Новая жизнь» статью под названием «Нельзя молчать!». Он требовал от большевиков заявить, что они не собираются устраивать восстание. Если это произойдет, предупреждал писатель, «вспыхнут все темные инстинкты толпы, раздраженной разрухой жизни, ложью и грязью политики, люди будут убивать друг друга, не умея уничтожить своей звериной глупости». Предупреждение Горького большевики с возмущением отвергли.

Дзержинского включили в состав Петроградского военно-революционного комитета и военно-революционного партийного центра по руководству Октябрьским вооруженным восстанием. 24 октября ему поручили руководить захватом почты и телеграфа. Временное правительство не сопротивлялось. Власть перешла к большевикам.

Дзержинский отвечал за охрану Смольного. В качестве коменданта Смольного Дзержинский подписал пропуск американскому журналисту Джону Риду, автору знаменитой книги об Октябрьской революции «Десять дней, которые потрясли мир».

А 20 декабря Дзержинский получает свое главное задание сформировать и возглавить ВЧК.

«ПРАВО РАССТРЕЛА ДЛЯ ЧК ЧРЕЗВЫЧАЙНО ВАЖНО»

Пробыв одиннадцать лет в тюрьмах и на каторге, Дзержинский лучше других знал, как действует репрессивный аппарат. Какие уроки он извлек из собственного опыта? С одной стороны, он брезговал опускаться до уровня царской охранки и ненавидел провокаторов. С другой – хорошо помнил, с какой легкостью ему и его товарищам удавалось обманывать царских полицейских и тюремщиков, и не хотел повторять ошибок своих противников.

На заседании коллегии ВЧК 18 февраля 1918 года было принято решение использовать «секретных сотрудников только по отношению к спекулятивным сделкам, к политическим же

врагам эти меры не принимаются. Борьба ведется чисто, идейным содействием советских элементов».

Ровно через месяц на новом заседании коллегии было принято постановление, которое запрещало ВЧК использовать провокации. Но благие намерения испарились при столкновении с реальностью.

Дзержинский считается непрофессионалом, но это он ввел внутрикамерную «разработку» заключенных. К ним подсаживались агенты, которые выведывали то, о чем на допросах арестованные не говорили. «Подсадными утками» пользуются и по сей день.

Следствие по политическим делам с первого дня было основано на внедрении в ряды противников агентов-провокаторов. Настоящего расследования не проводили, для этого не было ни времени, ни умения, поэтому от следователя требовалось добиться от виновного признания. Доносчиков, осведомителей, секретных агентов ценили как главный инструмент следствия.

Дзержинский не считал ВЧК специальной службой, контрразведкой или политической полицией. Он видел в ВЧК особый орган, имеющий право самостоятельно уничтожать врагов. Он писал: «Работники ЧК – это солдаты революции, и они не могут пойти на работу розыска шпионства: социалисты не подходят для такой работы. Боевому органу, подобному ЧК, нельзя передавать работу полиции. Право расстрела для ЧК чрезвычайно важно».

12 июня 1918 года партийная фракция на конференции местных чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и саботажем приняла такое решение:

- «1. Секретными сотрудниками пользоваться.
2. Изъять из обращения видных и активных руководителей монархистов-кадетов, правых эсеров, меньшевиков.
3. Взять на учет и установить слежку за генералами и офицерами, взять под наблюдение Красную армию, командный состав, клубы, кружки, школы и т. д.
4. Расстреливать видных и явно уличенных контрреволюционеров, спекулянтов, грабителей и взяточников.
5. В провинции пресечь распространение буржуазной, соглашательской и бульварной печати.
6. Предложить ЦК отозвать т. Урицкого с его поста в Петроградской ЧК и заменить его более стойким и решительным товарищем, способным твердо и неуклонно провести тактику беспощадного пресечения и борьбы с враждебными элементами, губящими Советскую власть и революцию...»

Моисей Соломонович Урицкий, которого чекисты-партийцы потребовали убрать из Петроградской ЧК, был уважаемым человеком среди большевиков. Он много лет провел в тюрьме и в ссылке, в эмиграции был близок к Троцкому.

25 октября 1917 года Урицкого назначили комиссаром при министерстве иностранных дел. На следующее утро после революции он приехал в МИД, где провел беседу с дипломатами. Но дипломатическими делами занимался всего несколько дней: он получил новое задание – руководить Всероссийской комиссией по делам о выборах в Учредительное собрание. В феврале 1918-го его включили в состав Комитета революционной обороны Петрограда, в марте он возглавил Петроградскую ЧК.

Урицкий был одним из немногих большевиков, которые тяготились работой в ЧК и не хотели брать на себя грех репрессий, – в отличие от последующих поколений руководителей-чекистов, гордившихся своей работой. Встав во главе Петроградской ЧК, он тут же добился решения не применять смертной казни даже в отношении лиц, совершивших особо тяжкие преступления. Это и вызвало негодование коллег.

Через месяц с небольшим Урицкого застрелил студент-эсер Леонид Канегиссер. На следующий день, 30 августа 1918 года, в Москве стреляли в Ленина – после его выступления на митинге у завода Михельсона.

Подозреваемую схватили на месте преступления. Это была двадцативосьмилетняя Фаня Ефимовна Ройдман, молодая женщина с богатой революционной биографией. В шестнадцать лет она примкнула к анархистам и взяла себе фамилию Каплан. В 1906-м была ранена при взрыве бомбы в Киеве и приговорена к бессрочным каторжным работам.

Дознание прошло в рекордно быстрые сроки. Никто не сомневался в ее виновности. Ее расстрелял лично комендант Кремля Мальков. Тело сожгли. В последние годы участие Каплан в покушении на Ленина вызывает большие сомнения. Полуслепая женщина, по мнению экспертов, никак не могла попасть в Ленина. Осталось также невыясненным, по чьему заданию она действовала.

Несмотря на попытки провести новое расследование, подлинные обстоятельства этого покушения так и остались неразгаданной тайной, как и история с убийством президента Джона Кеннеди. Возможно, Фанни Каплан и в самом деле стреляла в Ленина. Но так ли это было или нет, уже не установишь...

После убийства Урицкого и покушения на Ленина был провозглашен «красный террор». К тому же 4 августа 1918 года войска стран Антанты высадились под Архангельском. Это тоже побудило большевиков на жестокие меры.

В результате в Петрограде пятьсот человек расстреляли и столько же взяли в заложники. Списки заложников публиковались в «Красной газете» в сентябре 1918 года под заголовком «Ответ на белый террор».

Петроградский совет постановил: «Довольно слов: наших вождей отдаем под охрану рабочих и красноармейцев. Если хоть волосок упадет с головы наших вождей, мы уничтожим тех белогвардейцев, которые находятся в наших руках, мы истребим поголовно вождей контрреволюции».

«Красная газета» писала: «Старое офицерство, главные кадры всех белогвардейских восстаний, не очень многочисленно. И если революция того потребует, если старое офицерство не бросит своих безумных попыток вернуть свои привилегии и царя, оно, за исключением тех отдельных честных из их среды, которые порвали с ними, поголовно будет уничтожено».

Министр внутренних дел Григорий Петровский разослал всем местным органам власти циркулярную телеграмму: «Применение массового террора по отношению к буржуазии является пока словами. Надо покончить с расхлябанностью и разгильдяйством. Надо всему этому положить конец. Предписываем всем Советам немедленно произвести арест правых эсеров, представителей крупной буржуазии, офицерства и держать их в качестве заложников».

Начались массовые аресты. Хватали всех, кто внушал подозрение. Но в те времена иногда еще можно было добиться освобождения арестованного, найдя ключик к влиятельному человеку или попав на незлого следователя...

Видный царский дипломат Владимир Борисович Лопухин тоже был арестован в те дни. Его отвезли на Гороховую. Следователь ВЧК сказал бывшему сотруднику МИД:

– Садитесь. Что вы, батенька, по спекулянтам шляетесь? Бросьте. Займитесь другим делом.

Лопухин ответил, что связался с этой публикой совершенно случайно. Тогда следователь произнес:

– Ладно, я вас отпущу. Только я устал и проголодался, а надо написать протокол вашего допроса. Хотите, сделаем так: я пойду поужинаю, а вы садитесь в мое кресло и напишите сами протокол? Допросите сами себя вот по этому образцу.

Лопухин написал протоколы мнимых допросов не только за себя, но и за товарищей. Вернулся следователь, просмотрел протоколы и всех отпустил.

Такое тоже бывало...

ВМЕСТЕ С ТРОЦКИМ

Первый кризис в правительстве большевиков разразился из-за войны с немцами. Дзержинский тогда резко разошелся с Лениным во взглядах.

7 ноября народный комиссар по иностранным делам Лев Давидович Троцкий, исполняя главное обещание большевиков покончить с войной, предложил всем воюющим государствам заключить мир. В дипломатической ноте, с которой он обратился к послам союзных стран, говорилось:

«Сим честь имею известить Вас, господин посол, что Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов организовал 26 октября новое правительство Российской республики в виде Совета народных комиссаров. Председателем этого правительства является Владимир Ильич Ленин. Руководство внешней политикой поручено мне в качестве народного комиссара по иностранным делам.

Обращая Ваше внимание на одобренный Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов текст предложения перемирия и демократического мира без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов, честь имею просить Вас смотреть на указанный документ как на формальное предложение немедленного перемирия на всех фронтах и немедленного открытия мирных переговоров...»

Послы Англии и Франции игнорировали обращение Троцкого: они не верили, что большевистское правительство продержится долго. Страны Антанты отказались вести переговоры. Немцы и австро-венгры согласились: они терпели поражение и хотели заключить сепаратный мир на востоке, чтобы продолжить войну на западе.

22 ноября Троцкий подписал соглашение о приостановке военных действий на фронте.

Принять грабительские требования немцев Троцкий считал невыносимым для себя и позором для России. Он говорил, что подписывать мир с немцами можно, только уступая силе и только тогда, когда положение станет безвыходным. Но продолжать войну тоже нельзя: солдаты должны вернуться домой. Это было мнение не одного лишь Троцкого, но и Ленина.

Борьба вокруг заключения мира с немцами шла не между Лениным и Троцким, а между Лениным и Троцким, с одной стороны, и значительной частью членов партии, требовавших воевать во что бы то ни стало, – с другой. Среди последних был и Дзержинский.

Затягивать переговоры, не заключая как можно дольше мира, – такова была линия Ленина.

24 января 1918 года на заседании ЦК большинством голосов была принята формула Троцкого: «Мы войну прекращаем, мира не заключаем, армию демобилизуем». Через два дня такое решение подтвердило объединенное заседание ЦК большевиков и их союзников левых эсеров.

10 февраля на переговорах с немцами и австро-венграми в городе Брест-Литовске Троцкий говорил:

«В ожидании того, мы надеемся, близкого часа, когда угнетенные трудящиеся классы всех стран возьмут в свои руки власть, подобно трудящемуся народу России, мы выводим нашу армию и наш народ из войны.

Наш солдат-пахарь должен вернуться к своей пашне, чтобы уже нынешней весной мирно обрабатывать землю, которую революция из рук помещиков передала в руки крестьянина.

Наш солдат-рабочий должен вернуться в мастерскую, чтобы производить там не орудия разрушения, а орудия созидания и совместно с пахарем строить новое социалистическое хозяйство...

Мы не можем поставить подписи русской революции под условиями, которые несут с собой гнет, горе и несчастье миллионам человеческих существ.

Правительства Германии и Австро-Венгрии хотят владеть землями и народами по праву военного захвата. Пусть они свое дело творят открыто. Мы не можем освящать насилия. Мы выходим из войны, но мы вынуждены отказаться от подписания мирного договора».

Однако Ленин и Троцкий просчитались: немецкие войска перешли в наступление. Опасаясь, что немцы возьмут и Петроград, и Москву, Ленин потребовал подписать мир на любых условиях. Держинский с Лениным не согласился и вместе с группой членов ЦК написал заявление против мира с немцами, считая это капитуляцией.

Но, как выразился сам Держинский, бороться на трех фронтах против германского империализма, против российской буржуазии и против «части пролетариата во главе с Лениным» опаснее, чем заключить мир. Проголосовать за мир Держинский по принципиальным соображениям не мог, поэтому при окончательном голосовании воздержался вместе с Троцким. Это позволило принять резолюцию Ленина о мире.

3 марта 1918 года был подписан Брест-Литовский мирный договор между Советской Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, с другой.

27 августа в Берлине было подписано дополнительное соглашение о выплате Германии огромной контрибуции. Это соглашение Россия в значительной степени успела выполнить. Все территории, захваченные Германией, той же осенью, после немецкой революции, вновь отошли к России, а вот отданное в качестве контрибуции золото так и осталось у немцев.

ОТСТРАНЕН ОТ ДОЛЖНОСТИ

Больше всех миром с немцами возмущались левые социалисты-революционеры, единственные политические союзники большевиков. Первое время Ленин дорожил союзом с эсерами, которых поддерживало крестьянство. Но это сотрудничество постепенно сходило на нет, потому что они все больше расходились с большевиками. После того как эсеры вышли из правительства, они оставались только в ВЧК и в армии.

4 июля 1918 года в Москве открылся V съезд Советов. Нарком по военным и морским делам Троцкий потребовал расстреливать всех, кто ведет враждебные действия на демаркационной линии с немцами: раз уж подписали мир, не надо постоянно провоцировать немцев.

Эсеры, требовавшие войны с немцами, приняли слова Троцкого на свой счет. С револьвером на боку член ЦК эсеров Борис Камков, заместитель председателя ВЦИК, обрушился с бранью на немецкого посла графа Вильгельма Мирбаха и назвал большевиков «лакеями германского империализма». Камков, отражая настроения эсеров, которые были крестьянской партией, сказал большевикам: «Ваши продотряды и ваши комбеды мы выбросим из деревни за шиворот».

6 июля днем члены ЦК эсеров демонстративно покинули Большой театр, где шел съезд Советов, и собрались в штабе левоэсеровского кавалерийского отряда в Большом Трехсвятительском переулке.

В тот же день в два часа дня сотрудники ВЧК Блюмкин и Андреев прибыли в германское посольство. Они предъявили мандат, на котором была подпись Держинского и печать ВЧК, и потребовали встречи с послом Мирбахом. Когда посол вышел к ним, они его убили.

Через час Ленин позвонил Держинскому и сообщил об убийстве посла: ВЧК не была тогда еще такой всевластной организацией и многие новости узнавала со стороны.

Импульсивный Держинский сразу же поехал в посольство, а оттуда бросился в подчиненный ему отряд ВЧК, которым командовал левый эсер Попов, поскольку полагал, что там, вполне возможно, укрылись убийцы Мирбаха. Но Попов не только отказался выдать Блюмкина и Андреева председателю ВЧК Держинскому, но и арестовал самого Феликса Эдмундовича.

После подавления эсеровского мятежа было проведено следствие, в связи с чем Дзержинский временно сложил с себя полномочия председателя ВЧК, которые вернул себе в августе.

Эти два месяца обязанности председателя исполнял Ян Христофорович Петерс, сидевший в тюрьме во время царизма. Впоследствии он был представителем ВЧК в Туркестане, в 1930 году из ОГПУ перешел на партийную работу, в 1938-м его расстреляли. В циркуляре № 47, подписанном Яном Петерсом, говорилось, что ВЧК «в своей деятельности совершенно самостоятельна, производя обыски, аресты, расстрелы, давая после отчет Совнаркому и ВЦИК».

По указанию Ленина 10 июля допросили и самого Дзержинского: он тоже был под подозрением, поскольку в мятеже участвовали его подчиненные. И кроме того, как мог он проморгать, что на его глазах готовится убийство немецкого посла и зреет заговор? Дзержинский рассказал на допросе:

«Приблизительно в половине июня мною были получены сведения, исходящие из германского посольства, подтверждающие слухи о готовящемся покушении на жизнь членов германского посольства и о заговоре против Советской власти.

Членами германского посольства был дан список адресов, где должны были быть обнаружены преступные воззвания и сами заговорщики. Это дело мною было передано для расследования товарищам Петерсу и Лацису. Предпринятые комиссией обыски ничего не обнаружили. В конце июня мне был передан новый материал о готовящихся заговорах... Я пришел к убеждению, что кто-то шантажирует нас и германское посольство».

Подпись Дзержинского на мандате, который Блюмкин предъявил в посольстве, была поддельной, а печать подлинной. Дзержинский объяснил: «Александрович был введен в комиссию в декабре месяце прошлого года по категорическому требованию эсеров. У него хранилась большая печать, которая была приложена к подложному удостоверению от моего якобы имени, при помощи которого Блюмкин и Андреев совершили убийство. Блюмкин был принят в комиссию по рекомендации ЦК левых эсеров».

О своих действиях в день мятежа Дзержинский рассказал следующее:

«Сведения об убийстве графа Мирбаха я получил 6 июля, около трех часов дня от Председателя Совета Народных Комиссаров по прямому проводу. Сейчас же поехал в посольство с отрядом, следователями и комиссаром для организации поимки убийц.

Лейтенант Миллер встретил меня громким упреком: «Что вы теперь скажете, господин Дзержинский?» Мне показана была бумага-удостоверение, подписанное моей фамилией...

Тогда я с тремя товарищами (Трепаловым, Беленьким и Хрустальевым) поехал в отряд, чтобы узнать правду и арестовать Блюмкина. В комнате штаба было около десяти – двенадцати матросов. Попов в комнату явился только после того, как мы были обезоружены, стал бросать обвинения, что наши декреты пишутся по приказу «его сиятельства графа Мирбаха»...»

Подобное поведение было расценено как восстание левых эсеров. Большевики арестовали их фракцию на съезде Советов. В ответ вооруженные эсеры захватили телеграф и телефонную станцию, печатали свои листовки, члены ЦК разъехались по воинским частям и заводам.

Но поднять Москву эсерам не удалось: рабочие и солдаты довольно спокойно относились к Брестскому миру.

Военные, присоединившиеся к левым эсерам, предлагали взять Кремль штурмом, пока у восставших перевес в силах. Но руководители эсеров удерживали военных: их задача – оборона штаба! Эсеры действовали нерешительно, потому что боялись, что прямая схватка с большевиками пойдет на пользу мировой буржуазии.

Левые эсеры хотели показать большевикам, а заодно и немецкому военному командованию свою силу. Они пользовались поддержкой и в армии, и среди крестьянства (на выборах в

Советы им достались голоса почти всех крестьян) и, учитывая это, всерьез полагали, что смогут развернуть революционное движение в Германии.

Эсеры исходили из того, что без поддержки мировой революции в России подлинный социализм не построить. Лидер эсеров Мария Спиридонова, объясняя, что Брестский мир задержал германскую революцию на полгода, писала Ленину после 6 июля: «В июле мы не свергли большевиков, мы хотели одного – террористический акт мирового значения, протест на весь мир против удушения нашей Революции. Не мятеж, а полустихийная самозащита, вооруженное сопротивление при аресте. И только».

Сравнительно пассивная позиция эсеров позволила большевикам взять инициативу в свои руки. Наркомвоенмор Троцкий вызвал из-под Москвы два латышских полка, верных большевикам, подтянул броневики и приказал обстрелять штаб отряда Попова из артиллерийских орудий. Через несколько часов левым социалистам-революционерам пришлось сложить оружие.

К вечеру 7 июля мятеж был подавлен. Заместителя Дзержинского по ВЧК В.А. Александровича и двенадцать сотрудников из отряда Попова расстреляли.

Убийцы Мирбаха начальник отдела ВЧК по борьбе с международным шпионажем Яков Блюмкин и его напарник Николай Андреев получили по три года, но и этого срока не отсидели.

Блюмкин так объяснил причины теракта:

«Я противник сепаратного мира с Германией и думаю, что мы обязаны сорвать этот постыдный для России мир...»

Но кроме общих и принципиальных моих, как социалиста, побуждений, на этот акт толкают меня и другие побуждения. Черносотенцы-антисемиты, многие из которых германофилы, с начала войны обвиняли евреев в германофильстве, сейчас возлагают на евреев ответственность за большевистскую политику и сепаратный мир с немцами.

Поэтому протест еврея против предательства России и союзников большевиками в Брест-Литовске представляет особое значение. Я как еврей и социалист беру на себя свершение акта, являющегося этим протестом».

19 мая 1919 года президиум ВЦИК реабилитировал Блюмкина и вернул его в ВЧК. Потом он служил в разведке, но через десять лет, 3 ноября 1929 года, был расстрелян за то, что встретился с уже высланным из страны Троцким. Это преступление было пострашнее убийства германского посла...

В целом к эсерам отнеслись достаточно снисходительно. Эсеры считали, что Ленин испытывает к ним симпатию, помня о старшем брате – эсере Александре, повешенном в 1887-м за покушение на императора Александра III.

Июльский мятеж имел трагические последствия для нашей истории. Социалисты-революционеры были изгнаны из политики и из государственного аппарата и, таким образом, уже не имели возможности влиять на судьбы страны. Позднее, уже при Сталине, всех видных эсеров уничтожат, российское крестьянство лишится своих защитников, а советская власть станет однопартийной и получит дополнительный повод для репрессий.

ВЧК стала орудием уничтожения всех, кроме большевистской, социалистических партий в России, которые в 1917 году объединяли больше миллиона человек. Эсеры и меньшевики фактически были поставлены вне закона: их судьбу решали закрытые инструкции ВЧК, в суд дела социалистов не передавали.

Политбюро поручило чекистам сделать упор «на постановке осведомления, внутренней информации и извлечении всех контрреволюционных и антисоветских деяний во всех областях». Меньшевиков и социалистов-революционеров методично уничтожали. Последних расстреляли 11 сентября 1941 года в лесу под Орлом. Это уже были старики и старухи, но Сталин все равно их боялся.

В орловской тюрьме провели остаток жизни многие лидеры эсеров. Среди них была и легендарная Мария Александровна Спиридонова. 29 января 1906 года двадцатилетняя Спиридонова, член тамбовской эсеровской боевой дружины, из револьвера смертельно ранила жандармского полковника Луженовского, который беспощадно усмирлял крестьянские бунты в Тамбовской области. Спиридонову приговорили тогда к смертной казни через повешение, но заменили бессрочной каторгой.

После Февральской революции она стала вождем левых эсеров. В 1917-м Спиридонову называли самой популярной и влиятельной женщиной в России. Ее тоже расстреляли 11 сентября 1941-го. Она потеряла все, включая свободу, поскольку выступала против сотрудничества с немцами, и тем не менее ее уничтожили из опасения, что она перейдет на сторону немцев!

«ДЕЛО ЛОККАРТА»

Умело действовавшие агенты-провокаторы помогли Феликсу Дзержинскому в 1918 году ликвидировать разведывательную сеть западных стран в Советской России.

Летом 1918-го в Москве был разоблачен так называемый «заговор послов», хотя самих послов в Москве и не было: никто в мире Советскую Россию еще не признал.

Главным заговорщиком был английский дипломат Роберт Брюс Локкарт. После революции его отправили в Москву для налаживания неофициальных контактов с большевиками. Он установил неплохие отношения с первым наркомом иностранных дел Троцким и его заместителем и будущим преемником Георгием Васильевичем Чичериным.

Локкарт вспоминал, что оказался бок о бок с людьми, которые работали восемнадцать часов в сутки и в которых жил дух самопожертвования и аскетизма, вдохновлявший пуритан и ранних иезуитов.

Но в Англии к Локкарту относились скептически, его сообщениям из Москвы не верили. Один из чиновников английского министерства иностранных дел говорил: «Может быть, господин Локкарт и давал нам негодные советы, но нас нельзя обвинить в том, что мы им следовали».

Локкарт даже в те трудные времена жил в Москве в свое удовольствие, посвящая большую часть времени своей знаменитой любовнице баронессе Будберг.

Роберт Брюс Локкарт оставил интересный портрет председателя ВЧК: «Дзержинский – человек с корректными манерами и спокойной речью, но без тени юмора. Самое замечательное – это его глаза. Глубоко посаженные, они горели холодным огнем фанатизма. Он никогда не моргал. Его веки казались парализованными».

Локкарта допрашивал Ян Христофорович Петерс, в то время заместитель председателя ВЧК.

Он показал англичанину свои ногти в доказательство тех пыток, которым подвергся в застенках дореволюционной России, пишет Локкарт. Ничто в его характере не обличало бесчеловечное чудовище, каким его обычно считали. Петерс говорил Локкарту, что каждое подписание смертного приговора причиняет ему физическую боль.

«Я думаю, – писал Локкарт, – это была правда. В его натуре была большая доля сентиментальности, но он был фанатиком, он преследовал большевистские цели с чувством долга, которое не знало жалости... Этот странный человек, которому я внушал почему-то интерес, решил доказать мне, что большевики в мелочах могут быть такими же рыцарями, как и буржуа...»

После заключения Брестского мира, когда стало ясно, что Советская Россия не станет более воевать с немцами, союзники решили, что большевиков надо свергнуть и привести к власти новое правительство, которое возобновит войну с Германией.

Локкарт прежде всего установил отношения с Борисом Викторовичем Савинковым и переслал в Лондон план этого лидера эсеров-боевиков: «убить всех большевистских лидеров в ночь высадки в России войск Антанты». Сами англичане, конечно, не собирались убивать вождей революции: для этого у них была местная агентура.

Во время Первой мировой войны английская разведка добилась больших успехов и по праву считалась самой эффективной в мире спецслужбой. Но в России действовали скорее дилетанты. Во всяком случае, самой крупной фигурой из них был родившийся в России английский подданный Сидней Рейли, авантюрист и фантазер.

Локкарт и Рейли проиграли Дзержинскому, который подослал к ним двух чекистов-латышей под видом командиров Красной армии, разочаровавшихся в революции и предложивших англичанам убить Ленина и Троцкого. Однако Сидней Рейли считал, что убивать не надо, достаточно выставить их на посмешище – снять с Ленина и Троцкого брюки и провести их в нижнем белье по улицам Москвы.

После убийства председателя Петроградской ЧК Урицкого и покушения на Ленина с «заговором послов» было покончено. Английское посольство было захвачено, Локкарта и других англичан арестовали, а потом выслали из страны.

Сиднея Рейли в 1925-м заманили в Советский Союз обещанием устроить встречу с лидерами антисоветского подполья. 28 сентября он перешел границу и под наблюдением чекистов приехал в Москву, где и был арестован. Он дал все показания, которые от него требовали. Но судить его не стали: 5 ноября 1925 года его просто убили. Четыре чекиста вывезли его за город будто бы на прогулку и затем выстрелили ему в спину. После контрольного выстрела в грудь привезли труп обратно и на следующий день закопали во дворе внутренней тюрьмы ОГПУ на Лубянке.

ДВА РОМАНТИКА

При Дзержинском возник конфликт между разведкой и дипломатией, который не улажен и по сей день.

В конце 1921 года народный комиссариат по иностранным делам переехал в дом бывшего страхового общества «Россия» на Кузнецком мосту (дом номер 21/5), где располагался до 1952 года, когда дипломатам передали только что отстроенное высотное здание на Смоленской площади.

От наркомата до здания ГПУ (впоследствии ОГПУ) на Лубянке буквально два шага, и дипломаты несколько иронически называли чекистов «соседями». Это словечко прижилось и употребляется до сих пор.

Но отношения у двух ведомств были отнюдь не добрососедскими, тем более что второй в истории Советской России нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин позволял себе то, на что не решатся его преемники, он открыто спорил с чекистами и возмущался применявшимися ими методами работы.

Нарком Чичерин вообще был человеком не от мира сего. Идеалист, глубоко преданный делу, он вошел в историю как трагическая фигура, не приспособленная для советской жизни. И этот человек, в котором не было ничего советского, установил основные принципы советской дипломатии, продолжавшие действовать почти до самого распада Советского Союза.

Между Дзержинским и Чичериным было много общего. Дворяне из образованных семей, они были неутомимыми и добросовестными тружениками, идеалистами, преданными делу людьми. Но их взгляды на пути построения коммунизма сильно разошлись.

8 марта 1925 года Дзержинский обиженно писал члену политбюро Григорию Евсеевичу Зиновьеву: «Для ОГПУ пришла очень тяжелая полоса. Работники смертельно устали, некото-

рые до истерии. А в верхушках партии известная часть начинает сомневаться в необходимости ОГПУ (Бухарин, Сокольников, Калинин, весь наркомат иностранных дел».

Главным своим внутренним врагом Чичерин называл Коминтерн. У Советского Союза в 20-х годах были две политики: государственная, которую осуществляли Чичерин и наркомат иностранных дел, и коминтерновская.

Призывы руководителей Коминтерна и Советского Союза к мировой революции, обещания поддержать вооруженное восстание пролетариата, откровенная помощь компартиям подрывали усилия советской дипломатии поладить с окружающим миром.

Скажем, Москва деньгами и оружием помогала немецким коммунистам, полагая, что мировая революция начнется в Германии. Одновременно Москва тесно сотрудничала с правительством Германии и с рейхсвером, который сокрушал коммунистов.

Вторым своим врагом Чичерин считал ГПУ:

«Руководители ГПУ были тем невыносимы, что были неискренни, лукавили, вечно пытались соврать, надуть нас, нарушить обещания, скрыть факты... Аресты иностранцев без согласования с нами вели к миллионам международных инцидентов, а иногда после многих лет оказывалось, что иностранца незаконно расстреляли (иностранцев нельзя казнить без суда), а нам ничего не было сообщено.

ГПУ обращается с НКВД как с классовым врагом... Ужасная система постоянных сплошных арестов всех частных знакомых инопосольств... Еще хуже вечные попытки принудить или подговорить прислугу, швейцара, шофера посольства и т. д. под угрозой ареста сделаться осведомителями ГПУ... Некоторые из самых блестящих и ценных наших иностранных литературных сторонников были превращены в наших врагов попытками ГПУ заставить путем застрашиваний их знакомых или родственников их жен осведомлять об них ГПУ...

Внутренний надзор ГПУ в НКВД и полпредствах, шпионаж за мной, полпредами, сотрудниками поставлен самым нелепым и варварским образом...»

Скандалы между двумя ведомствами возникали на каждом шагу, и Чичерин был возмущен тем, что чекисты не церемонятся с наркоматом иностранных дел.

В марте 1921 году сотрудники ЧК арестовали сотрудника НКВД, подозревая его в шпионаже. Дзержинский сообщил об аресте Ленину, но Чичерину ничего не сказал. Нарком даже не мог узнать, за что именно задержали его подчиненного.

Чичерин написал Дзержинскому злое письмо:

«Или надо окружить Россию китайской стеной, или надо признать, что ее международные интересы являются коренными интересами ее, и действия во вред им бьют по республике.

Если это не останавливает некоторых Ваших агентов, не позволяйте им этого. Мы знаем их уровень... Думаю, что имею политическое и моральное право настаивать, чтобы мне, наконец, сообщили, в чем дело».

ОГПУ старалось проникать в иностранные посольства в Москве, расшифровывать телеграммы, которыми посольства обменивались со своими странами. Часто действовали неумело, и, когда посольства это обнаруживали, возникал скандал. Объясняться приходилось наркомату иностранных дел.

Политбюро не один раз создавало комиссии для разрешения споров между НКВД и ОГПУ. В 1923 году такую комиссию возглавлял секретарь ЦК Вячеслав Молотов, в 1928-м председатель Центральной контрольной комиссии Серго Орджоникидзе.

В те времена с чекистами еще можно было спорить. Госбезопасность не была всевластной.

«Между разведкой и наркоматом иностранных дел всегда шла жестокая борьба за влияние... Почти всегда сведения и заключения этих двух учреждений по одним и тем же вопросам расходятся между собой... Борьба принимает особенно острые формы при назначении

сотрудников за границей и продолжается за границей между послом и резидентом», – отмечал Георгий Агабеков, первый советский разведчик, бежавший на Запад.

Георгий Агабеков был резидентом советской разведки в Афганистане, Иране и Турции. Свои воспоминания он написал еще в 1930 году, они вышли под названием «Секретный террор: записки разведчика».

«Борьба за границей между послом и резидентом выливается иногда в ожесточенные формы. Корень борьбы лежит в двоевластии, создающемся вследствие полной автономности резидента. Страх перед ним служащих за границей сильнее страха перед послом. Посол сам чувствует над собой постоянный контроль и всегда ожидает какой-нибудь пакости со стороны резидента», – отмечал Георгий Агабеков.

В последующие годы эта ситуация только ухудшилась. Спецслужбы могли сломать карьеру любому дипломату, если решали, что ему «нецелесообразно» выезжать за границу. Наркомат иностранных дел, а затем МИД получали отказ на стандартном бланке с грифом «Совершенно секретно». Даже руководители наркомата, а затем министерства иностранных дел могли только гадать, чем не угодил «соседям» тот или иной человек...

Резиденты бдительно следили за послами и о всех промахах докладывали в Москву, что заставляло послов тихо ненавидеть и бояться своих помощников-разведчиков.

Но во времена Агабекова, когда наркомом иностранных дел был Чичерин, дипломаты могли ответить тем же.

«Заместитель председателя ВЧК Уншлихт снабдил меня письмом к управляющему делами Наркоминдела с просьбой устроить на службу, – вспоминает Агабеков. – Несмотря на личное письмо Уншлихта, Наркоминдел меня не принял».

Когда Агабеков уже был резидентом в Афганистане, посол требовал показывать ему все телеграммы, уходившие в Москву. Потом это стало невозможным. Послы, смирившись, стали придерживать принципа, что с резидентом не ссорятся.

БРОНИРОВАННЫЙ КУЛАК

1 декабря 1921 года политбюро обсуждало проект нового положения о Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности при Совнаркоме. Проект доработала комиссия в составе Каменева, министра юстиции Курского и Дзержинского. 6 февраля 1922 года президиум ВЦИК утвердил декрет «Об упразднении Всероссийской чрезвычайной комиссии и правилах производства обысков, выемок и арестов».

Всероссийская чрезвычайная комиссия, которая подчинялась непосредственно правительству, была преобразована в Государственное политическое управление (ГПУ) при наркомате внутренних дел. Это понижение статуса карательного ведомства казалось логичным: война закончилась, врагов стало меньше. За пару лет штат ведомства Дзержинского сократился втрое.

На положении Дзержинского это преобразование никак не сказалось, потому что он-то и был наркомом внутренних дел, так что в качестве начальника ГПУ подчинялся сам себе.

Остальным чекистам, особенно работавшим далеко от Москвы, это не понравилось, ведомственная обида взяла верх, и через полтора года, в ноябре 1923-го, ГПУ преобразовали в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) на правах самостоятельного наркомата.

В 1922 году вступил в действие новый Уголовный кодекс. ГПУ лишилось права выносить смертные приговоры и отправлять политических заключенных в административную ссылку. Но Дзержинский все-таки добился для себя права без суда ссылать членов запрещенных политических партий и тех, кого обвиняли в контрреволюционной деятельности.

В 1923 году Дзержинский возглавил ОГПУ и оставил пост наркома внутренних дел. Он по должности входил в Совет народных комиссаров, но с правом совещательного голоса. В каждой республике было собственное ГПУ, которое подчинялось не местному правительству, а непосредственно Москве.

Это была принципиальная линия: госбезопасность не подчиняется местным органам власти, которые всегда были этим недовольны. Партийным секретарям не нравилось, что рядом существует какая-то тайная сила, которая исполняет только команды из Москвы, не дает им отчета в своей деятельности и даже присматривает за ними.

Но попытки местной власти обрести власть над чекистами не удались, потому что ЦК сразу понял цену органам госбезопасности как важнейшему инструменту контроля над страной.

16 октября 1918 года Ян Петерс, временно исполняя обязанности председателя ВЧК, подписал циркулярное письмо всем губернским комитетам партии:

«За последнее время под слухом массового террора, который проводят всюду Чрезвычайные Комиссии, обывательская масса, мелкая и крупная буржуазия завывала самым настоящим образом. Период террора против буржуазии после покушения на тов. Ленина и убийства тов. Урицкого был единственный, пожалуй, период, когда пролетариат на деле применил этот террор, от резолюции перешел к настоящему его осуществлению.

И вот под влиянием этого страха и воплей пострадавшей буржуазии в целом ряде советских учреждений, среди отдельных советских работников и даже, что очень печально, среди отдельных членов нашей партии начался поход против ЧК.

Начинается подчинение их отделам местного управления, начинаются перевыборы и назначения председателей комиссии, поднимается кампания в газетах и т. д.

Не отрицаю того, что в некоторых комиссиях, главным образом уездных, творятся безобразия, но это не значит, что из-за той или иной комиссии надо обескрылить боевой орган пролетариата.

ЦК нашей партии встал на точку зрения ВЧК, вынеся 2 октября с. г. постановление, что «Чрезвычайные Комиссии суть органы центральной власти. ВЧК подчинена Совнаркому и ВЦИК, все местные ЧК подчинены ВЧК, а исполкомам подотчетны».

Правда, чуть позже чекистам объяснили, что они не смеют ставить себя выше партийного аппарата.

В декабре 1921 года заместитель председателя ВЧК Уншлихт, начальник секретно-оперативного управления Менжинский и начальник административно-организационного управления Реденс подписали директиву, адресованную местным ЧК:

«Напоминаем, что всякая слежка за ответственными губернскими, областными и центральными партработниками строго воспрещается. Виновные в нарушении этого приказа будут строго караться».

С самого начала стало ясно, что ВЧК мешает развитию экономики страны. Леонид Борисович Красин, уважаемый в партии человек, талантливый инженер, хорошо знавший западную жизнь, пытался после революции наладить внешнеторговые отношения Советской России с внешним миром.

Он писал Ленину 8 ноября 1921 года, что нормальное экономическое сотрудничество с западными державами вполне возможно. Главное препятствие, недвусмысленно объяснил Красин, это деятельность ВЧК:

«Пока некомпетентные и даже попросту невежественные в вопросах производства, техники и т. д. органы и следователи будут гноить по тюрьмам техников и инженеров по обвинениям в каких-то нелепых, невежественными же людьми изобретенных преступлениях – «техническом саботаже» или «экономическом шпионаже», ни на какую серьезную работу иностранный капитал в Россию не пойдет... Ни одной серьезной концессии и торгового предпри-

ятия мы в России не установим, если не дадим каких-то определенных гарантий от произвола ВЧК».

Ленин велел ознакомить с этим письмом всех членов политбюро. Но на этом, как мы теперь знаем, дело и закончилось. Политическому руководству аппарат госбезопасности был важнее внешней торговли.

Тогдашний заместитель наркома юстиции Николай Васильевич Крыленко, которого никто не рискнет назвать большим гуманистом, писал: «ВЧК страшен беспощадностью своей репрессии и полной непроницаемостью для чьего бы то ни было взгляда».

Крыленко предлагал передать органы госбезопасности в наркомат юстиции, чтобы и на местах чекисты были под контролем губернских юристов.

Дзержинский был, разумеется, категорически против: «Отдача ВЧК под надзор наркомата юстиции роняет наш престиж, умаляет наш авторитет в борьбе с преступлениями, подтверждает все белогвардейские рассказы о наших «беззакониях»... Это акт не надзора, а акт дискредитации ВЧК и ее органов... ЧК находятся под надзором партии. Введение комиссара Губюста означает фактически перемену курса против ЧК, так как Губюсты это органы формальной справедливости, а ЧК органы дисциплинированной партийной боевой дружины».

Крыленко продолжал считать, что чекисты нарушают закон. В 1925 году он написал записку в политбюро, в которой отметил, что ОГПУ превышает данные ему полномочия, и предложил «ограничить строго и жестко права ГПУ на внесудебный разбор дел особым совещанием...». Крыленко считал, что прокуратура должна наблюдать за следствием в органах ОГПУ.

Дзержинский вновь с порога отверг предложения Крыленко. Он руководствовался иной логикой: «Текущий политический момент не позволяет сокращать права ОГПУ в борьбе с контрреволюционерами и шпионами».

В этих стычках Дзержинский неизменно выходил победителем. Его ведомство было важнее и наркомата юстиции, и прокуратуры, вместе взятых. Даже недовольство высших партийных начальников ему было не опасно, хотя он должен был как-то реагировать на критику.

В конце 1924 года работу ОГПУ на политбюро критиковал член политбюро, главный редактор «Правды» и, говоря словами Ленина, любимец партии Николай Иванович Бухарин. Дзержинского на заседании не было. Бухарин, чтобы объяснить, написал председателю ОГПУ личное письмо:

«...Так вот, чтобы у Вас не было сомнений, милый Феликс Эдмундович, прошу Вас понять, что я думаю. Я считаю, что мы должны скорее переходить к более «либеральной» форме Соввласти: меньше репрессий, больше законности, больше обсуждений, самоуправления...

Поэтому я иногда выступаю против предложений, расширяющих права ГПУ и т. д. Поймите, дорогой Феликс Эдмундович (Вы знаете, как я Вас люблю), что Вы не имеете никаких оснований подозревать меня в каких-либо плохих чувствах и к Вам лично, и к ГПУ как к учреждению. Вопрос принципиальный, вот в чем дело...

Так как Вы человек в высшей степени страстный в политике, но в то же время можете быть беспристрастным, то Вы меня поймете. Крепко Вас обнимаю, крепко жму Вашу руку и желаю Вам поскорее поправиться.

Ваш *Н. Бухарин*».

Дзержинский переслал письмо своему заместителю Вячеславу Рудольфовичу Менжинскому и приписал:

«Такие настроения в руководящих кругах ЦК нам необходимо учесть и призадуматься...

Нам необходимо пересмотреть нашу практику, наши методы и устранить все то, что может питать такие настроения. Это значит, мы (ГПУ) должны, может быть, стать потише, скромнее, прибегать к обыскам и арестам более осторожно, с более доказательными данными; некоторые категории арестов (нэпманство, преступления по должности) ограничить и производить под нажимом или при условии организации за нас общественного партийного мнения; более информировать Московский комитет о всех делах, втягивая плотнее парторганизацию в эти дела».

«ОТДЕЛ ПО ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ»

18 августа 1919 года решением оргбюро ЦК Дзержинский был утвержден еще и начальником Особого отдела ВЧК, на который возлагался контроль над армией. А с октября 1919-го стал к тому же и председателем военного совета внутренних войск.

Дзержинский считал, что ВЧК должна иметь собственные боевые части. Нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета Республики Троцкий был против: он не считал, что нужно создавать какие-то отдельные армии, лично ему не подчиненные.

Хотя Дзержинский в конце концов настоял на своем, войска ВЧК стали все же находиться под контролем Реввоенсовета Республики, то есть Троцкого. Осенью 1920-го Дзержинский добился того, чтобы сотрудники ВЧК были приравнены по своему положению к бойцам и командирам Красной армии. До того чекисты получали меньшее жалованье, чем военные.

В 1921 году Дзержинский создал отряд особого назначения, охранявший Ленина, потом Мавзолей Ленина, а также такие важнейшие объекты, как народный комиссариат финансов, Госбанк. Впоследствии отряд был преобразован в дивизию особого назначения имени Дзержинского, существующую, правда под другим названием, и поныне.

ВЧК задумывалась как орган защиты революции и борьбы с особо опасными преступлениями. Но превратилась в инструмент тотального контроля и подавления.

В декабре 1920 года заведующий секретным отделом ВЧК Т.П. Самсонов писал Дзержинскому: «До сих пор ВЧК занималась только разложением православной церкви, как наиболее могущественной и большой, чего не достаточно, так как на территории республики имеется еще ряд не менее сильных религий, каков ислам и пр., где нам также придется шаг за шагом внести то же разложение, что и православной церкви».

21 апреля 1921 года Дзержинский отправил в ЦК протест против ходатайства Наркомпроса, который просил разрешить выезд за границу отдельным деятелям культуры и театрам.

Дзержинский писал: «До сих пор ни одно из выпущенных лиц не вернулось обратно, некоторые, в частности Бальмонт, ведут злостную кампанию против нас. Такое послабление с нашей стороны является ничем не оправданным расхищением культурных ценностей и усилением рядов наших врагов».

3 апреля 1921 года, после убийства императора Павла I Александр I разрешил свободный выезд за границу. Большевики вновь запретили людям уезжать из страны и возвращаться домой – все только с разрешения органов госбезопасности. 6 июня 1920 года наркомат иностранных дел утвердил инструкцию о заграничных паспортах, которая фактически действовала до 1991 года. «В обстоятельствах исключительного времени» требовалось разрешение Особого отдела ВЧК. Потом выдача паспортов перешла к НКВД.

В 1922 году, побывав у Ленина в Горках, Дзержинский приказал методично собирать сведения обо всех наиболее заметных представителях интеллигенции от писателей и врачей до инженеров и агрономов. Всю информацию он распорядился концентрировать в «отделе по интеллигенции»:

«На каждого интеллигента должно быть дело. Каждая группа и подгруппа должна быть освещена всесторонне компетентными товарищами... Сведения должны проверяться с раз-

ных сторон так, чтобы наше заключение было безошибочно и бесповоротно, чего до сих пор не было из-за спешности и односторонности освещения...

Надо помнить, что задачей нашего отдела должна быть не только высылка, а содействие выпрямлению линии по отношению к спецам, т. е. внесение в их ряды разложения и выдвигание тех, кто готов без оговорок поддерживать Советскую власть...»

В июне 1922 года на политбюро заместитель председателя ГПУ Уншлихт сделал доклад «Об антисоветских группировках среди интеллигенции». Было решено создать несколько комиссий, которые должны были составить списки тех, кого следовало выслать за границу. В июле комиссия политбюро в составе члена политбюро Каменева, министра юстиции и тоже Уншлихта свела воедино все предложения и составила общий список. Потом интеллигенцию стали выгонять из страны.

Правда, для некоторых особо ценных специалистов было сделано исключение. В ГПУ под председательством Дзержинского существовала комиссия, которая рассматривала просьбы различных учреждений оставить того или иного специалиста, крайне необходимого для народного хозяйства.

Привычка искать повсюду руку врага, и особенно зарубежного врага, тоже появилась при Дзержинском.

В момент восстания в Кронштадте в газетах было опубликовано правительственное сообщение «Новый белогвардейский заговор!». В нем говорилось, что происходящее в Кронштадте «несомненно подготовлялось французской контрразведкой». Это была ложь, прикрытие для расправы.

Приказ был такой: «Жестоко расправиться с мятежниками, расстреливать без всякого сожаления, пленными не увлекаться». Будущий маршал Тухачевский приказал: «Не позже завтрашнего дня атаковать линкоры «Петропавловск» и «Севастополь» удушливыми газами и ядовитыми снарядами».

Не стоит думать, что верхушка партии не знала реального положения. Расследованием ситуации в Кронштадте занимался особоуполномоченный при президиуме ВЧК Яков Саулович Агранов, видный чекист, которому очень доверял Ленин.

Агранов составил секретный доклад, в котором, в частности, говорилось: «Кронштадтское движение возникло стихийным путем и представляло собой неорганизованное восстание матросской и рабочей массы... Следствием не установлено, чтобы возникновению мятежа предшествовала работа какой-либо контрреволюционной организации среди комсостава или работа шпионов Антанты. Весь ход движения говорит против такой возможности...»

«ЧЕРЕЗ ТРИ ГОДА ВЫ УМРЕТЕ...»

На посту главы карательного ведомства Дзержинский был жесток и беспощаден. Почему?

В юности врач сказал ему, что через три года он умрет от туберкулеза. И с тех пор Дзержинский дорожил каждой прожитой минутой. Бежав из ссылки, он жил в Польских Татрах, в Закопане, и целительный горный воздух помог вылечиться от туберкулеза. Но отношение к жизни осталось прежним.

Доктор экономических наук Отто Рудольфович Лацис, который много писал о Дзержинском, считает так:

– Когда говорят «железный Феликс», то имеют в виду человека, который железной рукой громит врага. А друзья называли его «железным», имея в виду его чудовищную требовательность к себе и к близким.

У Отто Лациса вызвал ужас эпизод, с умилением описанный племянницей Дзержинского. В самое голодное время, в 1919 году, Феликс Эдмундович забежал в гости к сестре. Худой,

изможденный... Сестра, зная его вкусы, испекла ему оладьи. Он скинул шинель, сел за стол и вдруг спрашивает:

– А ты где муку взяла?

Сестра говорит:

– Как где? Муку можно купить только у спекулянтов.

Он возмутился:

– Я с ними день и ночь сражаюсь, а ты...

Схватил оладьи и выбросил в форточку.

Отто Лацис:

– Эпизод восхищения не вызывает. Мог бы оладьи сестре оставить. Но как человек он искренен...

Дзержинский был фанатично предан революции, и этим все объясняется. С того момента, как в семнадцать лет он пришел в революционную деятельность, на свободе он почти не был. Шесть лет провел на каторге и пять в ссылке. Он сидел бы в тюрьмах вечно, но его освободила революция. Его единомышленников пороли розгами, вешали. Разве мог он об этом забыть?

Известный писатель Лев Эммануилович Разгон, прошедший лагеря и не имеющий оснований любить ведомство госбезопасности, напомнил мне о забытом многими факте:

– Сталинский закон от 1 декабря 1934-го, который предусматривал немедленное исполнение смертного приговора, был скопирован с закона, введенного царским премьер-министром Столыпиным. Это он издал закон о военно-полевых судах. Они состояли только из офицеров. Судили сразу после ареста, без прокуроров, защитников и без допроса свидетелей. И приговор приводили в исполнение немедленно. Причем вешали не террористов, которые убивали губернаторов, министров, их всего-то было десятка два. А повесили сотни мужиков, которые пустили красного петуха в помещичьи усадьбы....

Дзержинский не имел оснований быть снисходительным в Гражданской войне к тем, кто держал его и его единомышленников на каторге, поэтому он был беспощаден. И в этой борьбе он не считал себя связанным какими-то нормами морали.

Г.И. Мясников, старый большевик, организатор так называемой «Рабочей группы», в мае 1923 года за критику партийного руководства был арестован и выслан в Берлин. То есть все его преступление состояло в том, что он, будучи большевиком, не соглашался с какими-то действиями партийного руководства. Этого оказалось достаточно для того, чтобы его сторонников, входивших в «Рабочую группу», посадили.

В Москве думали, что, оказавшись в эмиграции, Мясников перестанет заниматься политикой. Но он, напротив, продолжал активно выступать и критиковать советское партийное руководство. Тогда было решено заставить его замолчать.

7 сентября 1923 года Дзержинский отправил письмо полпреду в Германии Крестинскому: «Прошу Вас по возможности лично вызвать Мясникова к себе и объявить ему об отмене высылки и разрешении ему вернуться в пределы СССР.

Отмена высылки совершена ввиду того, что пребывание Мясникова в Германии является нежелательным вследствие развитой им антипартийной и антисоветской работы и установления им контакта с левым крылом германской компартии. Необходимость непрямого возвращения Мясникова в СССР признана руководящими кругами.

Просьба к Вам: принять все меры к тому, чтобы Мясников выехал немедленно обратно в Совроссию. Из беседы с Вами у Мясникова должно создаться впечатление, будто вопрос о репрессиях против него отпал».

Мясников угодил в расставленную ему ловушку и с радостью вернулся на родину. Ему обещали, что ЦК проведет с ним переговоры и он сможет нормально работать. Он и предположить не мог, что его просто обманывают.

19 ноября 1923 года Дзержинский писал Молотову:

«Считаю пребывание Мясникова на свободе сугубо опасным. Во-первых, для всех это непонятно и является доводом, что ЦК боится его или чувствует свою неправоту в отношении «Рабочей группы». Затем Мясников, вернувшись сюда и не находя того, за чем сюда приехал (переговоров и договора с ЦК), теряет всякую почву и, будучи психически неуравновешенным, может выкинуть непоправимые вещи...»

Поэтому я думаю, что Мясников должен быть арестован. О дальнейшем необходимо решить после его ареста. Думаю, что надо будет его выслать так, чтобы трудно было ему бежать».

Так и было сделано. Мясникова арестовали и упрятали за решетку...

Дзержинского называли святым убийцей. Да, это так, он был очень противоречивый человек, а вовсе не одномерная личность, какой его представляют. В нем странно сочеталось стремление к добру и способность творить зло.

Он служил революции. Но, по мнению Отто Лациса, он предпочел бы работать не в ВЧК, а в Высшем совете народного хозяйства, который он возглавил в 1924 году.

Дзержинский не руководил подавлением Кронштадтского мятежа и антоновского восстания, хотя это ему по должности полагалось. В этих самых позорных и кровавых карательных деяниях он не участвовал. За него все сделали другие...

Сохранился датированный 11 июня 1921 года приказ полномочной комиссии ВЦИК, отправленной в Тамбов для ликвидации антоновского восстания:

«1. Граждан, отказывающихся назвать свое имя, расстреливать на месте без суда.

2. В селениях, в которых скрывается оружие, властью уполиткомиссии или райполиткомиссии объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае несдачи оружия.

3. В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда старшего работника в семье.

4. Семья, в которой скрывается бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество ее конфискуется, старший работник в этой семье расстреливается без суда.

5. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитов, и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда.

6. В случае бегства семьи бандита имущество таковой распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать или разбирать.

7. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно.

Председатель полномочной комиссии ВЦИК *Антонов-Овсеенко*.

Командующий войсками *Тухачевский*».

Академик Александр Николаевич Яковлев, которому не только собственный опыт работы в политбюро, но и руководство Комиссией по реабилитации жертв политических репрессий помогает лучше осмыслить особенности сознания этих людей, говорил мне:

– Если пытаться понять Ленина, Троцкого, Сталина и других руководителей, то ключевое слово – власть. Есть люди, для которых власть – это все. И на пути к власти люди пренебрегают своим достоинством, чужими страданиями. Они оседлали идею строительства коммунизма счастливого общества. Хотите быть счастливыми? А кто не хочет. Значит, надо идти на жертвы. Сказали: достичь этой цели надо любыми средствами... Вот пятнадцать миллионов в Гражданскую и погибло. К примеру, заложничество: детей брать от родителей в заложники – нормальный ум может такое придумать?

Сидя в тюрьме в ожидании каторги, Дзержинский писал: «Здесь, в тюрьме, часто бывает тяжело, по временам даже страшно... И тем не менее, если бы мне предстояло начать жизнь

сызнава, я начал бы ее так, как начал. И не по долгу, не по обязанности. Это для меня органическая необходимость».

Вот какую характеристику дал Дзержинскому один из ближайших его соратников Мартын Иванович Лацис (настоящее имя Ян Фридрихович Судрабс), фигура сама по себе примечательная. В 1918–

1921 годах он являлся членом коллегии ВЧК, возглавлял секретно-оперативный отдел этого учреждения и Чрезвычайную комиссию на Украине. Отличался беспримерной жестокостью. После того как вместе с Дзержинским стал заниматься промышленностью, ведал Главсолью, работал в наркомземе, руководил Институтом народного хозяйства имени Плеханова. В 1938-м был расстрелян.

Мартын Лацис так писал о своем начальнике: «Феликс Дзержинский не просто организатор, не просто председатель ВЧК. Его натура не довольствуется только руководством. Он сам жаждет действовать. И мы нередко видели, как он сам допрашивает обвиняемого и роется в изобличительных материалах. Его настолько захватывает дело, что он просиживает ночи в помещении ВЧК. Ему некогда сходить домой. Он спит тут же, в кабинете за ширмой. Он и столуется тут же, курьер приносит ему еду, какой питаются все сотрудники ВЧК».

Дзержинский не был патологическим садистом, каким его часто изображают, кровопийцей, который наслаждался мучениями своих узников. Он не получал удовольствия от уничтожения врагов, но считал это необходимым. А после окончания Гражданской войны сам сдерживал карательную деятельность своих подчиненных.

17 января 1920 года ВЦИК и Совет народных комиссаров по предложению Дзержинского приняли решение «отменить применение высшей меры наказания (расстрелы) как по приговорам ВЧК и ее местных органов, а так же и по приговорам трибуналов».

Через месяц, 28 февраля, Дзержинский подписал приказ президиума ВЧК № 21:

«Прежде чем арестовывать того или иного гражданина, необходимо выяснить, нужно ли это. Часто можно не арестовывая вести дела, избрав мерой пресечения: подписку о невыезде, залог и т. д. и т. п., а дело вести до конца. Этим ЧК достигнет того, что будут арестованы только те, коим место в тюрьме, и не будет ненужной и вредной мелочи, от которой только одни хлопоты, загромождение ЧК, что лишает ЧК возможности заниматься серьезным делом...»

8 января 1921 года Дзержинский подписал приказ «О карательной политике органов ЧК»:

«Держать в тюрьме толпы крестьян и рабочих, попавших туда за мелкие кражи или спекуляцию, недопустимо... Если заставить провинившегося рабочего вместо тюрьмы работать на своем же заводе, то такое пребывание на всем честном народе, который будет ждать: украдет Сидоров или Петров еще раз, опозорит он опять завод или станет настоящим сознательным товарищем, такой порядок будет действовать гораздо сильнее и целесообразнее, чем сидеть под следствием и судом. Рабочая среда сумеет выправить слабых, малосознательных товарищей, а тюрьма их окончательно искалечит». Одновременно Дзержинский отправил в ЦК письмо:

«ВЧК полагает возможным отменить высшую меру наказания по всем политическим преступлениям, за исключением террористических актов и открытых восстаний. В области уголовных преступлений ВЧК считает необходимым применять высшую меру наказания к бандам и шпионам, но в особенности настаивает на сохранении высшей меры наказания для тех должностных преступлений, которые резким образом препятствуют Советской власти восстановить производительные силы РСФСР...»

Относительно тюремной политики ВЧК издала приказ № 10 от 8 января с. г., в основу его лег принцип создания специального режима для буржуазии и передача рабочих на поруки заводских комитетов. Причем особенное внимание обращено на то, что ЧК прибегала к арестам лишь в случаях действительной необходимости.

Кроме того, приказом № 186 от 30 декабря прошлого года ВЧК указывает, что арестованные по политическим делам члены разных антисоветских партий должны рассматриваться не как наказуемые, а как временно, в интересах революции, изолируемые от общества, и условия их содержания не должны иметь карательного характера».

После Гражданской войны масштабы репрессий действительно сократились. Но жестокость, ничем не сдерживаемая, широко распространилась в аппарате госбезопасности. Тем более, что беспощадность поощрялась с самого верха. За либерализм могли сурово наказать, за излишнее рвение слегка пожурить.

Ленин писал председателю Петроградского совета Григорию Евсеевичу Зиновьеву после убийства комиссара по делам печати, пропаганды и агитации Петрограда Володарского: «Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего решает».

Ленин приказывал и брать заложников. Эту идею охотно брали на вооружение.

Заместитель председателя ВЧК Ян Петерс приказал арестовывать жен и всех взрослых членов семей офицеров, которые из Красной армии перешли на сторону Белой армии.

Каждый город в первые годы сам решал, кого арестовывать и расстреливать. ЧК вместе с партийной властью хватала бывших офицеров, иностранцев, подозреваемых в шпионаже.

Для расстрела было достаточно одних только анкетных данных. По телефонным и адресным книгам составлялись списки капиталистов, бывших царских сановников и генералов, после чего всех поименованных в них лиц арестовывали.

Николай Иванович Бухарин, который считался самым либеральным из большевистских руководителей, писал в 1920 году: «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как ни парадоксально это звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

Многое зависело от местных руководителей ЧК. Кто-то из них многое сделал для того, чтобы обуздать преступность. ЧК боролись и со взяточничеством – преступлениями по должности, как это тогда называлось. Взятки сразу же после революции и в 20-х годах брали везде.

Сурово относились и к самим чекистам, совершившим преступления, например в тех случаях, когда они пытались присвоить деньги, конфискованные при обысках. В сотрудники ЧК нередко попадали весьма сомнительные люди, в том числе и совершенно малограмотные.

В учетной карточке одного из председателей Петроградской ЧК Семена Семеновича Лобова в графе «Образование» было написано: «Не учился, но пишет и читает». Это не мешало его успешной карьере. Лобов пошел в гору после того, как в одну ночь арестовал в Петрограде три тысячи человек. Стал членом оргбюро ЦК и наркомом пищевой промышленности. В октябре 1937 года был расстрелян.

ЖЕРТВОЙ МОГ СТАТЬ ЛЮБОЙ

8 июля 1919 года ВЧК по обвинению в участии в контрреволюционной белогвардейской организации арестовала главнокомандующего Вооруженными силами Советской России Иоакима Вацетиса. Бывший полковник царской армии, он сразу же перешел на сторону советской власти. В 1918-м сформировал Латышскую дивизию, что уже само по себе немалое дело: ведь латышские стрелки считались самым надежным отрядом революции. Особо отличился Вацетис при подавлении мятежа левых эсеров. В Гражданскую командовал Восточным фронтом. 6 сентября 1918 года был назначен главнокомандующим Вооруженными силами республики. Но через год его арестовали. Поскольку выдвинутые против него обвинения не подтвердились, его освободили. И все же ему не удалось избежать судьбы многих других военачальников: в 1938-м командарма второго ранга Вацетиса расстреляли.

В марте 1921 года в ЦК пришло заявление от коммунистов – сотрудников Кушкинского отделения Особого отдела Туркестанского фронта. Это был поразительный документ:

«Коммунист, попадая в карательный орган, перестает быть человеком, а превращается в автомат, который приводится в движение автоматически. Даже механически мыслит, так как у него отнимают право не только свободно говорить, но свободно индивидуально мыслить. Он не может свободно высказать свои взгляды, излить свои нужды, так как за все грозят расстрелом...»

Благодаря долгому пребыванию в карательных органах, благодаря однообразной, черствой, механической работе, которая только заключается в поисках преступников и в уничтожении, они постепенно против своей воли становятся индивидами, живущими обособленной жизнью.

В них развиваются дурные наклонности, как высокомерие, честолюбие, жестокость, черствый эгоизм и т. д., и они постепенно, для себя незаметно, откалываются от нашей партийной семьи, образуя свою особенную касту, которая страшно напоминает касту прежних жандармов... Являясь бронированным кулаком партии, этот же кулак бьет по голове партии...»

При этом чекисты не в состоянии были совладать с настоящей преступностью.

Ольга Львовна Барановская-Керенская, первая жена главы Временного правительства Александра Керенского, которая впоследствии тоже уехала, оставила воспоминания о после-революционной России. Вот как описала зиму 1919/20 года:

«В городе начались ограбления квартир и убийства. Прислуги почти никто уже, кроме коммунистов, не держал, дворники были упразднены, охранять дома и квартиры было некому...»

Мы понимали, что все идет прахом и цепляться за вещи незачем, что надо только стараться сохранить жизнь, не быть убитыми грабителями, не умереть с голоду, не замерзнуть... В течение нескольких месяцев, а может быть, и больше, пока дети не достали мне чугунную печьку, я жила, не раздеваясь, и никогда не спала на кровати...

В голове никаких мыслей и никаких желаний, кроме мучительных дум о том, что еще продать и как и где достать хоть немного хлеба, сахара или масла... Тротуаров уже не было, и не было ни конного, ни трамвайного движения (лошади все были съедены), улицы не чистились, снег не сгребался, по улицам плелись измученные, сгорбившиеся люди. И как горькая насмешка на каждом шагу развевались огромные плакаты: «Мы превратим весь мир в цветущий сад».

В марте 1919 года сотрудник наркомата по иностранным делам, оказавшийся на Украине, написал возмущенное письмо своему непосредственному начальнику – наркому Чичерину и, прекрасно понимая пределы его компетенции, непосредственно Ленину. Он попал на заседание украинского правительства, где обсуждалась судьба двух сотрудников Всеукраинской чрезвычайной комиссии, и это стало поводом для обсуждения ситуации в чекистском ведомстве:

«Эти третьестепенные персонажи позволили себе утаить известную сумму казенных денег, были повинны в мелком взяточничестве и в мелком вымогательстве в то время, как в учреждении, в котором работали эти «стрелочники», все насквозь пропитано уголовщиной, хулиганством, полнейшим произволом и безответственностью опытных негодяев...»

Перед собранием предстала возмутительнейшая картина диктатуры этого официально подчиненного учреждения – картина полного игнорирования им всех законов и распоряжений правительства.

В продолжение долгого времени наркомюст Хмельницкий тщетно добивался от ВЧК сведений о содержащихся в заключении и о расстрелянных по постановлениям ЧК...

Оказалось, что более половины «дел» о лицах, давно уже содержащихся под стражей, заключали в папке лишь приказ об аресте. Никакими способами ни Хмельницкому, ни самим руководителям ЧК не удалось установить мотивов ареста подавляющего большинства заключенных...

Между тем ЧК оказывает сильнейшее сопротивление малейшей попытке разгрузить тюрьмы от лиц, которым упорно не предъявляется никакого обвинения, а предъявить обвинения большинству никак не может, запутавшись в густых сетях произвольных и совершенно беспричинных арестов, произведенных ее агентами...

В Екатеринославе вооруженные с головы до ног люди от имени ЧК, комендатуры города, уголовно-розыскной милиции и других учреждений производят обыски, аресты, подбрасывают фальшивые деньги, напрашиваются на взятки, шантажируют этими взятками, заключая в тюрьму тех, кто эту взятку дал, чтобы в конце концов освободить человека из-под страха смерти за удесятеренную или удвадцатеренную взятку...

В Екаринославе повторилось то, что имело уже место и в других областях: восторженно встретившее наши войска население, с нетерпением ждавшее наступления благоприятных перемен с организацией Советской власти, к величайшему нашему несчастью видит лишь активность Чрезвычайной Комиссии, которая, очевидно, призвана разочаровывать окрыленное надеждами измученное население...»

К концу эпохи Держинского госбезопасность старалась контролировать все стороны жизни общества.

В 1926 году заместитель Держинского Генрих Григорьевич Ягода подписал циркуляр, запрещающий публиковать сведения о маршрутах поездок и местах выступлений членов правительства и ЦК. ОГПУ было недовольно тем, что некоторые редакции посылали не только репортеров, но и фотографов: «Появление заранее этих сведений в печати облегчало работу всякого рода шпионов и крайне затрудняло работу по охране членов правительства».

ОГПУ постановило:

«Всякая посылка репортеров, фотографов и им подобных работников вслед за отъезжающими членами правительства, как равно и в месте пребывания их вне Москвы, без специальной визы ОГПУ (отдел политконтроля) запрещается.

Редакции, посылающие своих работников без визы ОГПУ, будут подвергаться штрафу, а репортеры, фотографы и пр. аресту».

Председатель Всероссийского союза журналистов Михаил Андреевич Осоргин был арестован, когда он вошел во Всероссийский комитет помощи голодающим Поволжья. Следователь задал ему обычный в те годы вопрос:

– Как вы относитесь к советской власти?

– С удивлением, – ответил Осоргин, – буря выродилась в привычный полицейский быт.

МОНЕТАРИСТ И РЫНОЧНИК

В 1922 году на съезде транспортников выступал Феликс Эдмундович Держинский. Он говорил:

«Полагают некоторые товарищи, что если напечатать достаточное количество денег, то это разрешило бы стоящие перед нами проблемы. Но это глубочайшее заблуждение, это иллюзия, ибо печатный станок только тогда в условиях нашей новой экономической политики может себя оправдать, если он станет печатать такое количество денег, какое необходимо для товарообмена между городом и деревней, между одной отраслью промышленности и другой, между транспортом и промышленностью.

Но если в стране нет хлеба, если нет готовых изделий, то никакая напечатанная бумажка не может этого хлеба, этих изделий создать. Необходимо создать листовое железо, необходимо

отлить чугун, необходимо возделывать поля, сжать и смолотить хлеб для того, чтобы печатный станок мог выполнить свою миссию...»

Читая сейчас эти слова, можно подумать, что это выступает современный либеральный экономист, а не председатель ГПУ. После окончания Гражданской войны работа в госбезопасности отходит у Дзержинского на задний план.

В эти годы Дзержинский выполнял безумное количество обязанностей: он был председателем Главного комитета по всеобщей трудовой повинности, председателем комиссии по борьбе со взяточничеством, председателем комиссии по улучшению быта московских рабочих, председателем общества друзей кино, председателем комиссии по улучшению жизни детей, председателем комиссии по пересмотру структуры всех ведомств СССР, членом президиума общества изучения проблем межпланетных сообщений...

Но все это были второстепенные должности. В большой политике Дзержинский не преуспел. Он так и не стал членом политбюро, остался кандидатом, менее авторитетные в партии люди легко обошли его. По непонятным причинам Ленин не особо его жаловал и не выдвигал в первый ряд.

В апреле 1920 года Дзержинского отправили на Украину руководить борьбой с бандитизмом. Несколько месяцев он был начальником тыла Юго-Западного фронта. Он страдал от нервного и физического переутомления, ему предписали курс лечения.

26 июня 1920 года он писал Ленину из Харькова:

«Дорогой Владимир Ильич!

Спешу ответить, что я не подчинился только букве предписания ЦК, я не на даче, но я усиленно лечусь водолечением. Врачи нашли только нервное переутомление, а все остальное в полном порядке, в том числе и легкие. И я лечусь усердно – желая еще поработать...

С Махно мне не везет. С ним можно было скоро расправиться, имея конницу. У меня ее не было. Только теперь удастся мне сколотить полк из эскадронов, которые удалось выклянчить. Надеюсь через неделю пустить этот полк в действие.

Я хотел бы, чтобы ЦК решил, как долго мне здесь оставаться. Мое пребывание здесь усиливает темп работы ЧК, и мне кажется, что дальнейшее пребывание необходимо. Но из Москвы т. Ксенофонтов и другие по ВЧК и Главкомтуду жалуются, что я слишком засиделся на Украине и от этого там работа страдает. Мне самому трудно решить. Я думаю побыть здесь еще недели две, потом на неделю вернуться в Москву, чтобы затем приехать сюда обратно. Буду ждать решения ЦК».

Секретарь ЦК Крестинский по просьбе Ленина сообщил Дзержинскому: «Ждем Вас в Москву к пленуму, здесь, вероятно, придется пробыть недели две (пленум, Интернационал, совещание Комтудов), потом можете вернуться на Украину».

Ленин, надо понимать, исходил из того, что в Москве он может обойтись без Феликса Эдмундовича.

Троцкий вспоминал позднее:

«Дзержинский отличался глубокой внутренней честностью, страстностью характера и импульсивностью. Власть не испортила его. Но этих качеств не всегда хватало для тех задач, которые на него ложились. В эпоху Ленина не могло быть и речи о включении его в политбюро...

Самостоятельной мысли у Дзержинского не было. Он сам не считал себя политиком, по крайней мере при Ленине. По разным поводам он неоднократно говорил мне: «Я, может быть, неплохой революционер, но я не вождь, не государственный человек». В этом была не только скромность. Самооценка была верна по существу. Политически Дзержинский всегда нуждался в чем-нибудь непосредственном руководстве...

В 1921-м или, может быть, в 1922-м Дзержинский, крайне самолюбивый, жаловался мне с нотой покорности к судьбе в голосе, что Ленин не считает его политической фигурой. «Он не считает меня организатором, государственным человеком», – настаивал Дзержинский.

Ленин был не в восторге от работы Дзержинского на посту наркома путей сообщения. Дзержинский действительно не был организатором в широком смысле слова. Он привязывал к себе сотрудников, организовывал их своей личностью, но не своим методом... В 1922 году Орджоникидзе и Дзержинский чувствовали себя неудовлетворенными и в значительной степени обиженными. Сталин немедленно подобрал обоих».

Троцкий несколько раз в своих книгах, написанных уже в эмиграции, возвращался к личности Феликса Эдмундовича:

«В течение двух-трех лет Дзержинский особенно тяготел ко мне. В последние годы поддерживал Сталина. В хозяйственной работе он брал темпераментом: призывал, подталкивал, увлекал. Продуманной концепции хозяйственного развития у него не было...

Охлаждение между Лениным и Дзержинским началось тогда, когда Дзержинский понял, что Ленин не считает его способным на руководящую хозяйственную работу. Это, собственно, и толкнуло Дзержинского на сторону Сталина. Тут уж Ленин счел нужным ударить по Дзержинскому как по опоре Сталина».

Троцкий, скорее, ошибался: Дзержинский не был в прямом смысле человеком Сталина. Просто ОГПУ по указанию партии вело борьбу с оппозицией. В 1923 году Дзержинский предложил вменить в обязанность всем членам партии сообщать органам госбезопасности о любых фракционных выступлениях. Это было воспринято с энтузиазмом. Недостатка в доносах не было.

Дзержинский жестко критиковал Зиновьева и Каменева, потому что не разделял их экономическую программу, предусматривавшую использование жестких административных мер вместо экономических рычагов. Он еще не знал, что их программа вскоре станет линией Сталина. До этого Дзержинский не дождался.

Отношение Ленина к Дзержинскому совсем испортилось в 1922 году. Ленин назначил его председателем комиссии, которая должна была разобраться с жалобами грузинских коммунистов на первого секретаря Закавказского крайкома Серго Орджоникидзе, который попросту ими командовал, не допуская самостоятельности, и, ведя себя очень грубо, даже ударил члена ЦК компартии Грузии Кабахидзе, который назвал его «сталинским ишаком». Кабахидзе подал жалобу. Но ходу ей не дали.

Начальник сталинской канцелярии Амаяк Назаретян написал другу Серго, что Матвей Шкирятов, председатель Центральной комиссии по проверке и чистке рядов партии, «хохотал и говорил: жаль, мало попало, только один раз ударил!».

Грузины предлагали, чтобы Грузия напрямую входила в состав СССР, минуя ненужную надстройку – Закавказскую Федерацию, как это и произошло потом. Дзержинский решительно встал на сторону Орджоникидзе. Феликс Эдмундович был против всего, что можно толковать как национализм и сепаратизм.

Прочитав доклад комиссии, Ленин зло обвинил Дзержинского вместе со Сталиным и Орджоникидзе в великорусском шовинизме, добавив обидное: «Известно, что обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения».

Ленин распорядился перепроверить все материалы комиссии Дзержинского «на предмет исправления той громадной массы неправильностей и пристрастных суждений, которые там несомненно имеются». И приписал: «Политически ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского». Уже стоял вопрос о том, чтобы снять Дзержинского, но Ленину внезапно стало крайне плохо – его частично парализовало, он потерял речь, и на этом все закончилось.

После смерти Ленина комиссию по увековечению памяти вождя возглавил Дзержинский. Именно он поставил вопрос о том, что надо сохранить облик Ленина и после смерти. Дзержинский говорил, что уж если царей бальзамировали, то не забальзамировать Ленина – преступление. Под руководством Дзержинского в сжатые сроки был построен первый мавзолей.

Похороны Ленина, что бы мы сейчас о нем ни думали, были тогда событием огромного политического значения. В записках моего дедушки, Владимира Михайловича Млечина, который учился тогда в Москве в Высшем техническом училище, позже получившем имя Баумана, я нашел описание этого дня:

«27 января я пришел на Красную площадь, где пылали костры. У костров грелись милиционеры, их было очень мало, красноармейцы, тоже немногочисленные, люди, которые пришли попрощаться с Лениным.

Кто догадался в те дни привезти топливо и в разных местах разложить костры? Это был человек, сам достойный памятника. И не только потому, что спас от обморожения сотни, а может быть, тысячи и тысячи человек. Он показал наглядно, что должно делать даже в такие минуты, когда все текущее, бытовое, житейское кажется неважным, преходящим, третьестепенным.

К Колонному залу, потом на Красную площадь мы двинулись вдвоем с Мироном Борисовичем Вольфсоном. Революционер старого закала, он не то дважды, не то трижды убежал из гитлой верхоянской ссылки через сотни километров нехоженой тайги, где не было ни угрева, ни укрытия.

Мы жили в одном доме, часто играли в шахматы, вечерами ходили по кольцу «Б» – тогда это означало обойти почти вокруг всей Москвы. Когда я выразил сомнение, что, может быть, на Красную площадь и не удастся попасть, слишком много будет народу, да и мороз жестокий, Мирон Борисович иронически посмотрел на меня: чего же ты, мол, стоишь, если в двадцать два года боишься московской стужи?

На Красную площадь мы попали. Народу было много, но никакой давки, никакого беспорядка. И милиции-то было мало. Порядок как-то складывался сам по себе. Это были не толпы, шли тысячи и тысячи граждан, и каждый инстинктивно знал свое место, не толкаясь, не напирая на других, не пытаясь проскочить вперед.

Такого, как будто никем не организованного, естественно сохранявшегося порядка я после этого уже никогда не видел ни на парадах, ни во время демонстраций, которые с каждым годом поражали все большим числом блюстителей порядка и все меньшей внутренней дисциплиной и самоорганизацией масс. Людей с жестоким упорством отучали самостоятельно двигаться по жизни... И по улице тоже».

В роли наркома внутренних дел, а Дзержинский занимал этот пост четыре года (с 30 марта 1919-го до начала июля 1923-го), он мало себя проявил: был полностью занят ВЧК. Зато успешно работал наркомом путей сообщения (с апреля 1921-го по февраль 1924-го) и особенно блестяще на посту председателя Высшего совета народного хозяйства СССР (с 1924 года и до смерти).

Из Дзержинского-чекиста получился прекрасный хозяйственник, хотя у него не было экономического образования.

В письме Ленину от 10 апреля 1922 года, опубликованном после перестройки, Дзержинский пишет: «Я не политик и не экономист» – и называет себя всего лишь «администратором». Дзержинский писал Ленину, что реформа на транспорте требует поставить во главе наркомата путей сообщения «авторитетного и смелого политика-экономиста... Я к этой роли не гожусь, не будучи ни политиком, ни экономистом».

Феликс Эдмундович недооценивал себя.

– Дзержинский был очень способный человек, с блестящим экономическим чутьем, фантастической работоспособностью, хотя и без высшего образования. По взглядам – сверхры-

ночник. Он был ярким врагом эмиссии и распределительной деятельности, – рассказывал мне Отто Лацис.

Доктор экономических наук Лацис написал книгу о работе Дзержинского в промышленности. Он пишет, что, когда Дзержинский пришел в наркомат путей сообщения, то начал с того, что призвал на помощь всех старых специалистов. Своим заместителем сделал человека, который занимал этот пост при царе. До Дзержинского считалось, что поезда стоят, потому что не хватает паровозов. Когда же грохнули остатки золотого запаса на закупку мощных локомотивов, то оказалось, что мосты эти мощные паровозы не выдержат. Начинать надо было с путей, разрушенных по всей стране.

Он понял, что на мизерную зарплату железнодорожник прожить не может и бороться с воровством и взятками надо путем повышения зарплаты. За два года он сумел добиться своего: железнодорожники стали жить прилично по тем временам.

Когда Алексей Иванович Рыков стал главой правительства, Дзержинский занял его место председателя Высшего совета народного хозяйства.

Отраслевых наркоматов тогда не было: они возникли в 1932 году, и ВСНХ, подразделявшийся на главные управления, занимался всей промышленностью. Дзержинский руководил еще и Главметаллом, замещенным в последующую эпоху примерно полтора десятками министерств черной металлургии, цветной металлургии, машиностроения, приборостроения – словом, всего, что связано с металлом и изделиями из него.

Расцвет нэпа пришелся на тот момент, когда промышленностью руководил Дзержинский. Он понимал, что в экономике надо действовать экономическими методами, хотя часто возникало ощущение решить любую проблему с помощью ОГПУ.

28 марта 1923 года Дзержинский писал своему заместителю по ОГПУ Генриху Ягоде:

«На почве товарного голода НЭП, особенно в Москве, принял характер ничем не прикрытой, для всех бросающейся в глаза спекуляции, обогащения и наглости. Этот дух спекуляции уже перебросился и в государственные, и в кооперативные учреждения и втягивает в себя все большее количество лиц вплоть до коммунистов. Этому надо положить конец».

Дзержинский приказал Ягоде подготовить доклад в ЦК и принять ряд мер:

«1. Выселение из крупных городов с семьями... 2. Конфискация имущества и выселение из квартир. 3. Ссылка с семьями в отдаленные районы и в лагерь – колонизация ими безлюдных районов...»

Сталину Дзержинский обещал: «Я уверен, что в месячный срок мы оздоровим Москву от этих элементов и что это скажется, безусловно, на всей хозяйственной жизни».

Политбюро приняло предложение Дзержинского, и началась кампания выселения из Москвы. Она прекратилась решением политбюро в марте 1924 года – об этом попросил нарком финансов Сокольников. Репрессии мешали наркомату финансов проводить валютные операции.

Феликс Эдмундович привлекал спецов и вовсе не видел в них врагов, которых надо давить. Напротив, радовался, что они оценили успехи советской власти. Самых толковых чекистов Дзержинский перевел к себе в ВСНХ не врагов народа искать, а в промышленности работать.

Отто Лацис:

– Дзержинский пришел в ВСНХ не зная ничего, но стал слушать знающих людей, вникал. Ждали: сейчас придет чекист, железная рука, всех разгонит. А он собрал руководителей промышленности и сказал: «Помогайте, я пришел учиться».

Он сразу выступил против государственного монополизма и взвинчивания цен. Монополия очень удобна для производителя: назначил любую цену, и покупателю деваться некуда. При капитализме конкуренция мешает взвинчивать цены, а при советской власти кто может помешать?

Но случилось непредвиденное: промышленную продукцию никто не покупал. Деревня обеднела, и у нее просто не было денег. Снижать цены промышленность не хотела, добивалась государственного заказа. Но у государства денег тоже не было. Это был кризис сбыта, пришедший на 1922–1924 годы. А если точнее, кризис, вызванный неумением торговать.

Дзержинский жаловался в политбюро: «Цены не являются, как раньше, критерием для оценки, так как они определяются Госпланом и в других кабинетах «на кофейной гуще». Рынка же у нас нет».

При капитализме тот, кто взвинтил бы непомерно цены, разорился бы. А при социализме в результате такой политики разориться может только само государство.

Сельское хозяйство было тогда частным, и Дзержинский предупреждал: государство рухнет, если будете так драться с крестьянина. И сами рухнем...

Склады были забиты, машины не продавались. И лишь после того, как Дзержинский добился, чтобы цены стали рыночными, произведенные за год машины распродали за несколько недель.

Он на практике применял сугубо рыночные методы. Ленин заявил, что социализм – это советская власть плюс электрификация всей страны. Дзержинский же утверждал, что при проведении политики следует исходить из формулы «советская власть плюс рынок».

Феликс Эдмундович был крайне эмоциональным человеком. Для исполнения министерских обязанностей ему не хватало терпения, цинизма и некоего равнодушия, которые спасают профессиональных чиновников от перегрузок.

3 августа 1923 года Дзержинский, после столкновения на заседании Совета труда и обороны (СТО) с Рыковым, написал сгоряча письмо Сталину, жалуясь на отношение к нему членов правительства:

«В обстановке борьбы, полного игнорирования и недоверия ко мне со стороны председателя и членов СТО я работать не в состоянии по физическим своим свойствам – эти свойства Вам известны. Я не гожусь в государственные люди, а потому моя просьба – снять меня с наркомпутевства, со СТО и СНК, или оставить в НКПС в должности члена коллегии, или, если это невозможно, совершенно меня убрать оттуда, поручив заняться целиком ГПУ».

Это письмо Дзержинский, остыв, все-таки отправлять не стал.

За три недели до смерти Дзержинский написал личное письмо члену политбюро и заместителю главы правительства Валериану Владимировичу Куйбышеву.

Он признавался, что не знает, что делать. Его выступления против существующих порядков помогут оппозиции, а этого он не хочет. Но если ничего не делать, «страна найдет своего диктатора – похоронщика революции, – какие бы красные перья ни были на его костюме. Все почти диктаторы ныне бывшие красные – Муссолини, Пилсудский.

От этих противоречий устал и я.

Я столько раз подавал в отставку. Вы должны скорее решить. Я не могу быть председателем ВСНХ при таких моих мыслях и муках. Ведь они излучаются и заражают. Разве ты этого не видишь? Я так, ей-ей, не могу быть в ВСНХ. Я умоляю вас всех снять меня и поставить своего человека, т. е. такого, которому не пришлось бы испытывать столько сопротивления по всякому вопросу».

И Дзержинский приписал поразительную для председателя ОГПУ фразу: «Мне уже стало так тяжело постоянно быть жестким хозяином».

В политическом смысле он находился между двумя лагерями. Он был против оппозиции, потому что Каменев и Зиновьев взяли на вооружение прежние троцкистские лозунги, которые двумя годами позднее стали лозунгами Сталина.

Оппозиция предлагала раздеть крестьянина: больно богат стал. Дзержинский отвечал им: разденете крестьянина – сами останетесь без штанов.

Но он не принадлежал и к сталинскому лагерю. Чувствовал, что чужой и тем и другим. Если бы он прожил еще два года, его записали бы в правые вместе с Бухариным. В сталинском окружении его не считали своим.

Молотов – уже на пенсии – объяснял своему преданному биографу Феликсу Чуеву: «Дзержинский, при всех его хороших, замечательных качествах – я его лично знал очень хорошо, его иногда немножко слащаво рисуют, – и все-таки он, при всей своей верности партии, при всей своей страстности, не совсем понимал политику партии».

Феликс Эдмундович безумно много работал, совсем не умел наслаждаться жизнью. До революции жил очень скудно, не позволяя себе тратить партийные деньги на личные удовольствия, хотя другие революционеры, оказавшиеся за границей, начиная с Ленина, жили очень недурно. И после революции заставлял себя думать только о работе. Даже не ходил в театры и кино, чтобы не отвлекаться от дела.

Вот как писал об этом Троцкий:

«Дзержинский был человеком великой взрывчатой страсти. Его энергия поддерживалась в напряжении постоянными электрическими разрядами. По каждому вопросу, даже и второстепенному, он загорался, тонкие ноздри дрожали, глаза искрились, голос напрягался и нередко доходил до срыва. Несмотря на такую высокую нервную нагрузку, Дзержинский не знал периодов упадка или апатии. Он как бы всегда находился в состоянии высшей мобилизации».

Дзержинский влюблялся нерассуждающей любовью во всякое дело, которое выполнял, ограждая своих сотрудников от вмешательства и критики со страстью, с непримиримостью, с фанатизмом, в которых, однако, не было ничего личного: Дзержинский бесследно растворялся в деле».

Отношения с женой у Дзержинского были не лучшие. Семейная жизнь не удалась. Засиживаясь за полночь с бумагами, он часто просил постелить ему в кабинете.

Нами Микоян, невестка Анастаса Ивановича, после войны жила в Кремле, где все еще находились квартиры руководителей страны. Там же обитала и вдова Дзержинского – Софья Сигизмундовна, «суховатая, строгая, подтянутая». Она регулярно ходила на партийные собрания в организацию, которая включала неработающих членов семей, а также сотрудников прачечной и горничных с воинскими званиями (все они были сотрудниками госбезопасности). «Была Софья Сигизмундовна уже пожилой, но энергичной. Рассказывала о дореволюционном прошлом, – вспоминает Нами Микоян. – Она строго, нравоучительно излагала свои мысли о том, что девушку с юности нужно учить домашнему хозяйству, труду...»

Дзержинский был человеком больным. Его здоровье было подорвано тюрьмой и каторгой. В последние годы жизни его постоянно наблюдали врачи. Он жил на даче рядом со своим заместителем Менжинским. Они вместе ездили на курорты в Крым, в Кисловодск. От обильной еды Дзержинский даже как-то располнел и обрюзг.

Советская власть организовала своим вождям усиленное питание.

14 июня 1920 года Малый Совнарком утвердил «совнаркомовский паек». Ответственным работникам ЦК полагалось на месяц (в фунтах, один фунт – четыреста граммов): сахара – 4, муки ржаной – 20, мяса – 12, сыра или ветчины – 4. Два куса мыла, 500 папирос и 10 коробков спичек. Наркомам и членам политбюро давали больше. Ленину и Троцкому, скажем, полагалась красная и черная икра. Сталину не полагалась. Он это запомнил...

В последующие годы пайки для руководящего состава все увеличивались и увеличивались. Но переедание тоже вредно, тем более для таких тяжелых сердечников, как Дзержинский.

Сохранилась короткая переписка Куйбышева и Рыкова о Дзержинском (она датируется июлем 1926 года, жить Феликсу Эдмундовичу оставалось совсем немного).

Дзержинский написал Рыкову письмо с просьбой освободить его от руководства ВСНХ. Тогда Куйбышев предложил, что он уступит Дзержинскому свое место наркома рабоче-кре-

стьянской инспекции: «Инициативы у него много и значительно больше, чем у меня... Дело с ним настолько серьезно (ведь он в последнем слове прямо намекал на самоубийство), что соображения о моей амбиции должны отойти на задний план».

Рыков предложил другой вариант: «А что, если его назначить председателем Совета Труда и Оборона и возобновить опыт двух правительств?»

Куйбышев не согласился: «Это исключено. Система двух правительств должна быть похоронена навсегда. Не говоря уже о том, что для руководителя СТО не годится ни нервная система Феликса, ни его импрессионизм. У него много инициативности, но нет черт руководителя (системы в работе, постоянного осязания всей сложности явлений и их взаимоотношений, точного чутья к последствиям той или другой меры и т. д.). В ВСНХ преимущества инициативности еще могут перевешивать недостатки Феликса как руководителя, но в СТО это уже не выйдет».

Рыков тревожно заключил: «Я боюсь, что его нервность и экспансивность без какого-либо крупного шага может довести до беды».

Феликсу Эдмундовичу стало плохо на пленуме ЦК 20 июля 1926 года, где он, выступая против наркома Каменева и оппозиции в защиту деревни и крестьянина, доказывал, что крестьянство грабить нельзя.

Разногласия между Каменевым и Дзержинским имели принципиальный характер. Каменев упрекал Дзержинского в том, что он делает уклон в сторону стихии рынка. Дзержинский же стремился регулировать рынок, но как! Завалить рынок товарами, манипулировать запасами, чтобы диктовать низкие цены. А Каменев считал, что рынком надо просто командовать.

Любопытно, что глава карательного органа спокойно относился к самому факту существования политической оппозиции. Он спорил с оппозиционерами по экономическим вопросам. В частности, его серьезно беспокоили их антикрестьянские воззрения. Но никаких административных мер против своих оппонентов он не принимал.

Его терпимость к подобным людям подтверждается и тем фактом, что у него в ВСНХ работал уже свергнутый с вершины власти, но все еще популярный Троцкий в роли начальника научно-технического отдела. И Дзержинский не затевал против него никаких козней. По настоящему ОГПУ возьмется за Троцкого лишь на следующий год после смерти Дзержинского.

Троцкий на пленуме ЦК в 1927 году очень точно откликнулся на слова Сталина насчет того, что надо вымести оппозицию из партии: «Как метлы коснется, вы в своей тарелке. Еще блинуху вам и метлу, вот и вся ваша платформа полностью».

Дзержинский говорил Каменеву: «Вы удивляетесь, что крестьянин не хочет продавать хлеб, и считаете, что в наших трудностях виноват кулак. А беда в том, что крестьянин не может купить товары, цены на которые слишком высоки. Чтобы забрать хлеб, придется вернуться к старым временам, то есть насадить помещиков».

Дзержинский еще не знал, что вскоре Сталин ограбит деревню, хлеб заберут, а умелых и работающих крестьян погонят в Сибирь. Рынок исчезнет, товарное хозяйство развалится. Страна перейдет к административной системе управления экономикой, что вызовет необходимость создания множества отраслевых наркоматов. Но чем больше управленцев, тем меньше товаров. Все необходимое становится дефицитом.

Впрочем, распределение дефицитных товаров – это система, весьма удобная некоторым слоям общества и тем, кто распределяет, и тем, кому дефицит достается.

Но вернемся к пленуму 1926 года. Придя после него к себе домой, Дзержинский упал. Вызвали врача. Тот сделал укол камфары. Но это уже не помогло. Дзержинский умер, когда ему еще не было и сорока девяти лет.

Отто Лацис сказал мне полусерьезно-полушутя:

– Если предложат поставить памятник Дзержинскому на Варварке, где когда-то находился Высший совет народного хозяйства, я обеими руками проголосую «за». Он это заслужил. Если захотят восстанавливать на Лубянке, пойду сносить...

ДЗЕРЖИНСКИЙ – ПОЛЬСКИЙ ШПИОН?

В 1920 году, когда Красная армия надеялась разгромить польскую армию и войти в Варшаву, Ленин уже прикинул состав будущего польского правительства, включив в него первым номером Дзержинского.

В 1939-м нечто подобное сделает Сталин, начав войну с Финляндией. Нападение на Финляндию вызвало осуждение во всем мире. Нужно было какое-то пропагандистское прикрытие. И в советских газетах появилось сообщение о создании в финском городе Териоки, куда вошла Красная армия, правительства Финляндской Демократической Республики, которое, мол, приветствовало наступление советских войск.

2 декабря 1939 года в газетах было опубликовано новое сообщение: нарком иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов подписал договор о взаимопомощи и дружбе с Отто Вильгельмовичем Куусиненом, возглавлявшим правительство и одновременно исполнявшим обязанности министра иностранных дел Финляндской Демократической Республики. Однако в действительности никакой такой республики не существовало, сам же Куусинен был секретарем исполкома Коминтерна.

Затем Молотов написал в Лигу Наций, что «Советский Союз не находится в состоянии войны с Финляндией и не угрожает финскому народу. Советский Союз находится в мирных отношениях с Демократической Финляндской Республикой, с правительством которой 2 декабря заключен договор о взаимопомощи и дружбе. Этим документом урегулированы все вопросы».

Но поляки в 1920-м и финны в 1939-м сумели отстоять свою независимость. Ни Дзержинскому, ни Куусинену так и не удалось возглавить правительства у себя на родине, о чем они, впрочем, и не жалели. Они считали себя, соответственно, не поляком и финном, а членами прекрасного братства народов. Во всяком случае, Дзержинский думал так до последнего дня своей жизни.

Корни жестокости Дзержинского, как и некоторых других руководителей ВЧК – ОГПУ – НКВД, будут потом искать в его нерусском происхождении: дескать, поляку чужих не жалко, вот своих он бы не сажал.

Говорить так – значит вовсе не понимать этих людей. Дзержинского этническое происхождение не интересовало. Если бы в 1920 году Красной армии больше повезло на Западном фронте и Польша вошла бы в состав Советской России, Дзержинский навел бы в Варшаве порядок той же железной рукой.

Полякам досталось бы от него еще больше, потому что в Варшаве у него было много непримиримых идеологических оппонентов. Дзержинский был яростным противником польских националистов, которые мечтали о самостоятельном государстве. Он искренне верил, что полякам лучше было бы оставаться в составе единой Советской России.

В 1917-м он выступал против требования большевиков о праве наций на самоопределение. Дзержинский был искренним интернационалистом: «Национальный гнет может быть уничтожен только при полной демократизации государства, борьбой за социализм».

Сепаратистские стремления направлены против социализма, говорил Дзержинский, поэтому «мы против права наций на самоопределение».

Выступая на II Всероссийском съезде Советов, он говорил: «Польский пролетариат всегда был вместе с русским. Мы знаем, что единственная сила, которая может освободить мир, это пролетариат, который борется за социализм».

Неукоснительно выступая против отделения Польши от революционной России, Дзержинский утверждал: «У нас будет одна братская семья народов, без распрей и раздоров».

В той среде, в которой вырос Дзержинский, национальные чувства были очень сильны: польская интеллигенция стремилась к независимости, к отделению от России, к созданию своего государства.

Но у Дзержинского было больше общего с Розой Люксембург, которая принадлежала к основателям небольшой социал-демократической партии Польши и Литвы. Они вместе, неуклонно отстаивая единство польских и русских рабочих, боролись с националистической партией будущего маршала Юзефа Пилсудского.

Уже в конце жизни Дзержинский в одном из писем напишет: «Я в жизни своей лично любил только двух революционеров и вождей – Розу Люксембург и Владимира Ильича Ленина – никого больше».

Лев Троцкий писал о Дзержинском: «В течение долгих лет он шел за Розой Люксембург и проделал ее борьбу не только с польским патриотизмом, но и с большевизмом. В 1917 году он примкнул к большевикам. Ленин мне говорил с восторгом: никаких следов старой борьбы не осталось».

Влияние Люксембург на Дзержинского не было таким уж дурным, каким оно представлялось когда-то Ленину и Троцкому.

Некоторые фразы Люксембург словно написаны сегодня: «Со всех сторон нации и малые этнические группы заявляют о своих правах на образование государств. Истлевшие трупы, исполненные стремления к возрождению, встают из столетних могил, и народы, не имевшие своей истории, не знавшие собственной государственности, исполнены стремления получить свою страну. На националистической горе Вальпургиева ночь».

Дзержинский и Люксембург ставили вопрос так: полезна ли национальная независимость для самого народа, для его соседей и для социального прогресса? Есть ли экономические условия для возникновения нового государства?

На свете существуют тысячи языков, но меньше двухсот государств. Роза Люксембург опасалась средневековой анархии, к которой может вернуться Европа, если каждая этническая группа потребует себе собственную страну. В регионах со смешанным населением экономическая жизнеспособность одной этнической группы зависит от других.

Спустя много лет после смерти Розы Люксембург, когда мы видим, как народы, живущие в одной стране, безжалостно убивают друг друга, приходится признать, что она была права.

Но Дзержинский разошелся с Розой в оценке русской революции. Вот что она писала, наблюдая за Советской Россией: «Свобода лишь для сторонников правительства, лишь для членов одной партии – сколь бы многочисленными они ни были – это не свобода. Свобода всегда есть свобода для инакомыслящих. От этого зависит все оживляющее, исцеляющее и очищающее действие политической свободы; оно прекращается, если «свобода» становится привилегией».

«Свобода – это прежде всего свобода инакомыслия», – с подобной формулой Розы Люксембург Дзержинский не был согласен, и в этом заключалась его ошибка.

А исторический спор о праве наций на самоопределение Дзержинский и Люксембург проиграли Юзефу Пилсудскому, который в юности тоже разделял социалистические идеи.

Пилсудский был еще более жестким человеком, чем Феликс Эдмундович. Он вовсе не признавал компромиссов и переговоров. Пилсудский родился на десять лет раньше Дзержинского и еще успел примкнуть к народовольцам. За участие в покушении на Александра III его отправили в Сибирь.

Многие поляки в Первую мировую сражались на стороне России в надежде после войны добиться независимости. С той же целью Пилсудский перешел на сторону немцев и австрийцев. Но в 1917 году он отказался присягнуть германскому императору, за что его посадили

в тюрьму. В 1918-м после краха Германской империи он вернулся в Варшаву, чтобы взять власть, которая валялась под ногами.

В 1920-м войска Пилсудского нанесли неожиданный удар по Красной армии, стоявшей у ворот Варшавы, и таким образом остановили «победоносное шествие коммунизма». В историю эта военная победа вошла как «чудо на Висле».

На Пилсудского поляки смотрели как на героя. Те, кто слышал его выступления, были заморожены их магией. Вдохновленные его речами, польские легионеры в 1920 году захватили столицу Литвы Вильнюс. Это был подарок любимому лидеру, который родился и ходил в школу в Вильно. Сталин вернул Литве Вильнюс лишь в 1939-м, после раздела Польши.

В тот год, когда умер Дзержинский, Юзеф Пилсудский по-своему решил польские проблемы, организовав военный переворот и установив режим «управляемой демократии». Пилсудский умер почти на десять лет позже Дзержинского.

Памятник Дзержинскому в Москве снесли в 1991 году. А Пилсудскому в 1998-м поставили в Варшаве уже второй памятник. На открытии присутствовал президент страны Александр Квасьневский.

Ненависть к Пилсудскому и польскому национализму не спасла бы Феликса Дзержинского, проживи он чуть дольше.

Бывший заместитель наркома внутренних дел Казахстана Михаил Павлович Шрейдер вспоминал, как в начале 1939 года во время допроса начальник следственного отдела Ивановского управления НКВД, обвинявший его в работе на польскую разведку, вдруг сказал:

– А мы располагаем данными, что к вашей организации приложил руку и Дзержинский. Вот почему он расстреливал честных следователей, которые били врагов. Случайно ли получилось, что Дзержинского, когда он находился в Варшавской цитадели, не казнили? Ленин и Сталин были им обмануты. Сейчас мы располагаем такими материалами.

Шрейдер был потрясен его словами. В этот момент в кабинет зашел начальник областного управления НКВД, который многозначительно подтвердил:

– Еще год назад и я бы не поверил относительно Дзержинского. Но сейчас мы в этом уже убедились. Я лично слышал об этом из уст Берии, и да будет вам известно, что вся родня Дзержинского арестована и все они дали показания.

26 апреля 1936 года Совнарком принял постановление о выселении с Украины поляков как политически неблагонадежных. Поляков отселяли из пограничной зоны. Первую группу в 35 тысяч человек отправили в Казахстан.

Нарком внутренних дел Николай Иванович Ежов скажет уже потом на допросе (это когда уже его будут допрашивать, а не он): «Я начал свою работу с разгрома польских шпионов, которые пролезли во все отделы органов ЧК, в их руках была советская разведка».

9 августа 1937 года политбюро утвердило приказ НКВД «О ликвидации польских диверсионно-шпионских групп и организаций ПОВ (Польской организации войсковой)».

Вот в эту мифическую организацию двумя годами позже вписали и бывшего заместителя наркома внутренних дел Казахстана Шрейдера, который на допросе узнал, что идет по одному делу с Дзержинским.

В приказе Ежова говорилось: «Почти с самого момента возникновения ВЧК на важнейших участках противопольской работы сидели проникшие в ВЧК крупные польские шпионы – Уншлихт, Мессинг, Пиляр, Медведь, Ольский, Сосновский, Маковский, Логановский, Баранский и ряд других, целиком захвативших в свои руки всю противопольскую разведывательную и контрразведывательную работу ВЧК – ОГПУ – НКВД».

Такие дела фабриковались по всей стране. По одному только «польскому делу» посадили 18 тысяч человек. В Москве группу студентов-поляков обвинили в том, что они собирались под видом осоавиахимовцев пронести оружие на Красную площадь во время демонстрации 7 ноября 1937 года и расстрелять стоявших на мавзолее руководителей страны и партии. Цель

же подобной акции состояла, мол, в том, чтобы ослабить Советский Союз накануне войны с Польшей. В Москве все еще готовились воевать с польскими панами!

Нарком внутренних дел Ежов приказал арестовать всех политэмигрантов, бежавших в СССР, то есть польских коммунистов, друзей России, единомышленников Дзержинского. Как польского шпиона расстреляли профессионального чекиста Станислава Францевича Реденса, бывшего секретаря Дзержинского и родственника Сталина.

Если бы сам Феликс Эдмундович Дзержинский дожил до Николая Ивановича Ежова, его бы тоже расстреляли вместе с тысячами поляков, которые предпочли Россию независимой Польше и в результате пали жертвами чекистов.

Глава 2

ВЯЧЕСЛАВ РУДОЛЬФОВИЧ МЕНЖИНСКИЙ

Во втором издании Большой Советской Энциклопедии написано, что Вячеслав Рудольфович Менжинский погиб на боевом посту: он был злодейски умерщвлен по заданию главарей антисоветского контрреволюционного «право-троцкистского блока».

Несколько человек были приговорены в 1938-м к смерти за соучастие в убийстве, которого не было. Так что и после смерти Менжинский продолжал служить своему делу.

Впрочем, его родственники по-прежнему полагают, что Вячеслав Рудольфович был убит. Внук Менжинского Михаил Розанов уверен, что когда на даче поменяли обои, то на них нанесли яд. Он рассказывал мне, что и по сей день помнит эти обои, такие красивые...

МЕЖДУ ЛЕНИНЫМ И ТОЛСТЫМ

Из всех руководителей госбезопасности Менжинский кажется самой незаметной фигурой, хотя он руководил ОГПУ восемь лет – дольше, чем Ягода и Ежов, вместе взятые, и разработал те методы, которыми в полной мере воспользуются его преемники. Он был гораздо умнее их и придумал то, на что сами они, лишь следовавшие предначертанным им путем, были бы не способны.

Наверное, все дело в том, что Менжинский резко выделялся среди своих коллег. Мягкий по характеру, приятный, обходительный, скромный, бескорыстный, интеллигентный человек – таков его образ, утвердившийся в истории.

Высокообразованный, преданный делу большевик Вячеслав Рудольфович Менжинский был тяжело болен, много времени проводил на даче, где разводил цветы и возился в химической лаборатории. Не имея, таким образом, возможности лично вникать во множество дел, он был вынужден довольствоваться информацией, поступающей к нему от его первого заместителя Ягоды, которому вполне доверял.

Однако рассказы о том, что за него все делал Ягода, – миф. Именно Менжинский занимался ликвидацией кулачества как класса, отправлял террористические группы за границу для уничтожения врагов советской власти и подготовил первые московские судебные процессы, которые потрясли не только страну, но и весь остальной мир.

Масштабы содеянного Менжинским не те, что у его преемников, но это лишь потому, что другого Сталин еще не требовал.

Менжинский родился 19 августа 1874 года в Петербурге в дворянской семье. Его отец преподавал историю в Петербургском кадетском корпусе. Гимназию Вячеслав Рудольфович окончил с золотой медалью. Поступил на юридический факультет Петербургского университета, работал адвокатом.

Жизнь его могла пойти иным путем. Летом 1902 года, вспоминает его внук, Менжинский поехал в Ясную Поляну на встречу с Львом Толстым...

Менжинский очень рано присоединился к социал-демократической партии – еще в 1902 году, но, в отличие от Дзержинского, старался закон не нарушать.

Менжинский служил в Управлении строительством Вологодско-Вятской железной дороги в Ярославле и вел занятия в вечерней школе для рабочих. Во время первой русской революции сотрудничал в редакции большевистской газеты «Казарма». В июле 1905-го всех сотрудников редакции арестовала полиция. Четыре месяца он просидел в тюрьме. Когда объявил голодовку, его выпустили на поруки.

Он тут же бежал в Финляндию, где действовали свои законы. В 1907-м эмигрировал, жил в Бельгии, Швейцарии, Франции и Америке. Пребывание в Париже использовал для того, чтобы учиться в Сорбонне.

Страсть к революции соединялась в нем с любовью к литературе. Менжинский был одним из участников «Зеленого сборника стихов и прозы» (издан в 1905 году), где впервые напечатался популярный и поныне поэт, музыкант и певец гомосексуальной любви Михаил Кузмин, интимный друг Георгия Чичерина, будущего наркома иностранных дел. Для этого сборника Менжинский написал «Роман Демидова». Менжинский, опять же вместе с Кузминым, принял участие и в сборнике «Проталина» (издан в Санкт-Петербурге в 1907 году).

Лев Троцкий писал, что познакомился с Менжинским во Франции в 1910 году. Будущий председатель ГПУ примыкал к группе ультралевых социал-демократов, или впередовцев. В группу входили также Александр Александрович Богданов (после революции директор Института переливания крови) и будущий нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский. Менжинский в те годы писал под псевдонимом Степинский.

В Болонье они открыли марксистскую школу для рабочих из России. Здесь Троцкий и увидел Менжинского:

«Впечатление, какое он на меня произвел, будет точнее всего выражено, если я скажу, что он не произвел никакого впечатления. Он казался больше тенью какого-то другого человека, неосуществившегося, или неудачным эскизом ненаписанного портрета. Есть такие люди. Иногда только вкрадчивая улыбка и потаенная игра глаз свидетельствовали о том, что этого человека снедает стремление выйти из своей незначительности».

Троцкий писал эти строки уже будучи в эмиграции, когда Менжинский возглавлял ОГПУ, боровшееся с оппозицией, так что автор, возможно, пристрастен.

Георгий Александрович Соломон, известный в предреволюционные годы социал-демократ, который хорошо знал семью Ленина и дружил с Менжинским в эмиграции, вспоминал:

«После первой русской революции с явкой от Ленина в Брюссель перебрался на жительство Вячеслав Рудольфович Менжинский. В день прибытия Ленина Менжинский вызвался встретить его на вокзале...

Я увидел сперва болезненно согнутого Менжинского, а за ним Ленина. Менжинский был очень болен. Его отпустили из Парижа всего распухшего от болезни почек, почти без денег. Мне удалось найти ему врача. Он стал поправляться, но все еще имел ужасный вид с набалдашниками под глазами, распухшими ногами...

Меня поразило, что Менжинский, весь дрожащий еще от своей болезни и обливающийся потом, нес от самого трамвая огромный, тяжелый чемодан Ленина, который шел налегке за ним, неся на руке только зонтик. Я бросился скорее к Менжинскому, выхватил у него из рук вываливающийся из них чемодан и, зная, как ему вредно носить тяжести, накинулся на Ленина с упреками:

– Как же вы могли, Владимир Ильич, позволить ему тащить чемоданище. Ведь посмотрите, человек еле-еле дышит!..

– А что с ним? – весело-равнодушно спросил Ленин. – Разве он болен? А я и не знал... Ну ничего, поправится...

В моей памяти невольно зарегистрировалась эта черта характера Ленина: он никогда не обращал внимания на страдания других, он их просто не замечал и оставался к ним совершенно равнодушным...

А Менжинский улыбался своею милой, мягкой улыбкой. Этот элемент самопожертвования является отличительной чертой характера Менжинского в его сношениях с близкими людьми. Тот же Менжинский, прибыв из Киева в Москву, страдавая сильной грыжей, стал перетаскивать свой и своих товарищей багаж, в то время как молодые товарищи спокойно шли

налегке. Он поплатился за это болезнью, которая продержала его несколько недель в постели. И он сносил свои страдания без ропота, с присущей ему мягкой улыбкой.

Мне было странно отношение Ленина к Менжинскому, его старому товарищу и другу. Я несколько раз говорил Ленину о тяжелом положении Менжинского, человека крайне застенчивого, который сам предпочел бы умереть (я его застал умирающим от своей болезни, в крайней бедности, но он никому не говорил о своем положении), но ни за что не обратился бы к своим друзьям или товарищам. Но Ленин ничего для него не сделал.

Сразу после Октябрьской революции Ленин говорил о Менжинском как о прекрасном, душном человеке, который совершенно не понимает, что к чему и как нужно воплощать в жизнь великие идеи».

Похоже, Владимир Ильич ошибался насчет своего старого знакомого. Менжинский до работы в госбезопасности и во время этой работы – два разных человека. Не очень понятно: это служба так меняет человека? Или же в нем проявились доселе скрытые черты характера?

НОЧЬ В СМОЛЬНОМ

В июле 1917 года Менжинский вернулся в Россию. Его, сугубо штатского человека, включили в состав Бюро военной организации при ЦК РСДРП.

25 октября Менжинского назначили комиссаром Петроградского военно-революционного комитета в Госбанке. Он прибыл в главную контору банка с требованием выдать новой власти десять миллионов рублей на текущие нужды. Служащие Госбанка большевиков не признали и высокомерно отказались выполнять приказы Совнаркома. Тогда банк заняли красногвардейцы, но денег им все равно не дали.

Ленин утвердил Менжинского в должности заместителя наркома финансов РСФСР: наркомом стал известный публицист Иван Иванович Скворцов-Степанов, вероятно, потому, что он перевел на русский язык «Капитал» Маркса.

Получив назначение в наркомат финансов, Менжинский, еще не подобрав ни одного сотрудника, лег спать на диване в Смольном, прикрепив над головой записку «Наркомфин».

Почему Ленин определил его по денежным делам? Может, он вспомнил, что Менжинский, находясь в эмиграции в Париже, нашел работу в банке? Теперь от него требовалось только одно – выбить из банков деньги.

В Смольном 8 ноября Менжинского увидел американец Джон Рид, описавший революцию во всех подробностях: «Наверху, в столовой, сидел, забившись в угол, человек в меховой папахе и в том самом костюме, в котором он... я хотел сказать, проспал ночь, но он провел ее без сна. Лицо его заросло трехдневной щетиной. Он нервно писал что-то на грязном конверте и в раздумье покусывал карандаш. То был комиссар финансов Менжинский, вся подготовка которого заключалась в том, что он когда-то служил конторщиком во французском банке».

Через несколько дней Менжинский дал короткое интервью Джону Риду:

«Без денег мы совершенно беспомощны. Необходимо платить жалованье железнодорожникам, почтовым и телеграфным служащим... Банки закрыты; главный ключ положения – Государственный банк – тоже не работает. Банковские служащие по всей России подкуплены и прекратили работу.

Но Ленин распорядился взорвать подвалы Государственного банка динамитом, а что до частных банков, то только что издан декрет, приказывающий им открыться завтра же, или мы откроем их сами!»

Вместе с Лениным Менжинский подписал «Постановление об открытии банков»:

«Рабочее и крестьянское правительство предписывает открыть завтра, 31 октября, банки в обычные часы... В случае если банки не будут открыты и деньги по чекам не будут выдаваться, все директора и члены правления банков будут арестованы, во все банки будут назна-

чены комиссары временным заместителем народного комиссара по Министерству финансов, под контролем которого и будет производиться уплата по чекам, имеющим печать фабрично-заводского комитета».

Только 17 ноября Менжинскому удалось получить первые пять миллионов рублей для нужд Совнаркома, который принял решение вскрыть сейфы частных банков. В каждый из них был отправлен вооруженный отряд.

Совнарком объявил государственную монополию на банковское дело. Частные банки были национализированы и объединены вместе с Госбанком в единый Народный банк. Банковские акции аннулировались, а сделки по ним объявлялись незаконными. Со всем этим Менжинский справился за несколько месяцев. Но особого впечатления на Ленина не произвел и высокой должности не сохранил.

Это подтверждает и Троцкий в своих записках: в наркомате финансов Менжинский «не проявил никакой активности или проявил лишь настолько, чтобы обнаружить свою несостоятельность».

Правительство переехало в Москву, а Менжинский остался в Петрограде в роли члена президиума Петроградского совета и члена коллегии комиссариата юстиции Петроградской трудовой коммуны. Это было понижение.

В апреле 1918 года, после заключения Брестского мира с немцами, его, как знающего иностранные языки и жившего за границей, отправили генеральным консулом в Берлин.

Советским полпредом в Германии был Адольф Иоффе, друг и соратник Троцкого. Потом их судьбы разойдутся, но тогда они вполне ладили, и Менжинский поддерживал Иоффе в его стычках с наркоматом иностранных дел. Дочь Иоффе пишет, что Менжинский «был человек несколько мрачный, неразговорчивый и необыкновенно вежливый – даже мне, девчонке, он говорил «вы».

Работа в Берлине оказалась недолгой. Накануне ноябрьской революции германское правительство разорвало дипломатические отношения с Россией. Советское полпредство обвинили в том, что оно ведет антигосударственную пропаганду, сославшись на то, что в советском дипломатическом багаже обнаружился пропагандистские листовки.

Менжинского перебросили на Украину, где он несколько месяцев служил заместителем наркома советской социалистической инспекции.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

Осенью 1919 года Менжинский вернулся в Москву. Дзержинский нашел ему работу в ВЧК. Еще 6 февраля ВЦИК утвердил «Положение об особых отделах при Всероссийской Чрезвычайной Комиссии». Они должны были бороться с контрреволюцией и шпионажем в армии и на флоте.

Но ввиду высокого положения и авторитета наркомвоенмора Троцкого подчеркивалось, что особые отделы будут действовать под контролем Реввоенсовета Республики (это положение отменяет в 1931-м, и с этого момента военная контрразведка окончательно выйдет из подчинения армии).

Так появилась военная контрразведка, которая не только выявляла шпионов и предателей, но и следила за военачальниками, изучала настроения в армии.

Кроме того, поскольку при ВЧК еще не было Иностранного отдела, заниматься разведывательной работой за границей и на территориях, занятых Белой армией и иностранными державами, должен был Особый отдел.

Первым этот отдел возглавил сам Дзержинский. 15 сентября 1919-го Менжинского назначили особоуполномоченным Особого отдела ВЧК. Через полгода он – уже заместитель

начальника отдела, а еще через несколько месяцев возглавил его. В июле 1922-го его утвердили членом коллегии ВЧК.

Менжинский докладывал о работе особых отделов, о ситуации в армии и не только в армии и Дзержинскому, и Троцкому. Причем Троцкий был куда более важной фигурой, чем председатель ВЧК. Поэтому военные чувствовали себя уверенно и не боялись чекистов. Лишь после ухода Троцкого из армии ситуация радикально изменится. А в Гражданскую войну разгневанный командарм запросто мог арестовать начальника Особого отдела, если у них не складывались отношения.

Менжинский был исключительно лоялен к наркому по военным и морским делам. Троцкий вспоминает:

«Он явился ко мне в вагон с докладом по делам особых отделов в армии.

Закончив с официальной частью визита, он стал мяться и переминаясь с ноги на ногу с той вкрадчивой своей улыбкой, которая вызывает одновременно тревогу и недоумение. Он кончил вопросом: знаю ли я, что Сталин ведет против меня сложную интригу?

– Что-о-о? – спросил я в совершенном недоумении, так был далек тогда от каких бы то ни было мыслей или опасений такого рода.

– Да, он внушает Ленину и еще кое-кому, что вы группируете вокруг себя людей специально против Ленина...

– Да вы с ума сошли, Менжинский, проспитеесь, пожалуйста, а я разговаривать об этом не желаю.

Менжинский ушел, перекосив плечи и покашливая. Думаю, что с этого самого дня он стал искать иных осей для своего круговращения».

Так что традиция докладывать высшему руководству о политической ситуации и о поведении политиков заложена была в органах госбезопасности еще в те годы.

Доверительность отношений Менжинского с Троцким не стоит переоценивать. Тут не было ничего личного. Начальник Особого отдела ответственно исполнял свои обязанности, не более того.

После смерти Дзержинского борьба с Троцким и с оппозицией будет поручена ОГПУ. Люди Менжинского совершенно не стеснялись в средствах. Была устроена настоящая провокация.

Агент ОГПУ, который потом во всех документах будет фигурировать как «бывший офицер врангелевской армии», получил задание близко познакомиться с человеком, который работал в типографии, где оппозиция печатала свои материалы.

Однажды к кому-то из окружения Троцкого пришел человек, предложивший помочь распечатать документы оппозиции на гектографе: до появления ксероксов это была высоко ценяемая услуга. Но тут же нагрянуло ОГПУ, и оказалось, что доброхот – бывший врангелевский офицер. Типографию тут же прикрыли.

Политбюро и президиум Центральной контрольной комиссии (партийная инквизиция) сообщили всей стране о том, что троцкисты связаны с белой эмиграцией, с контрреволюционерами. Оппозиционеров обвинили в создании организации, готовившей военный переворот. Это уже не внутривнутрипартийные споры, а антигосударственное преступление.

Оппозиционеры требовали опровергнуть это вранье. Председатель ОГПУ Менжинский признал, что «врангелевский офицер» – на самом деле агент ОГПУ. И Сталин это прекрасно знал. Но, как говорилось в заявлении лидеров оппозиции, дело сделано: «легенда о «врангелевском офицере» гуляет по стране, отравляя сознание миллиона членов партии и десятков миллионов беспартийных».

В октябре 1927 года Троцкого и Зиновьева вывели из ЦК, их соратников исключили из партии. К концу 1927 года оппозиция была разгромлена. В течение года всех видных оппозиционеров, в общей сложности почти полтора человека, выслали из Москвы в отдаленные

города страны под надзор представителей ОГПУ. В 1929-м Менжинскому поручили организовать высылку Троцкого из России.

20 декабря 1920 года Дзержинский подписал приказ № 169 «О создании Иностранного отдела ВЧК»:

«1. Иностраный отдел Особого отдела ВЧК расформировать и организовать Иностраный отдел ВЧК.

2. Всех сотрудников, инвентарь и дела Иностранного отдела ООВЧК передать в распоряжение вновь организуемого Иностранного отдела ВЧК.

3. Иностраный отдел ВЧК подчинить начальнику Особого отдела тов. Менжинскому.

4. Врид. начальника Иностранного отдела ВЧК назначается тов. Давыдов, которому в недельный срок представить на утверждение президиума штаты Иностранного отдела.

5. С опубликованием настоящего приказа все сношения с границей, Наркоминделом, Наркомвнешторгом, Центроэваком и Бюро Коминтерна всем отделам ВЧК производить только через Иностраный отдел».

Менжинский руководил разведкой с момента ее возникновения, тем более что 18 сентября 1923 года его назначили первым заместителем председателя ГПУ. Дзержинский все больше занимался хозяйственными проблемами, оставляя ГПУ на своих заместителей.

Вячеслав Рудольфович сыграл важную роль в том, что советская разведка в 20–30-х годах стала самой сильной в мире.

Преимущество разведки ВЧК состояло в том, что, во-первых, в нее пришли работать опытные люди – большевики, прошедшие школу подполья, конспирации, борьбы с царской полицией и тюрем. Во-вторых, первое поколение советских разведчиков состояло из людей, родившихся за границей или вынужденно проживших там много лет: они чувствовали себя за рубежом как дома или в прямом смысле дома.

И наконец, самое главное. До появления Советской России считалось, что разведка и контрразведка нужны только во время войны, а в мирное время их распускали, довольствуясь обычной полицией.

Немецкие спецслужбы вообще перестали существовать после поражения в Первой мировой. Соединенные Штаты до Второй мировой войны не имели разведывательной службы и стали создавать ее с помощью англичан лишь после начала Второй мировой войны. Англичане сократили штаты спецслужб донельзя, то же сделали и французы. И только аппараты ВЧК и советской военной разведки росли как на дрожжах. Этим и объясняются успехи в 20–30-х годах.

Ни одна другая страна не тратила на это столько денег и сил. Советская Россия считала себя в состоянии войны чуть ли не со всем миром, поэтому вполне естественно для нее было и вести подпольную войну по всему земному шару.

Первое поколение советских разведчиков во многом состояло из идеалистов, преданных идее мировой революции. Они шли в разведку не ради поездки за границу. Они служили делу, которое считали великим. Сначала они обратились за помощью к естественным союзникам – иностранным компартиям, но быстро поняли, что открыто действующий член коммунистической партии не может быть агентом: он на учете в полиции, и ему никуда нет ходу.

Тогда вербовщики советской разведки стали искать агентов «на вырост» – перспективную молодежь левых убеждений. Молодых людей, которые соглашались сотрудничать, убеждали не афишировать свои истинные взгляды и искать место в государственном аппарате, желательно в специальных службах.

Таких идейных волонтеров было недостаточно, поэтому искали и агентов, которые соглашались работать за деньги.

Вербовщики советской разведки, наверное, первыми сообразили, как удобно набирать агентов среди гомосексуалистов. Во-первых, те, кто вынужден вести двойную жизнь, умеют

хранить тайну. Во-вторых, они легко находят интересующих разведку людей внутри гомосексуального братства: в постели выведываются любые секреты. В-третьих, в среде гомосексуалистов были распространены социалистические идеи. В Англии в 30-х годах братство гомосексуалистов-леваков называлось Гоминтерном.

Ценность таких людей разведка поняла, воспользовавшись услугами одного из знаменитых своих агентов англичанина Гая Берджесса, друга и соратника Кима Филби. Первым заданием Берджесса было завербовать сотрудника английского военного министерства, что Берджесс и сделал, вступив с ним в интимную связь.

Ветераны советской разведки искренне обижаются, когда о Филби и его друзьях пишут не в самых восторженных тонах. С профессиональной точки зрения Филби был гениален – что верно, то верно. Но, увы, подлинные документы из архива советской Службы внешней разведки рисуют Филби и его друзей в весьма непривлекательном виде.

Комплексы, вызванные сексуальными отклонениями, сифилисом, который тогда плохо лечили, семейными проблемами, обида на весь белый свет за то, что их не оценили, не признали, трудности с карьерой, желание тайно повелевать окружающими, – вот что привело целую когорту молодых англичан в сети московских вербовщиков. Не желая взглянуть правде в глаза, эта публика находила успокоение в мыслях о том, что все они служат великому делу.

Это был мир странных, незаурядных, неординарных людей. Романтики, которые запросто убивали недавних коллег. Бессребреники, занимавшиеся подделкой казначейских билетов. 20-е и 30-е годы были временем, когда в разведку шли и ради острых ощущений, убегая от серых и пустых будней. Благородная мужская забава, почище охоты на диких зверей!

Историю отечественной разведки специалисты ведут от Посольского приказа, созданного царем Иваном IV в 1549 году, когда еще не делалось различий между дипломатией и разведкой. При Иване Грозном начались и репрессии против разведчиков: в 1570-м жестоко казнили посольского дьяка Ивана Висковатого, заподозренного в измене и заговоре против трона. А ведь Висковатый умело приобретал «агентов влияния», которых уже в наше время так боялся председатель КГБ Владимир Александрович Крючков.

Царь Алексей Михайлович создал Приказ тайных дел, в ведение которого была передана и разведывательная деятельность. Любопытно, что Приказ тайных дел вскоре стал заниматься также и обслуживанием царской семьи, совсем как КГБ. Начальник спецслужбы, который состоял тогда не в генеральском звании, а был просто дьяком, сопровождал царя на охоту и богомолье. И, подобно генерал-лейтенанту Александру Васильевичу Коржакову, начальнику службы охраны Ельцина, приобрел при дворе необыкновенное влияние – даже подписывал за царя указы.

При Алексее Михайловиче уже был первый перебежчик на Запад, причем из числа доблестных разведчиков. Это тоже, выходит, давняя традиция.

Как и сейчас, труднее всего было поладить с ближайшими соседями. Дипломату и разведчику Артамону Матвееву поручили разработку Богдана Хмельницкого, «человека неизвестного происхождения, объявившего себя «гетманом Украины», вступившего в вооруженную борьбу с Речью Посполитой и обратившегося к московскому царю с просьбой принять его со всем войском казацким в российское подданство», как написано в «Очерках истории российской разведки».

Хмельницкий выдавал себя за дворянина. Бдительный Матвеев вывел Богдана на чистую воду: отцом «гетмана Украины» был еврей-мясник, а сам Хмельницкий начинал жизнь с того, что содержал кабак.

Еще одна традиция – не доверять своим агентам. Знаменитый Талейран, министр иностранных дел Франции, тоже был платным агентом российской разведки. Он предупредил императора Александра I о том, что Наполеон готовится напасть на Россию. И это предупреждение так же пропало втуне, как и многочисленные предупреждения Сталину в 1941-м.

Привычка к тотальной слежке, когда казенных денег не жалеют, тоже не с КГБ началась. За террористом Борисом Викторовичем Савинковым во Франции следило около сотни агентов царского департамента полиции. А толку? Помешать террористической деятельности эсеров полиция не смогла.

Что касается методов вербовки агентов, то один из самых первых российских разведчиков Афанасий Ордин-Нащокин открыл универсальный способ – побольше золота!

Практичный Петр I не жалел для своих разведчиков денег на подкуп иностранных дипломатов, тоже заложив одну из важных традиций разведки. В те времена, как и сейчас, агенты рублями не брали, а поскольку долларов еще не было, то выручали шкурки горностая и соболя. В те времена это называлось «дачными делами» от глагола «давать».

Научно-техническая линия разведки – то, что чаще называется промышленным шпионажем, – ведется от приказа Алексея Михайловича послу в Англии привезти «семян всяких» для питомника в Измайлове. Методы научного шпионажа тоже давно придуманы: знаменитый разведчик граф Николай Игнатьев начал свою карьеру с того, что просто украл в Лондоне новейший образец патрона, выставленный в Британском музее.

Самый высокопоставленный из сбежавших на Запад чекистов Александр Орлов, бывший резидент советской разведки в республиканской Испании, утверждал, что именно он украл в Германии технологию изготовления промышленных алмазов.

Москва первоначально хотела купить патент и договориться с Крупном о строительстве завода в СССР. Но на заседании политбюро Сталин сказал Менжинскому: «Эти ублюдки хотят слишком много денег. Попытайтесь выкрасть это у них. Покажите, на что способно ОГПУ!»

Берлинская резидентура советской разведки выкрала все описание технологии да еще и доставила немецкого изобретателя в Москву, чтобы он присутствовал при пуске завода...

ДЕЗИНФБЮРО

В январе 1923 года заместитель председателя ГПУ Иосиф Станиславович Уншлихт предложил создать для ведения активной разведки специальное бюро по дезинформации. Уншлихт был на два года моложе Дзержинского и примкнул к революционному движению пятью годами позже. Они состояли с Дзержинским в одной партии – Социал-демократии Польши и Литвы. Выдвигая свою идею, Уншлихт и не подозревал, что всего лишь продолжает старые традиции.

В наше время сын уездного предводителя дворянства Яков Толстой, которому Пушкин посвятил когда-то «Стансы», надевал бы в праздничные дни генеральский мундир и руководил в разведке службой «А» – «активные мероприятия». Так на профессиональном языке именуется дезинформация противника.

Якову Толстому, который предпочитал жить в Париже, пришла в голову гениальная мысль: он предложил царскому правительству подкупать французскую прессу, чтобы она благоприятно писала о России. В Санкт-Петербурге идею подхватили. И точно так же 11 января 1923 года политбюро одобрило предложение Уншлихта.

Постановлением политбюро было создано межведомственное Бюро по дезинформации (Дезинфбюро), в которое вошли представители не только ГПУ, но и ЦК, наркомата иностранных дел, Реввоенсовета, Разведывательного управления штаба Рабоче-Крестьянской Красной армии.

Бюро должно было составлять ложные сведения и документы, дающие превратное представление о внутреннем положении России. Этими материалами предполагалось снабжать противника с помощью разведки.

Бюро должно было готовить статьи и заметки для периодической печати, передавать газетам разного рода фиктивные материалы – в каждом отдельном случае с санкции секретаря ЦК.

Эти операции по дезинформации стали частью общей тактики органов госбезопасности. Чекисты создавали мнимую подпольную контрреволюционную организацию, которая связывалась с эмиграцией. Бежавшие из России военные и политики хотели верить – не могли не верить! – в то, что в России крепнет антибольшевистское движение. И некоторые лидеры эмиграции, поддавшись на уговоры, ехали в Россию, чтобы убедиться в силе нового движения. Их арестовывали.

Широкой публике известна так называемая операция «Трест». Но только потому, что было решено частично ее рассекретить. Сперва появилась книга писателя Льва Вениаминовича Никулина «Мертвая зыбь», а затем многосерийный фильм кинорежиссера Сергея Николаевича Колосова. Но таких операций было проведено множество. Занимался этим, помимо Москвы, и Особый отдел ГПУ Украины, который тоже боролся с эмиграцией.

Считается, что именно Менжинский разработал тактику выманивания из-за рубежа врагов, которых ловили на территории России.

Летом 1924 года таким образом заманили в Москву Бориса Викторовича Савинкова, которого считали чуть ли не самым опасным врагом советской власти.

Менжинский получил редкий по тем временам орден Красного Знамени. А Савинков в мае 1925-го то ли покончил с собой, то ли был убит чекистами. Сидя в тюрьме, он вроде бы раскаялся и писал русским эмигрантам письма с предложением «последовать его примеру и вернуться в Россию». По своей воле или под давлением чекистов – точно не известно.

Попутно в ходе операции «Трест» использовалось то самое Бюро по дезинформации (Дезинфбюро). Целый ряд западных разведок обратился к мифической российской подпольной организации с просьбой раздобыть данные о Красной армии и положении в стране. Они получали ответы, которые готовились офицерами штаба РККА и военными разведчиками. Эту работу санкционировал начальник штаба РККА Михаил Николаевич Тухачевский, что со временем ему дорого обойдется.

В начале 20-х годов известному эмигранту Василию Витальевичу Шульгину, бывшему депутату Государственной думы, чекисты устроили целое путешествие по Советской России. Ему позволили приехать, а потом отпустили из страны в надежде, что он убедился: большевики крепко держат в руках власть и попытки эмигрантов свергнуть их иллюзорны. План сработал. Шульгин написал книгу «Три столицы. Путешествие в красную Россию», которой в Москве были довольны.

Павел Анатольевич Судоплатов, генерал-лейтенант госбезопасности, занимавшийся позднее подготовкой убийства Троцкого, а в годы войны руководивший диверсионной деятельностью в немецком тылу, вспоминал, что Менжинский отдал приказ о подготовке плана нейтрализации активных украинских националистов: имелось в виду их физическое уничтожение. Сам Судоплатов убил лидера Организации украинских националистов Коновальца.

Со временем Менжинский создаст Особую группу при председателе ОГПУ – самостоятельное и независимое от Иностранного отдела подразделение. Оно готовило диверсионные операции на случай войны и внедряло агентуру на важнейшие объекты вероятного противника.

Возглавлял группу Яков Серебрянский, человек авантюрного склада, бывший член партии эсеров-максималистов. В первый раз он был арестован в 1909 году за участие в убийстве начальника минской тюрьмы. Серебрянскому было всего семнадцать лет. Он отделался высылкой, работал электромонтером на витебской электростанции, с 1912 года служил в армии.

После революции наступило его время. В 1919 году он оказался в Персии (теперь Иран). Там его взяли в Особый отдел Персидской Красной армии. В 1920-м он служил в центральном аппарате ВЧК в Москве, но после окончания Гражданской войны его демобилизовали. Он опять примкнул к эсерам, за которыми теперь охотились его сослуживцы из ВЧК. На квартире одного из эсеровских руководителей его арестовали. Он провел за решеткой несколько месяцев.

В марте 1922 года президиум ГПУ освободил его из-под стражи «со взятием на учет и лишением права работы в политических, розыскных и судебных органах». От тоски он пристроился в канцелярию нефтетранспортного отдела Москватоба, там его арестовали по подозрению в получении взятки. Но о нем вспомнил другой бывший эсер – Яков Блюмкин, убийца немецкого посла Мирбаха. Серебрянского отправляют на нелегальную работу за границу. Полтора десятка лет он проработал под различными крышами в Бельгии, Франции и Соединенных Штатах.

Самой удачной его акцией стало похищение бывшего белого генерала Кутепова, который возглавил Российский общевойсковой союз. Эту организацию бывших офицеров Белой армии в Москве считали самой опасной. Серебрянский похитил Кутепова в январе 1930 года прямо в центре Парижа. За это его наградили орденом Красного Знамени. В 1936-м он получил еще и редкий тогда орден Ленина.

После того как наркомом внутренних дел стал Лаврентий Берия и на Лубянке началась большая чистка, Серебрянского в ноябре 1938 года посадили. Он провел в тюрьме три года. В июле 1941 года Военная коллегия Верховного суда приговорила его к высшей мере наказания. Но расстрелять его не успели – вмешался Судоплатов. Он уговорил Берия освободить Серебрянского как опытного организатора террористических акций. В августе Президиум Верховного Совета СССР освободил его и амнистировал.

Всю войну Серебрянский прослужил в Четвертом (диверсионном) управлении НКВД – НКГБ под руководством Судоплатова, получил звание полковника, еще два ордена. Но после войны его уволили в запас. Когда в 1953 году Берия вновь возглавил органы госбезопасности и Судоплатов стал собирать своих людей, вспомнили и о Серебрянском. Его взяли во Второе управление МВД. Эти несколько месяцев дорого ему обошлись.

После расстрела Берии его тоже арестовали. Постановление Президиума Верховного Совета от августа 1941 года было отменено – над ним нависла угроза приведения в исполнение смертного приговора. Но расстреливать его не спешили, началось новое следствие. Но в марте 1956 года Серебрянский умер в Бутырской тюрьме.

Его заместителем стал Наум Эйтингон, тот самый, который позднее организовал убийство Троцкого. Группа Серебрянского состояла в общей сложности из двадцати оперативников и шестидесяти нелегалов.

ЛЕЖА НА ДИВАНЕ

30 июля 1926 года, через десять дней после смерти Дзержинского, Вячеслав Рудольфович Менжинский был назначен председателем ОГПУ и занимал этот пост восемь лет.

Троцкий вспоминал:

«Никто не замечал Менжинского, который корпел в тиши над бумагами. Только после того, как Дзержинский разошелся со своим заместителем Уншлихтом, он, не находя другого, выдвинул кандидатуру Менжинского. Все пожимали плечами.

– Кого же другого? – оправдывался Дзержинский. – Некого!

Но Сталин поддержал Менжинского. Сталин вообще поддерживал людей, которые способны политически существовать только милостью аппарата. И Менжинский стал верной тенью Сталина в ГПУ. После смерти Дзержинского Менжинский оказался не только начальником ГПУ, но и членом ЦК. Так на бюрократическом экране тень несостоявшегося человека может сойти за человека».

Менжинский был по-прежнему очень вежлив и даже деликатен. Выслушав рапорт очередного сотрудника, любезно протягивал ему руку и говорил: «Здравствуйте, как поживаете?»

Его сестра Людмила Рудольфовна работала в наркомате просвещения и иногда, обращаясь к брату, помогала выручать арестованных: с помощью влиятельных людей еще можно было кого-то спасти.

Вячеслав Рудольфович часто болел и, даже приезжая на Лубянку, принимал посетителей лежа. Никого это не удивляло.

Писатель Илья Григорьевич Эренбург пишет, как в 1920 году он решил поехать в Париж. Заполнил в наркоминделе анкету. Через несколько недель его вызвали в ЧК, предупредили: «С главного подъезда к товарищу Менжинскому».

«Вячеслав Рудольфович Менжинский был болен и лежал на чересчур короткой кушетке, – вспоминал Эренбург. – Я думал, что он начнет меня расспрашивать, не путался ли я с врангелевцами, но он сказал, что видел меня в Париже, спросил, продолжаю ли я писать стихи. Я ответил, что хочу написать сатирический роман. Поскольку разговор зашел о литературе, я поделился с ним сомнениями: печатается слишком много ходульных стихов, а вот Блок замолк... Менжинский иногда улыбался, кивал головой, иногда хмурился...»

На прощанье Менжинский сказал Эренбургу: «Мы-то вас выпустим. А вот что вам скажут французы, не знаю...»

Илья Эренбург получил паспорт. Он не знал, что через год именно Менжинский будет решать судьбу Александра Блока.

В июле 1921-го нарком просвещения обратился к Ленину с просьбой отпустить поэта Александра Александровича Блока на лечение за границу: тот тяжело болен. Ленин запросил мнение начальника Особого отдела Менжинского.

Менжинский ответил в тот же день: «Блок натура поэтическая; произведет на него дурное впечатление какая-нибудь история, и он совершенно естественно будет писать стихи против нас. По-моему, выпускать не стоит, а устроить Блоку хорошие условия где-нибудь в санатории».

Пока решали, что делать с Блоком, 7 августа 1921 года великий поэт умер.

Сейчас нам кажется, что настоящий террор был только во время Гражданской войны, а потом возобновился уже в 1937-м. Но это не так, террор начался сразу же после революции и закончился только 5 марта 1953 года со смертью Сталина.

Осенью 1927 года в Москву приехал знаменитый французский писатель Анри Барбюс, симпатизировавший Советской России. 16 сентября его принял Сталин. Барбюс спросил его: «Как мне противодействовать западной пропаганде насчет красного террора в СССР?»

Сталин объяснил все просто:

«Расстрелы шпионов, которые происходят, это, конечно, не красный террор. Мы имеем дело со специальными организациями, база которых в Англии или во Франции... Эти организации финансируются, очевидно, капиталистами, английской разведкой...»

Вот недавно была арестована маленькая группа, состоящая из дворян-офицеров. У этой группы было задание отравить весь съезд Советов, на котором присутствует три – пять тысяч человек. Было задание отравить газами весь съезд. Как же бороться с этими людьми? Тюрьмой их не испугаешь, и тут просто вопрос об экономии жизней. Либо истребить отдельные единицы, состоящие из дворян и сыновей буржуазии... или позволить им уничтожить сотни, тысячи людей».

10 мая 1927 года на Варшавском вокзале был убит советский полпред в Польше Петр Лазаревич Войков.

«У нас в ответ на это было расстреляно двадцать белогвардейцев, – говорил Сталин Барбюсу. – Рабочие были этим очень довольны, но говорили, что мало расстреляно, что у нас много еще таких паразитов шляется...»

Тут нужно ставить вопрос о том, против кого направлена смертная казнь. Кто встречается в списках лиц, приговоренных к смертной казни? Только дворяне, князья, царские гене-

ралы, царские офицеры, которые воевали с Советской властью. Очень редко, я не знаю такого случая, когда встречаются в этих списках представители неэксплуататорских классов, может быть, один-два случая среди шпионов... Когда нас упрекают, что мы не защищаем всех одинаково, то на это нужно ответить, что мы и не собирались защищать всех. Мы ведь говорим открыто, что у нас классовый строй».

Сталин за словом в карман не лез и откровенно врал, глядя собеседнику прямо в глаза. Под пули и в лагеря давно шли рабочие и крестьяне, с каждым годом их будет становиться все больше... Хотя и представителям «эксплуататорских классов» доставалось. Во всех учреждениях шли бесконечные чистки: чуждый элемент нещадно изгонялся.

Лица, подпадавшие под чистку, разбивались на категории. Тем, кто включался в третью категорию, запрещалось работать в каком-то определенном месте. Гражданам, отнесенным ко второй категории, вообще нельзя было найти работу, а это, в свою очередь, означало, что у них отбирали хлебные карточки, лишали права голосовать.

Таким лишенцем стал сам Константин Сергеевич Станиславский, когда вспомнили, что он сын купца. Но он-то легко отделался. Основателя Московского Художественного театра быстро восстановили в правах. Менее нужным и полезным гражданам пришлось значительно хуже.

Николай Григорьевич Егорычев, бывший член ЦК и бывший первый секретарь Московского горкома партии, рассказывал:

– Мой дед был самым богатым мужиком в Митине, теперь это микрорайон Москвы. Он на свои деньги построил церковь, она и сейчас еще действует. Его еще в 1919-м хотели арестовать, а митинские мужики за него встали горой: не отдадим, это наш! В 1930-м, когда эту церковь пытались закрыть, дядя выступил на собрании в Митине и сказал: «Граждане, может, нам не закрывать церковь? Все-таки при церкви кладбище, наши предки похоронены. Кто за ними ухаживать будет?»

Его судили по 58-й статье, дали пять лет ссылки, послали в Архангельскую область. И тогда еще его дочь добилась его оправдания. Решили, что напрасно его сослали. Она его поехала выручать. А он где-то в лесу под Архангельском гнал лесной уголь, совсем истощал и умер у нее на руках.

Другой мой дядя, – вспоминал Егорычев, – в Рублеве заведовал хозяйством водопроводной станции. Их там было двести человек, обслуживали станцию. Половину, сто человек, репрессировали и почти всех расстреляли. В том числе и дядю...

«ПРОМПАРТИЯ» И ДРУГИЕ

В некрологе, помещенном в «Правде» 13 мая 1934 года, говорилось: «Здесь в этом зале дописывались последние страницы в тех привлекавших внимание всего мира делах, первые страницы которых набрасывались в кабинете т. Менжинского».

С Менжинским прощались в Колонном зале Дома союзов, где проходили все громкие судебные процессы, спланированные председателем ОГПУ и его помощниками. Это «шахтинское дело» («вредительская организация буржуазных специалистов в Шахтинском районе Донбасса» – 1928 год), процессы по делу «Промпартии» («вредительство в промышленности» – 1930 год), Трудовой крестьянской партии («вредительство в сельском хозяйстве» – 1930 год), «Союзного бюро ЦК РСДРП меньшевиков» («реставрация капитализма в стране» – 1931 год).

Все процессы были одинаковыми. Они должны были показать стране, что повсюду действуют вредители, они-то и не дают восстановить промышленность и вообще наладить жизнь. А вредители – бывшие капиталисты, дворяне, белые офицеры, старые специалисты. Некоторые из них – прямые агенты империалистических разведок, которые готовят военную интервенцию...

По мнению американского ученого Питера Соломона, изучавшего историю советской юстиции, постоянный поиск виновных, на которых можно было бы все свалить, – это характерная черта Сталина. Он тем самым инстинктивно снимал с себя ответственность.

При этом в политбюро обыкновенно знали цену этим делам.

Когда в 1928 году затевалось печально знаменитое «шахтинское дело», туда отправили комиссию, которую возглавлял член политбюро и секретарь ВЦСПС Михаил Павлович Томский. Когда он вернулся, нарком обороны Ворошилов написал ему записку:

«Миша!

Скажи откровенно: не вляпаемся мы на открытом суде в Шахтинском деле? Нет ли перегиба в этом деле местных работников, в частности краевого ОГПУ?»

Томский счел нужным ответить, что дело ясное. Но, выходит, Ворошилов чувствовал, что все это было липой...

Сталин, пишет доктор исторических наук Олег Витальевич Хлевнюк, обнаруживал вредительство там, где был обычный хозяйственный спор, и требовал крови. Сталин обвинял старых спецов – «вредителей и саботажников» – во всех экономических провалах и одновременно обвинял «правых» в покровительстве вредителям.

В 30-х годах аварии и выпуск некачественной продукции становились поводом для возбуждения уголовного дела. Обвинения в саботаже и вредительстве приобретали политическую окраску, и даже плохого повара при желании могли обвинить в троцкизме. Вина за аварии и брак была переложена на плечи руководителей производства, пишет Питер Соломон в своей книге «Советская юстиция при Сталине», хотя реальной причиной была форсированная индустриализация и требование выполнить план любой ценой.

Все началось с «шахтинского дела», о котором страна узнала, прочитав 12 марта 1928 года газету «Известия»:

«На Северном Кавказе, в Шахтинском районе Донбасса, органами ОГПУ при прямом содействии рабочих раскрыта контрреволюционная организация, поставившая себе целью дезорганизацию и разрушение каменноугольной промышленности этого района...

Следствием установлено, что работа этой контрреволюционной организации, действовавшей в течение ряда лет, выразилась в злостном саботаже и скрытой дезорганизаторской деятельности, в подрыве каменноугольной промышленности методами нерационального строительства, ненужных затрат капитала, понижении качества продукции, повышении себестоимости, а также в прямом разрушении шахт, рудников, заводов».

В реальность обвинений верили почти все за малым исключением. В октябре 1928 года умер известный ученый-металлург, член-корреспондент Академии наук Владимир Ефимович Грум-Гржимайло, брат еще более знаменитого географа. Его предсмертное письмо было опубликовано в эмигрантской печати: «Все знают, что никакого саботажа не было. Весь шум имел целью свалить на чужую голову собственные ошибки и неудачи на промышленном фронте... Им нужен был козел отпущения, и они нашли его в куклах шахтинского процесса».

ОГПУ получило указание найти вредителей во всех отраслях народного хозяйства. Менжинский указание выполнил.

В начале августа 1930 года Сталин в письме Молотову написал, что надо «обязательно расстрелять всю группу вредителей по мясопродукту, опубликовав при этом в печати». В конце сентября было принято постановление политбюро: опубликовать показания обвиняемых «по делам о вредителях по мясу, рыбе, консервам и овощам». А 25 сентября появилось сообщение о том, что коллегия ОГПУ приговорила к расстрелу 48 «вредителей рабочего снабжения» и приговор приведен в исполнение...

Летом 1930 года ОГПУ «раскрыло» контрреволюционную «Трудовую крестьянскую партию». Председателем никогда не существовавшей партии назвали профессора Николая Дмит-

риевича Кондратьева, бывшего эсера, бывшего товарища министра продовольствия во Временном правительстве.

При советской власти Кондратьев возглавлял Конъюнктурный институт наркомата финансов. ОГПУ сообщало, что ЦК «Трудовой крестьянской партии» состоял в «информационно-контактной связи» с инженерно-промышленным центром. В центре состояли: Л.К. Рамзин, директор Теплотехнического института, В.А. Ларичев, член президиума Госплана СССР, А.А. Федотов, председатель коллегии Научно-исследовательского текстильного института, и С.В. Куприянов, технический директор Оргтекстиля ВСНХ СССР.

Это был мостик к следующему и самому громкому из «вредительских» процессов.

11 ноября 1930 года в московских газетах было опубликовано обширное обвинительное заключение по делу контрреволюционной организации «Союз инженерных организаций» («Промышленная партия»). Самым известным из обвиняемых был профессор Леонид Константинович Рамзин. Его и остальных обвиняли по 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР.

Читая обвинительное заключение, подписанное Прокурором России Николаем Крыленко, советские люди узнавали о том, что Объединенное государственное политическое управление выявило наконец центр всей вредительской деятельности в стране.

«Промпартия», согласно этому документу, объединила «все отдельные вредительские организации по различным отраслям промышленности и действовала не только по указаниям международных организаций бывших русских и иностранных капиталистов, но и по прямым указаниям правящих сфер и генерального штаба Франции по подготовке вооруженного вмешательства и вооруженного свержения Советской власти».

Деятельностью вредителей из-за рубежа руководил, утверждало ОГПУ, Торгпром – находящееся в Париже объединение «крупнейших заправил дореволюционной промышленности, поставившее своей задачей политическую работу по борьбе с Советской властью за возвращение своих бывших предприятий». Руководители Торгпрома Денисов и Третьяков были в списке кандидатов на пост министра торговли и промышленности в будущем правительстве России.

Трагическая ирония состояла в том, что к моменту начала процесса над «Промпартией» Сергей Николаевич Третьяков уже два года работал на советскую разведку под псевдонимом Иванов. Его личное дело я читал в известном здании на Лубянке. Третьяков работал на советскую разведку больше десяти лет.

ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ

По счастливой для Москвы случайности дом, который арендовал в Париже Российский общевойсковой союз (РОВС), главный объект интереса советской разведки, принадлежал семье Третьякова. Правда, сам Третьяков из семьи ушел, но представители советских спецслужб уговорили его вернуться.

В кабинете председателя РОВС генерала Миллера советские разведчики ночью установили подслушивающее устройство, и несколько лет подряд Сергей Третьяков ежедневно проводил несколько часов с карандашом в руках, надев наушники и записывая все, что ему удалось услышать. Затем он составлял донесение и передавал его сотруднику парижской резидентуры советской разведки. В 1942 году немцы, которые оккупировали Францию, нашли это оборудование. Третьяков был арестован как советский шпион, в конце 1943-го его казнили...

А началась его работа на советскую разведку с процесса над «Промпартией».

Сергей Николаевич Третьяков был одним из крупнейших российских промышленников, бесспорным лидером московских деловых людей. В октябре 1917 года он возглавил Экономический совет при Временном правительстве. В ночь с 25-го на 26 октября его арестовали крас-

ногвардейцы вместе с другими министрами Временного правительства и отправили в Петропавловскую крепость.

В начале 1918-го усилиями Политического Красного Креста удалось Третьякова и еще трех министров перевести из крепости в тюремную больницу. Там еще не было красногвардейцев, и они спаслись. Третьяков уехал из Петрограда и стал министром в сибирском правительстве адмирала Колчака, потом оказался в эмиграции в Париже.

Бежавшие из России промышленники создали Российский финансовый торгово-промышленный союз (Торгпром). Третьяков был избран заместителем председателя союза. Судя по картотеке Иностранного отдела ОГПУ, в начале 20-х годов Торгпром помогал деньгами Борису Савинкову, и вроде бы деньги Савинкову на террористическую деятельность передал Третьяков.

Менжинский поставил перед Иностранным отделом задачу проникнуть в руководящие круги Торгпрома, чтобы быть в курсе возможных антисоветских акций.

В мае 1929 года один из советских агентов в Париже, по кличке Ветчинкин, назвал фамилию Третьякова как подходящего для вербовки человека. Третьяков, по его словам, нуждался, потому что обнищавший Торгпром не имел возможности платить ему жалованье.

Обстоятельства личного характера благоприятствовали вербовке. Третьяков от семьи отошел, жил отдельно. Не скрывал своего разочарования в эмигрантском движении.

Другой агент сообщил: «Сергей Николаевич Третьяков – человек, обладающий большими знаниями и широким кругом знакомств в различных сферах русской эмиграции. Ввиду резкого контраста между той ролью, которую он играл в промышленных кругах России, и нынешним своим положением Третьяков в 1926 году впал в отчаяние и сделал попытку покончить жизнь самоубийством. Его в последний момент вынули из петли. Этот факт известен крайне ограниченному кругу лиц».

Третьяков легко согласился работать на советскую разведку и сразу поднял денежный вопрос: запросил двести долларов ежемесячно и двадцать пять тысяч франков единовременно. Советскому разведчику, который его вербовал, сумма показалась несуразной. Они стали торговаться. Третьяков отстаивал каждый доллар. Наконец договорились.

Ему был присвоен псевдоним Иванов. Он получил первые сто долларов и на следующую встречу принес свою исповедь:

«После победы большевиков эмиграция разбилась на целый ряд групп и группировок: впереди ничего определенного, советская власть справилась с белым движением. В сущности, с этого момента эмиграция, по-моему, потеряла всякое значение в смысле борьбы с советской властью и в смысле влияния на политику иностранных государств. И если некоторые террористические акты против советской власти имели место как за границей, так и в России, это дело рук отдельных лиц или маленьких группировок, но не эмиграции как таковой.

Сейчас эмиграция окончательно потеряла свое значение, с ней никто не считается, ее никто не слушает. Эмиграция умирает уже давно, духовно она покойник.

Торгово-промышленный союз (Торгпром) был создан в конце 1919 года Н.Х. Денисовым. Цель – объединение торгово-промышленного класса с заграницей, защита своих интересов и борьба с большевиками. Денисов, нажившийся на войне, уехал из России накануне большевистского переворота. Он сумел сделать деньги в Англии. Он продал большой пакет акций Сибирского банка и получил почти миллион фунтов стерлингов.

Веря в скорое падение большевиков, этот человек стал бросать деньги направо и налево. В течение ряда лет Торгпром пользовался большим влиянием в эмигрантских, а иногда и во французских правящих кругах.

В настоящее время союз не имеет никакого значения, он захирел, денег у него нет, находится он в маленьком помещении, служащих трое, да и те не знают, получают ли они жалованье первого числа».

КАК СОБИРАЛИСЬ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ТРЕТЬЯКОВА?

Из Москвы в парижскую резидентуру поступила шифровка: «Считаем полезным возобновление переписки «Иванова» с его московскими приятелями. Мы рассчитываем, что москвичи сообщат «Иванову» о своих перспективах, о размахе своей работы и назовут тех, кто может быть, нам еще неизвестен».

Третьяков передал связному различные документы Торгпрома, в том числе свою переписку с оставшимися в России бывшими промышленниками Нольде и Суздальцевым – совершенно невинную. От Третьякова требовали назвать имена и адреса вредителей, которые действовали по указанию эмиграции, а Третьяков уверял, что ему ничего не известно.

В ОГПУ хотели, чтобы Третьяков написал своим знакомым, оставшимся в России, и предложил им сотрудничество. Объяснил бы им, что за вредительскую работу им хорошо заплатят. Потом этих людей можно было бы обвинить в антисоветской деятельности и сотрудничестве с иностранными разведками.

Связной получил новое указание из Иностранного отдела ОГПУ: «Ваша задача вернуть его к активной работе в Торгпроме, заставить выявлять вредителей... Необходимо, чтобы он выяснил, существует ли, и если да, то в каком виде, тот центр, который объединяет и руководит деятельностью вредителей. Мы полагаем, что Торгпром таким центром не является».

Эта фраза из письма Иностранного отдела ОГПУ в парижскую резидентуру многого стоит: через несколько месяцев в обвинительном заключении по делу «Промпартии» именно Торгпром будет назван главным центром вредительства в СССР.

Иначе говоря, в ОГПУ знали, что к чему, но продолжали сооружать абсолютно липовое дело. Но именно этого ждали от чекистов. Сталин потребовал от Менжинского, чтобы арестованные по делу никогда не существовавшей «Промпартии» дали показания о связях с европейскими правительствами ради подготовки вторжения в Советский Союз. Об этом свидетельствует, в частности, следующая записка генсека:

«ОГПУ т. Менжинскому. Только лично. От Сталина»

Тов. Менжинский! Письмо от 2/Х и материалы получил. Показания Рамзина очень интересны. По-моему, самое интересное в его показаниях – это вопрос об интервенции вообще и особенно вопрос о сроке интервенции. Выходит, что предполагали интервенцию в 1930 г., но отложили на 1931-й или даже на 1932 г. Это очень вероятно и важно.

Это тем более важно, что исходит от первоисточника, то есть от группы Рябушинского, Гукасова, Денисова, Нобеля, представляющей самую сильную социально-экономическую группу из всех существующих в СССР и эмиграции группировок, самую сильную как в смысле капитала, так и в смысле связей с французским и английским правительствами.

Может показаться, что «Трудовая крестьянская партия», или «Промпартия», или «партия Милюкова» представляют главную силу. Но это неверно. Главная сила – группа Рябушинского– Денисова – Нобеля, то есть «Торгпром».

ТКП, «Промпартия», «партия» Милюкова – мальчишки на побегушках у «Торгпрома». Тем более интересны сведения о сроке интервенции, исходящие от «Торгпрома». А вопрос об интервенции вообще, о сроке интервенции в особенности, представляет, как известно, для нас первостепенный интерес.

Отсюда мои предложения:

а) Сделать одним из самых важных узловых пунктов новых (будущих) показаний верушки ТКП, «Промпартии» и особенно Рамзина вопрос о сроке интервенции:

- 1) почему отложили интервенцию в 1930 г.?
- 2) не потому ли, что Польша еще не готова?

3) может быть, потому, что Румыния не готова?

4) может быть, потому, что лимитрофы (так называли Латвию, Литву, Эстонию и Финляндию. – Л. М.) еще не сомкнулись с Польшей?

5) почему отложили интервенцию на 1931 г.?

б) почему «могут» отложить на 1932 г.?

б) Привлечь к делу Ларичева и других членов ЦК «Промпартии» и допросить их строжайше о том же, дав им прочесть показания Рамзина.

в) Строжайше допросить Громана, который, по показанию Рамзина, заявил как-то в «Объединенном центре», что «интервенция отложена на 1932 г.».

г) Провести сквозь строй гг. Кондратьева, Юровского, Чаянова и т. д., хитро увиливающих от «тенденции к интервенции», но являющихся (бесспорно) интервенционистами, и строжайше допросить о сроках интервенции (Кондратьев, Юровский и Чаянов должны знать об этом так же, как знает об этом Милуков, к которому они ездили на «беседу»).

Если показания Рамзина получают подтверждение и конкретизацию в показаниях других обвиняемых (Громан, Ларичев, Кондратьев и т. д.), то это будет серьезным успехом ОГПУ, так как полученный таким образом материал мы сделаем достоянием секций Коммунистического Интернационала и рабочих всех стран, поведем широчайшую кампанию против интервенционистов и добьемся того, что парализуем, подорвем попытки интервенции на ближайшие 1–2 года, что для нас немаловажно. Понятно?

Привет!

И. Сталин».

Менжинский все понял. Во время процесса «Промпартии» сотрудник советской разведки встретился с Третьяковым, который изумленно сказал ему:

– Должен вам заметить, что вы совершаете ошибку. Ту работу, которую вы приписываете Торгпрому, он не ведет.

– Разве вы не следите за разоблачениями, сделанными во время процесса «Промпартии»? – спросил советский разведчик.

Третьяков покачал головой:

– Я сильно сомневаюсь в правдивости того, что написано в советских газетах. Поверьте, это просто невозможно, чтобы членам «Промпартии» пересылались такие большие суммы. Помилуйте, господа, откуда, откуда? Ведь не только я, даже такие люди, как глава Торгпрома Денисов, сейчас перебиваются с хлеба на воду, не могут себе на жизнь заработать.

– Я должен вам сказать, – заявил затем Третьяков, – что к делу «Промпартии» я никакого отношения не имел и до начала процесса даже не слышал о ней.

– И ни с кем из этих людей не виделись? – спросил советский разведчик.

– Нет, – ответил Третьяков. – Я читал в ваших газетах, что мне приписывают оказавшиеся на скамье подсудимых люди, но все это плод их фантазии.

Ваш страх интервенции, подготовляемой Францией, – продолжал Третьяков, – ни на чем не основан. Бриан, министр иностранных дел, – сторонник мира. Кто же будет против вас воевать? Югославия? Нет. Италия? У нее нет никаких интересов в этой части Европы. Германия? В нынешней ситуации и речи быть не может. Чехословакия? Нет. Кто же, кто же?..

Сотрудник советской разведки был раздражен тем, что Третьяков все отрицал. Ведь в обвинительном заключении по делу «Промпартии» цитировались показания главного обвиняемого, профессора Рамзина: «При следующей встрече, кажется в Париже, Третьяков сказал, что при использовании войск Польши, Румынии, Прибалтийских стран и врангелевской армии около 100 тысяч человек интервенция будет располагать [столь] прекрасно оборудованной армией, что, по мнению многих бывших промышленников, при морской поддержке на юге и севере можно рассчитывать на успех даже с небольшой армией».

Вот вопрос, на который сейчас уже, видимо, невозможно получить ответ: неужели председатель ОГПУ Менжинский, который читал эти шифровки и все знал, искренне верил в реальность «Промпартии»?

25 ноября 1930 года в Москве начались заседания Специального присутствия Верховного суда СССР. Председательствовал Андрей Януарьевич Вышинский. Обвинение поддерживал Крыленко. Все восемь обвиняемых безоговорочно признали свою вину. Они нарисовали грандиозную картину разрушения «вредителями» экономики страны, создавая Сталину роскошное алиби, которого хватило на десятилетия.

В студенческие годы я еще встречал людей старшего поколения, которые помнили процесс «Промпартии» и, глубокомысленно покачивая головой, говорили о том, какой ущерб нанесли стране такие вредители, как профессор Рамзин.

Переписка со старыми знакомыми, оставшимися в России, Нольде и Суздальцевым, переданная Третьяковым советской разведке, видимо, пригодилась.

На вечернем заседании 1 декабря Вышинский попросил коменданта пригласить свидетеля Александра Нольде, который сообщил суду, что по указанию Торгпрома занимался вредительской деятельностью в льняной промышленности, и, в свою очередь, назвал инженера Суздальцева, якобы также участвовавшего во вредительстве.

Тем временем в Париже Сергей Третьяков на очередном свидании с советским разведчиком повторил: «Я утверждал и утверждаю, что никого из обвиняемых по делу «Промпартии» я лично не видел и разговоров с ними не вел».

Использование на процессе в Москве имени Третьякова чуть было не привело к его провалу.

На вечернем заседании 4 декабря после окончания судебного следствия специальное присутствие перешло к прениям сторон. Первым слово было предоставлено государственному обвинителю.

По классическим правилам Крыленко должен был проанализировать доказательства и улики, подтверждающие преступную деятельность обвиняемых. Ему уже было известно: за рубежом с изумлением констатировали, что все обвиняемые сознались, хотя на процессе не представлено ни единого доказательства! Обвинение не располагало ни одной объективной уликой, только признаниями обвиняемых.

«Какие улики вообще могут быть? – задавал сам себе вопрос Крыленко. – Есть ли, скажем, документы? Я спрашивал об этом. Оказывается, там, где они были, там документы уничтожались... Конечно, такие документы, как письма Торгпрома и другое, были уничтожены... Я спрашивал: может быть, какой-нибудь случайный остался? Было бы тщетно на это надеяться...»

Преступник, естественно, уничтожает улики. А почему он преступник? Потому что арестован и сознался, объясняет обвинитель. Ни с того ни с сего ОГПУ не арестовывает...

Председательствующий Вышинский вполне удовлетворен логикой главного обвинителя. Это же его главная идея – признание подсудимого и есть царица доказательств.

Но Крыленко лихо выбрасывает свой главный козырь: «Но все же не все документы были уничтожены... В материалах, касающихся деятельности текстильной группы, имеются письма Третьякова Лопатину и Лопатина Третьякову».

Лопатин умер в 1927 году, за три года до процесса, поэтому он не попал на скамью подсудимых, но на процессах его фамилию называли среди главных вредителей.

Московские газеты приходили в Париж с опозданием. 11 декабря в полпредство доставили газеты с обвинительной речью Крыленко. Один из руководителей парижской резидентуры, занимавшийся Третьяковым, решил почитать газету на сон грядущий. Когда он добрался до фразы о письмах Третьякова, то буквально похолодел (так написано в шифровке, которая хранится в архиве российской внешней разведки).

Утром он отправил письмо в центр:

«Почему, принимая решение о том, чтобы Крыленко сделал на процессе такое заявление, вы не сочли нужным предупредить нас?»

Если бы нас поставили в известность, мы бы успели подготовиться: или порвать все отношения с «Ивановым», раз таково решение центра, или, если центр, несмотря на заявление Крыленко, рвать с ним не намерен, то предупредить самого «Иванова». Ведь ему предстоит ответить Торгпрому, каким образом его переписка с Лопатиным попала в руки ОГПУ.

Принимая во внимание всеобщую подозрительность эмиграции ко всем и то обстоятельство, что эти письма – единственные документы, которые были названы на процессе, не подлежит никакому сомнению, что отношение к нему со стороны эмиграции станет более чем настороженным».

Но в Иностранном отделе ОГПУ ничего поделать не могли. Процесс по делу «Промпартии» куда важнее судьбы какого-то агента парижской резидентуры.

Поразительным образом все обошлось. В Париже никто не рискнул предположить, что ОГПУ получило письма непосредственно от Третьякова. Эмиграция решила, что их переписка была конфискована после смерти Лопатина.

7 декабря 1930 года в Москве завершился проходивший при большом стечении иностранных корреспондентов двухнедельный судебный процесс по делу придуманной ОГПУ «Промпартии».

Восемь крупных инженеров и руководителей промышленности были признаны виновными как «главари подпольной контрреволюционной шпионско-диверсионной» организации, по сговору с Западом занимавшейся вредительством в советской промышленности.

Всех подсудимых приговорили к расстрелу, но президиум ЦИК, учитывая их «полное признание» в совершенных преступлениях, заменил высшую меру наказания десятилетним тюремным заключением. Эти люди так убедительно сыграли свою роль, что получили обещанную награду: их не убили.

Сталина интересовали более крупные фигуры, хотя пока что он к ним только примеривался. Менжинский знал, чего от него ждет Сталин. Следователи ОГПУ выбивали из «вредителей» показания о связях с так называемыми «правыми».

В показаниях, полученных ОГПУ, значились имена двух членов политбюро – председателя ЦИК Михаила Ивановича Калинина и главы правительства Алексея Ивановича Рыкова. Калинин не имел никакого политического веса и Сталина не интересовал. А вот на Рыкова, пользовавшегося в стране уважением, Сталин уже стал копить материалы.

РАСКУЛАЧИВАНИЕ

Поклонники булгаковского романа «Мастер и Маргарита» весело смеются, читая сцену, описывающую сдачу валюты («Сон Никанора Ивановича»): «Вот уже полтора месяца вы сидите здесь, упорно отказываясь сдать оставшуюся у вас валюту, в то время как страна нуждается в ней, а вам она совершенно ни к чему».

В глазах сегодняшнего читателя страницы, посвященные валютчикам, носят юмористический характер, но при первой публикации романа эту сцену цензура убрала, потому что она почти списана с натуры.

В те годы происходило массовое изъятие ценностей у всех, у кого еще что-то осталось. Человека – обычно по доносу соседей или коллег – арестовывали и держали до тех пор, пока он не отдавал все, что у него было. Ценности нужны были для ускоренной индустриализации. Но в городе взять было практически нечего, поэтому грабили деревню.

Доктор экономических наук Алексей Улюкаев, который был заместителем Гайдара в Институте экономических проблем переходного периода, а в правительстве Касьянова стал заместителем министра финансов, считает:

– То, что происходило в конце 20-х годов, можно назвать просто террором, а можно увидеть в этом реализацию импортозамещающей модели в условиях изоляции страны. Главным ликвидным средством было зерно. Его надо было сконцентрировать в руках государства, а поскольку добровольно крестьяне зерно не отдавали, то власти прибегли к помощи продотрядов и раскулачиванию кулака. Раскулачивание, говоря современным языком, – это своеобразная процедура ускоренного банкротства.

Так что террор в конце 20-х начался не в силу злой воли (впрочем, в ней недостатка тоже не было), а потому что руководители государства приняли простое решение: «У нас нет времени убеждать частный капитал, нам нужно сконцентрировать все ресурсы и бросить их на развитие страны».

Организаторов колхозов в январе 1930 года напутствовали такими словами: «Если в порученном вам деле вы перегнете и вас арестуют, то помните, что вас арестовали за революционное дело!»

Местные партийные секретари по всей стране устроили соревнование: кто скорее добьется стопроцентной коллективизации. В первом сборнике исторических документов и материалов «Неизвестная Россия» подробно описано, что за этим последовало.

Зерно начали отбирать у тех, у кого оно было, то есть у справных хозяев. Их назвали кулаками и, по существу, объявили вне закона. Сначала всего лишь предполагалось выселить их на худшие земли и отобрать «лишнее». Председатель ЦИК СССР Михаил Иванович Калинин объяснил, что делать с кулаками: «Выселять на отдельные участки с плохими землями и отчуждать у них лишние орудия производства».

Но этого оказалось недостаточно: партийная пропаганда превратила кулаков в прирожденных убийц и негодяев. Для начала их просто ограбили, забрали все имущество, запретили снимать деньги со своих вкладов в сберегательных кассах.

30 января 1930 года политбюро приняло решение «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». 60 тысяч глав кулацких хозяйств предполагалось посадить в концлагеря или расстрелять, а их семьи выселить. Еще 150 тысяч семей решили просто выселить. Но масштабы борьбы с кулаками превысили предполагаемые цифры.

Приказ по ОГПУ о ликвидации кулачества как класса был подписан 2 февраля 1930 года. Перед госбезопасностью поставили задачу ликвидации контрреволюционного кулацкого актива, поставлявшего людей в действующие контрреволюционные и повстанческие организации.

Дела на кулаков предписывалось рассматривать в срочном порядке. Большинство арестованных подлежали отправке в концлагерь. В отношении наиболее злостных следовало применять высшую меру наказания. Наиболее богатых кулаков, бывших помещиков, местных кулацких авторитетов, актив церковников и их семьи приказано было выселять в отдаленные северные районы, а имущество конфисковывать.

За два года, в 1930–1931-м, пишет Олег Хлевнюк, больше полутора миллионов крестьян и их родных были выселены в лагеря ОГПУ и трудовые поселения. Примерно полмиллиона крестьян сами бежали в города и на стройки. Еще около двух миллионов были выселены по третьей категории, то есть в пределах своей области, но они лишились всего имущества, крестьянствовать не могли, и большинство ушло в город, надеясь там как-то прокормиться. Вот так было фактически уничтожено сельское хозяйство страны.

Имущество ограбленных кулаков уходило в доход государства, но часть распределяли среди односельчан: люди охотно брали то, что отняли у их соседей.

Писатель Лев Эммануилович Разгон, который прошел лагеря, говорил мне:

– Все действия Сталина мне понятны. Они подчиняются строгой логике. У него была цель. А как заглянуть в черные души его подручных, которые убивали, выполняя приказы? Тут нужно возвращаться в страшную эпоху коллективизации, раскулачивания, когда соседи приходили к человеку, с которым они годами жили рядом, бывали у него в гостях. И они только потому, что он считался кулаком, а они числились бедняками, забирали все его имущество, выкидывали его вместе с детьми на подводы и отправляли в Сибирь. Можно понять этих людей или нет? И те и другие были крестьянами...

Половину ссыльных крестьян отправили в лесную, горнорудную и строительную промышленность, то есть на самые тяжелые работы. Стариков, подростков и детей использовали на лесозаготовках. Женщин – на раскорчевке земель.

Ссыльных селили в бараках, шалашах и землянках. Медицинской помощи они почти не получали. Денег у них не было, продуктов им не выдавали. Зимой они остались без теплой одежды. Появилась масса сирот, которым еды вообще не полагалось. Зарплату ссыльным не платили по пять-шесть месяцев. Местные власти относились к ним как к животным. Обо всем этом можно узнать из докладных записок ОГПУ.

В этих спецпоселениях люди жили как в гетто, лишённые права не только уехать, но и просто выйти с территории. Они не могли ни поехать учиться, ни сменить работу. Эти ограничения были сняты только в 1947 году.

Менжинскому было дано указание заставить крестьян сдать зерно и довести крепкие хозяйства до банкротства. Крестьян сажали за убой скота (новая статья, введенная в начале 1930 года), за невыполнение плана посевной, за спекуляцию и сокрытие зерна. В 1931-м ввели в Уголовный кодекс статью «за порчу трактора».

Главной причиной уголовного наказания было невыполнение личных обязательств по сдаче зерна. Эти санкции предусматривались для кулаков. Но кулаки убегали, не дожидаясь, пока их посадят. Тогда местные власти принимались за середняков, и с тем же результатом: их хозяйства разрушались.

Репрессии обрушивались на середняка с такой же легкостью, как и на богатого крестьянина. Любого недовольного тем, что происходит, могли обвинить в контрреволюционной агитации. Пьяная драка с местным чиновником классифицировалась как терроризм. Суды рассматривали дела, не вызывая свидетелей, не слушая доводов защиты и не соблюдая процедурные нормы.

По секретной инструкции 1932 года обо всех смертных приговорах полагалось сообщать в комиссию политбюро, которая их утверждала. Но 7 августа появился один из самых варварских законов сталинского времени – так называемый «закон о пяти колосках». Это было постановление ЦИК и Совнаркома «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности».

Постановление, принятое для борьбы с голодающим крестьянством, приравнивало хищение государственной и общественной собственности к преступлениям, за которые приговаривают к смертной казни. Причем тройкам ОГПУ разрешили приводить в исполнение смертные приговоры без утверждения их комиссией политбюро.

За кражу зерна любой колхозник получал десять лет. Даже у многих судей не поднималась рука отправить крестьянина в лагерь на десять лет за кражу нескольких колосков.

Ускоренная индустриализация и насильственное объединение крестьян в колхозы ввергло страну в состояние Гражданской войны, пишет Олег Хлевнюк. Голодные люди не давали вывозить хлеб. Крестьяне восставали по всей стране. В 1929 году в стране было 1300 мятежей – по четыре мятежа каждый день. В январе 1930-го в волнениях участвовало 125 тысяч крестьян. В феврале – 220 тысяч. В марте около 800 тысяч...

Политбюро удержало власть над страной только благодаря террору. В 1930-м по делам, расследованным ОГПУ, было расстреляно больше 20 тысяч человек. Была проведена мобилизация в органы госбезопасности, в штат вернули бывших чекистов, которые ушли со службы, когда ВЧК преобразовали в ГПУ и аппарат сократили.

Разрозненные восстания крестьян едва не переросли в повстанческое движение по всей стране. Причем Сталин запретил прибегать к помощи Красной армии в борьбе с восставшими, поскольку армия сама была крестьянской и он боялся, что вчерашние крестьяне повернут оружие против власти.

Увидев масштаб сопротивления, Сталин и его окружение, видимо, и задумали идею массовой чистки, искоренения всех тех, кто хотя бы теоретически может быть нелоялен.

В 1933 году ввели паспортную систему, чтобы контролировать передвижение населения. До 1923 года в разных городах пользовались самыми разными документами, чаще всего трудовыми книжками, но и после 1923-го, когда декрет ВЦИК предписал ввести единые удостоверения личности, можно было предъявлять любые документы – справки из домоуправления, служебные удостоверения, профсоюзные и военные билеты.

В записках моего дедушки я нашел упоминание о том, что он получил в милиции свидетельство на «право жительства во всех городах и селениях РСФСР». На оборотной стороне поставили штамп о прописке и о вступлении в брак.

В 1932 году политбюро создало комиссию во главе с заместителем председателя ОГПУ Всеволодом Аполлоновичем Балицким. Повод для введения паспортов сформулировали так: ввиду необходимости очистить Москву, Ленинград и другие крупные города «от лишних, не связанных с производством и работой учреждений, а также от скрывающихся в городах кулацких, уголовных и других антиобщественных элементов».

Постановление Совнаркома от 28 апреля 1933 года о выдаче паспортов запрещало выдавать их «гражданам, постоянно проживающим в сельских местностях», то есть крестьянам, с тем чтобы не дать им возможность уйти из деревни. Крестьянина советская власть держала на положении крепостного. Этот запрет был отменен только в 1974 году.

Тех, кто не имел паспорта, рабоче-крестьянская милиция выселяла из Москвы и Ленинграда.

ДЕЛА О ЛЮДОЕДСТВЕ

Разрушение деревни привело зимой 1932/33 года к голоду. Хуже всего ситуация была на Украине и в Казахстане, который, может быть, пострадал больше других республик. Их за голода и последовавшей за ним эпидемии тифа погибло 1700 человек. Это 40 процентов всего казахского населения. Еще несколько сотен тысяч казахов бежали в соседние Китай, Монголию, Афганистан...

Голодающие крестьяне пытались украсть немного зерна, чтобы накормить детей. И тут уже вступало в действие ОГПУ. В 1932-м по закону от 7 августа вынесли тысячу смертных приговоров. Столько же казнили за первую половину 1933-го.

Корней Иванович Чуковский, замечательный детский писатель и литературовед, 14 октября 1932 года записал в дневнике:

«Вчера парикмахер, брея меня, рассказал, что он бежал с Украины, оставил там дочь и жену. И вдруг истерично:

– У нас там истребление человечества! Истребление человечества. Я знаю, я думаю, что вы служите в ГПУ, но мне это все равно: там идет истребление человечества. Ничего, и здесь то же самое будет. Я буду рад, так вам и надо!»

В мае 1933 года местные органы госбезопасности и прокуратуры получили секретное письмо ОГПУ, прокуратуры и наркомата юстиции:

«Ввиду того что существующим уголовным законодательством не предусмотрено наказание для лиц, виновных в людоедстве, все дела по обвинению в людоедстве должны быть немедленно переданы местным органам ОГПУ.

Если людоедству предшествовало убийство, предусмотренное статьей 142 Уголовного кодекса, эти дела также должны быть изъяты из судов и следственных органов системы Наркомюста и переданы на рассмотрение коллегии ОГПУ в Москве».

Ситуация в промышленности была не лучше, чем в деревне, отмечает Олег Хлевнюк. Деньги вкладывали в незавершенное строительство, в то время как действующие предприятия не получали сырья и оборудования. Финансовая система разрушилась. Правительство подняло цены, ввело обязательные займы и печатало деньги. Продовольствие выдавали по карточкам.

Магазины были пусты. Продукты продавались только в магазинах Торгсина (Всесоюзного объединения по торговле с иностранцами), где принимали как валюту, так и золотые кольца, коронки, крестики, браслеты.

В августе 1930 года в Москве были введены закрытые распределители продовольствия для рабочих наиболее важных предприятий. Эта идея понравилась, и распределители продовольственных и промышленных товаров распространились по всей стране. Отныне особо заманчивой стала работа не там, где интересно, и даже не там, где хорошо платят, а там, где есть хороший распределитель – для других закрытый.

Голод 1932–1933 годов унес от четырех до пяти миллионов жизней. И вот что потрясает. Члены политбюро, как показывает анализ поступавших к ним документов, были прекрасно осведомлены о масштабах голода, о страданиях людей. Но историки отмечают, что нет ни одного документа, в котором Сталин и другие руководители страны сожалели бы о смерти миллионов сограждан.

В политбюро не знали, как выйти из кризиса. В партии многие тихо роптали. В 1929–1931 годах провели очередную чистку партии, исключили четверть миллиона человек.

10 декабря 1932 года было принято решение о новой чистке членов и кандидатов в члены партии. Чистка продолжалась до весны 1935 года. Прием в партию и перевод из кандидатов в члены партии возобновился только с 1 ноября 1936 года.

Зато XVII съезд партии в феврале 1934 года разрешил создавать группы сочувствующих при партийных организациях. Для этого нужно было получить две рекомендации. Сочувствующие посещали открытые партсобрания, но имели только совещательный голос.

В политическом смысле это привело к росту авторитета «правых», иначе говоря, сторонников умеренной политики в городе и в деревне – главы правительства Алексея Ивановича Рыкова, партийного идеолога Николая Ивановича Бухарина, обратившегося к крестьянам с лозунгом «Обогащайтесь!», бывшего главы профсоюзов Михаила Павловича Томского.

Сталину эти люди мешали. Но ему было трудно побороть Рыкова, достойного человека, умелого администратора, который вполне мог претендовать на руководство страной. Но в таких делах Сталин мог рассчитывать на помощь органов госбезопасности.

ЗАСТРЕЛИЛСЯ МАЯКОВСКИЙ ИЛИ ЕГО УБИЛИ?

Вот уже несколько лет некоторые исследователи уверяют, что Владимир Маяковский вовсе не покончил с собой, а был убит чекистами Менжинского по приказу Сталина. И число сторонников этой версии все увеличивается.

Правда, литературоведы, знатоки жизни и творчества Маяковского, реагируют на нее скептически. Они охотнее цитируют Бориса Пастернака, который с присущей гениальным поэтам прозорливостью предположил когда-то: «Мне кажется, Маяковский застрелился из гордости, оттого, что осудил что-то в себе или около себя, с чем не могло мириться его самолюбие».

Но многим версия об убийстве Маяковского кажется весьма убедительной. Публика скорее готова поверить в тайное убийство, в заговор, в существование неких секретных сил. Но к смерти Маяковского – это редкий случай – ОГПУ не причастно.

Ведь российскую публику убеждают в том, что и Сергей Есенин вовсе не повесился, а был повешен. Несколько писателей и один бывший милиционер самостоятельно провели расследование и без труда выявили гнусных убийц...

Правда, проведенная уже в наши дни профессиональная и всеобъемлющая экспертиза патологоанатомического заключения о смерти Сергея Есенина категорически опровергает возможность насильственной смерти: поэт повесился сам, без чужой помощи.

Думая и о трагической судьбе Маяковского, некоторые исследователи приходят к выводу, что поэт не по своей воле покинул сей мир. Отправная точка рассуждений – странный интерес чекистов к поэту. Ближе всех к Маяковскому был член коллегии ОГПУ и начальник секретно-политического отдела Яков Саулович Агранов.

Давно отмечено странное взаимное тяготение людей искусства и офицеров секретных служб. Рыцарям плаща и кинжала льстит внимание властителей дум. А поэтов, артистов и художников волнует мистическая притягательность тайной власти. А может быть, просто сюжеты ищут в рассказах бывалых людей...

Яков Агранов был чекистом-интеллектуалом. Когда в 1922 году Ленин приказал выставить из страны «контрреволюционных» ученых, он просил Дзержинского поручить это дело толковому чекисту. Поручили Агранову. Ленин к Агранову благоволил.

Сибарит Рудольф Менжинский, в высшей степени амбициозный Генрих Ягода, ошалевший от стремительного взлета на Олимп власти Николай Ежов и их высокопоставленные подчиненные, включая Агранова (высшая точка его карьеры – должность первого заместителя наркома внутренних дел) охотно участвовали в богемной жизни Москвы, дружили с мастерами искусств, как тогда говорили, изображали из себя меценатов.

Генрих Григорьевич Ягода торчал в доме Горького не потому, что следил за пролетарским писателем. Ему, как уверяют, нравилась жена Пешкова-младшего, а еще больше нравился интерес, с которым ему внимал цвет художественной интеллигенции России. А следить за писателями было кому и помимо наркома и его заместителей. На недостаток агентов и осведомителей это ведомство в России никогда не жаловалось.

Автор «Конармии» Исаак Бабель водил компанию с Яковом Блюмкиным, который принимал участие в убийстве германского посла Мирбаха. Маяковский – с Аграновым. Кстати говоря, эта традиция из 20–30-х годов перешла и в наши дни.

Так что исследователи оказываются в плену собственной схемы, когда пишут: «Ясно, что операцией по уничтожению Маяковского руководил опытный агент ЧК Агранов». Не зря же Агранов занимался похоронами поэта. Он должен был во время похорон замести какие-то следы... Какие? Художница Лавинская вроде бы видела в руках Агранова снимок мертвого Маяковского, но не тот, который всем известен, а совсем другой: «Распростертого, как распятого, на полу с раскинутыми руками и ногами и широко раскрытым в отчаянном крике ртом».

Самоубийство тоже сопровождается болью, страданием, так что в последние секунды жизни Маяковский вполне мог так выглядеть. Но если Агранов должен был скрыть эту фотографию, то зачем же «опытный агент» позволил увидеть ее художнице Лавинской?

Вот еще один вопрос: почему Маяковскому прислали с Лубянки пистолет? «Это было приглашением к самоубийству. Ему пистолет был не положен». Очень даже положен. И в наши дни министерство внутренних дел и министерство обороны крупным деятелям культуры охотно дарят личное оружие, а уж в те времена это было достаточно широкой практикой.

Присылать пистолет как приглашение к самоубийству – это уж очень романно. Не стоит так хорошо думать о чекистах, они все-таки были в первую очередь чиновниками, бюрократами.

Достаточно представить себе, как оперуполномоченный ОГПУ составляет на имя Менжинского бумагу с предложением послать «поэту Маяковскому В.В. пистолет, чтобы он понял, что ему следует застрелиться», как сразу станет ясной нелепость сего предположения.

В этом ведомстве всегда действовали самым простым образом: если поступала команда уничтожить, то уничтожали – сажали, судили, отправляли в лагерь, расстреливали, вешали, на худой конец проламывали голову ледорубом или ломом. Зачем сложные-то пути искать, когда столько простых?

Полагают: «В 30-м году Маяковского надо было убирать во что бы то ни стало. И его убрали».

Ставить себя на место другого человека – полезно. Но все-таки трудно поставить себя на место Сталина, причем именно в 1930-м, и понять, почему Маяковского надо было «убрать во что бы то ни стало».

Криминальность мышления Сталина не подлежит сомнению. Но самым главным врагом его был Троцкий. Приказ об убийстве Троцкого был отдан не в 1930 году, а позже. Так что же, выходит, Маяковский был более опасен, чем Троцкий?

Проживи Маяковский подольше, он бы, скорее всего, угодил в ежовско-бериевскую мясорубку. Но не в 1930-м, а в 1936–1938 годах.

Не стоит и переоценивать роль Маяковского для Сталина и партийной верхушки. Это сейчас он представляется самой крупной вершиной, а на литературно-политическом ландшафте 20–30-х были другие величины, в большей степени интересовавшие хозяев Старой площади и Лубянки. В 1930-м Владимир Маяковский вовсе не был поэтом номер один. «Лучшим и талантливейшим» Сталин прикажет считать его после смерти.

«А что, если чай с чекистами были отнюдь не безвредными? – задается вопросом один из авторов версии о убийстве Маяковского. – Психотропными средствами обработки ЧК по настоящему овладело к моменту показательных процессов 1937-го года... Похоже, что плохое физическое самочувствие поэта было вызвано каким-то отнюдь не безвредным средством, которое нетрудно было подсыпать в еду таким мастерам этого дела, как Эльберт или Агранов».

Не знаю, как насчет Льва Гиляровича Эльберта, начальника отделения Иностранного отдела ОГПУ, фигуры весьма неясной, но для члена коллегии ОГПУ Якова Агранова подсыпать яд в чай было бы в новинку. Он был мастером своего дела, но другого. Он принял участие в убийстве десятков тысяч человек, но опосредованно, подписывая приказы, а не стреляя или подсыпая яд. В 1930-м он был уже одним из руководителей ОГПУ, а вовсе не агентом-оперативником, которого отправляют на мокрое дело.

Кроме того, на сегодняшний день нет никаких оснований утверждать, что в 30-х годах ОГПУ – НКВД использовало психотропные средства – по той простой причине, что эффективных средств такого типа еще не было. Эта отрасль прикладной химии появилась после того, как в 1942 году один швейцарский химик синтезировал препарат ЛСД.

Производные этого препарата и некоторые другие сложные химические соединения в 50–60-х и в начале 70-х годов активно изучались в лабораториях всех спецслужб. На психотропные средства возлагались большие надежды в плане манипуляций человеческим мозгом. Надежды, кстати, не оправдались.

Конечно, поразительные признания обвиняемых на московских процессах 30-х годов казались неразрешимой загадкой. И скажем, ЦРУ в начале 50-х годов тоже подозревало, что Москва каким-то образом научилась контролировать поведение людей.

Поведение подсудимых на процессах 30-х годов, или саморазоблачительные признания венгерского кардинала Миндсенти, над которым устроили суд в 1949 году, или антиамериканские речи, которые внезапно стали произносить попавшие в плен к северным корейцам в 1950–1953 годах американские летчики, казалось, имеют только одно объяснение – применение особых препаратов.

В одном из докладов ЦРУ 50-х годов говорилось о возможности использования русскими чекистами лоботомии, электрошока, таких препаратов, как инсулин, метазол и кокаин, применения гипноза в сочетании с наркотиками.

Почти четверть века ЦРУ вело исследования на эту тему, но практически безуспешно. Ответы следует искать не в химических лабораториях.

Почему люди, попавшие в руки чекистов, в конце концов говорили все, что от них требовалось? Многочасовые допросы, бессонные ночи, угрозы арестовать членов семьи действовали значительно сильнее, чем мистические психотропные средства...

Вот еще основание для подозрений: «Размер депрессии Маяковского не соответствовал масштабу происходящего».

Вообще говоря, депрессия как таковая свидетельствует о том, что организм человека не способен адекватно реагировать на обстоятельства жизни, это болезненная реакция.

Нужно ли говорить, что поэты – самый ранимый род людей? То, что со стороны кажется малозначительным, для них трагедия вселенских масштабов.

А на Маяковского в последние годы и месяцы его жизни обрушилось столько оскорблений, что в этом смысле можно говорить о доведении до самоубийства. Такой была атмосфера 30-х годов, в которой уничтожалось все талантливое, неординарное.

В подкрепление своих слов позволю себе сослаться на свидетельство очевидца. На записки моего дедушки – Владимира Михайловича Млечина, театрального критика, который знал Маяковского и оставил свои воспоминания.

Он работал над воспоминаниями несколько лет – до самой смерти в январе 1970 года. Помню, что, когда готовился сборник «Маяковский в воспоминаниях родных и друзей», ему предложили включить в книгу свои записки. Он отказался: «К родным Маяковского не имею чести принадлежать, а другом называть себя не смею».

Кажущиеся мне неубедительными толки о смерти Маяковского навели меня на мысль предать гласности эти воспоминания.

Считается, что Сталин приказал уничтожить Маяковского, сочтя его пьесу «Баня» своего рода издевкой над генеральным секретарем. Диспут вокруг «Бани» занимает центральное место в публикуемых воспоминаниях.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА С МАЯКОВСКИМ

Сразу после выступления Маяковский шепнул мне:

– Поедем отсюда.

Я спустился в вестибюль, и мы вышли на улицу. Маяковский был сумрачен и молчалив. Шел двенадцатый час ночи. Маяковский махнул проезжавшему свободному извозчику. Мы сели.

– Может, в «Националь»? – спросил я, полагая, что Маяковский хочет поиграть на бильярде.

– Нет уж, давайте в «Кружок».

Так в обиходе московской литературно-театральной богемы именовался Клуб мастеров искусств в Старопименовском переулке. В клубе в тот вечер не было ничего, что могло бы заинтересовать Маяковского. Я подумал, что он хочет поужинать, поиграть на бильярде – ради этого, собственно, и ездили в «Кружок»: здесь был отличный и сравнительно недорогой ресторан, хорошие бильярдные пирамидки и приветливый маркер Захар, который знал всех посетителей и отлично их обслуживал.

Но мы не ужинали. Не играли.

– Давайте посидим где-нибудь, поболтаем.

Устроились в коридорчике, который вел к ресторану. Дважды, может быть трижды, подходил к нам официант, предлагая поесть, потом сообщая о предстоящем закрытии кухни. Маяковский благодарил, но в ресторан не пошел.

Мы приехали не позже двенадцати. Мы ушли последними, когда клуб закрывался, стало быть, не ранее четырех часов утра. О чем же мы говорили целых четыре часа? И почему Маяковский выбрал в собеседники именно меня – далеко не самого близкого к нему человека?

Мы познакомились летом 1926 года, когда я стал работать в издательстве «Молодая гвардия».

Сейчас трудно себе представить, что человек десять управлялись с громадным объемом разнообразнейшей литературы. По-видимому, большие штаты, которыми ныне располагают издательства, не являются обязательной предпосылкой успешной работы.

Однажды из комнаты редакторов донесся изрядный шум. Какой же молодой (и неопытный) администратор потерпит беспорядок в своем учреждении! Я зашел в комнату и увидел картину в общем юмористическую: маленький редактор, задрал голову, стоял перед Маяковским, который с высоты своего без малого двухметрового роста смотрел куда-то в потолок и то сердито, то саркастически отводил шаткие аргументы собеседника.

Выяснилось, что поэт сдал в издательство сборник стихов, а рукопись потеряли. Я увел Маяковского к себе в кабинет и кое-как уладил конфликт.

Через несколько дней я вновь увидел Маяковского, который сразу зашел ко мне, уселся на край стола и деловито сказал:

– Тезка, дайте денег.

– За что, Владимир Владимирович?

– Не за что, а на что. Еду в Крым.

– Без договора финотдел не даст.

– Значит, ничего нельзя придумать?

– Есть одна мысль, – сообразил я. – Если одобрите, организую аванс. Напишите для нас детскую книжку.

Прошло месяца два, и я вновь увидел Маяковского. Просто, точно вчера расстались, он протянул свою мощную руку, уселся на тот же стол, вытащил небольшую записную книжку и прочитал: «Эта книжечка моя про моря и про маяк».

Мы тут же оформили договор.

Только после этих встреч я стал более или менее регулярно ходить на его литературные вечера. Затем я сам стал писать о театре, из издательства перешел в «Вечернюю Москву», мы виделись в некоторых домах, в частности у Луначарского. Вскоре нашлось и еще одно поле для встреч – бильярдное.

Играл Маяковский очень хорошо – для любителя, разумеется. Делаю эту оговорку, потому что даже сильнейшие любители не могли на равных состязаться с профессионалами, уровень игры которых в те годы достигал высокого совершенства. Бильярдных было много, крупная игра шла почти всюду. Еще в полной силе были дореволюционные мастера.

Маяковский с профессионалами играл редко. И не потому, что боялся их: игру всегда можно было уравновесить форой. Ему претили ухищрения профессиональной игры, обязательно связанной со сложными тактическими ходами и с известной долей коварства. Но не любил он и «пустой» игры, то есть без всякой ставки. Исключения он делал только для партнеров заведомо слабых. Так он играл с Луначарским, который бильярд очень любил, но играл чрезвычайно слабо.

Анатолий Васильевич, человек, вообще говоря, исключительной тонкости и проницательности, в бильярдной становился простодушным до наивности: он искренне верил, что играет неплохо – только ему очень не везет.

У Маяковского был поразительно точный и сильный удар. Особенно хорошо он играл угловые шары, но и в середину любил положить шар «с треском».

«Человек – это стиль» – говорят французы. И в стиле бильярдной игры, в каждом движении Владимира Владимировича сквозило то своеобразие, которое было свойственно всем проявлениям его неповторимой индивидуальности, – прямота, напор, смелость, порой дерзость, и вместе с тем отличная выдержка, стойкость, поразительная корректность.

Вообще корректность, да и подлинное рыцарство были свойствами природы Маяковского. Но неверно думать, что Маяковский всегда был вежлив, сдержан и мягок. Отнюдь нет, он бывал очень резок и весьма напорист, когда речь шла о серьезном деле, тем паче если доводилось отстаивать творческие или общественные позиции, принципы, убеждения. Тут он становился беспощадным, превращался в непреклонного борца.

Тем более удивительным, непохожим на себя показался мне Маяковский в тот памятный мне день нашей последней встречи.

Вечером 27 марта 1930 года мне предстояло вступительным словом о пьесе Маяковского «Баня», поставленной театром Мейерхольда, открыть диспут в Доме печати.

А днем у нас в редакции «Вечерней Москвы» для обсуждения пьесы и мейерхольдовской постановки собралась рабочая бригада. Значительная часть этой бригады состояла из студентов, в частности ГИТИСа. Впрочем, было и несколько заводских рабочих. Время от времени газета приглашала бригаду на общественные просмотры, затем устраивала обсуждение.

После просмотра «Бани» хор негодующих был яростным, стройным, а голоса защитников звучали неуверенно, даже робко. Над пьесой и спектаклем пронесся критический ураган в двенадцать баллов.

Наиболее резко против постановки выступила «Рабочая газета»: «То, что у Александра Безыменского в «Выстреле» является подлинной советской сатирой, за которой чувствуется большая взволнованность и боль за наши недочеты, – здесь превращено в холодный и грубый гротеск, цинично искажающий действительность».

Не пощадила Маяковского и «Комсомольская правда»: «Продукция у Маяковского на этот раз вышла действительно плохая, и удивительно, как это случилось, что театр имени Мейерхольда польстился на эту продукцию».

Эти оценки были результатом недопонимания Маяковского, который воспринимался лишь как главарь одного из борющихся литературных течений. К тому же он не был членом партии, а всего лишь попутчиком.

Если говорить о «Бане», то лишь один критик после ее появления заговорил о «театре Маяковского». Мне же казалось тогда, что его пьесы, включая «Баню», носят преходящий характер, безотносительно к достоинствам, которые я видел и гласно признавал. «Баню» я считал произведением талантливым, самобытным, но в чем-то незавершенным, не нашедшим вдобавок полноценного, адекватного сценического воплощения.

Перед началом совещания в «Вечерней Москве» мне пришлось отлучиться. Вернувшись, я увидел такую картину: Маяковский стоял в коридоре, прислонившись к притолоке у двери комнаты, где происходило совещание, и слушал, явно не желая показываться собравшимся.

По голосу я узнал критика, который нередко выступал на страницах «Вечерней Москвы». Он критиковал пьесу и спектакль аргументированно и довольно едко. Маяковский буквально серел, но пресекал всякие мои попытки войти в комнату и вмешаться в ход обсуждения.

Я ощутил необыкновенно болезненную реакцию Владимира Владимировича на критику пьесы, хотя кто-кто, а он, казалось, привык к таким разносам и разгромам, к таким критическим тайфунам, по сравнению с которыми эта речь старого театрала могла показаться благодушной. Но таково уж, видимо, было настроение Владимира Владимировича в те дни, такова была степень его ранимости, которую обычно он умел великолепно прикрывать острой шуткой, едкой репликой, а то и явной бравадой. Маяковский был явно угнетен и подавлен.

Когда возвращаешься мысленно к той далекой поре, кажутся непостижимыми равнодушные, слепота и глухота, которые овладели людьми, знавшими поэта близко, его друзьями и соратниками.

На открытии Клуба мастеров искусств я впервые услышал, как Маяковский читал вступление к поэме «Во весь голос».

Обстановка была парадная, банкетная, легкомысленная. Собравшиеся сидели за столиками. Самые прославленные представители различных муз соревновались в умении развлекать узкий круг (зал маленький, от силы полтора человека) изощренных ценителей.

На полукапустническом фоне стихи Маяковского резанули по сердцу.

«Наших дней изучая потемки...» Какие потемки? Это кому же темно в светлые дни ликвидации кулачества как класса и всеобщей победы, одержанной Российской ассоциацией пролетарских писателей над иноверцами, в том числе над самим неукротимым Маяковским?

Меня поразили глубокое беспокойство, невысказанная боль, охватившие сердце поэта. Он обращался к потомкам, потому что отчаялся услышать отклик современников. Как можно было пройти мимо его трагической настроенности?!

Бас Маяковского рокотал, некогда было оценить всю силу и глубину образа, неповторимую инструментовку стиха, изумительное искусство звукописи – совсем другое ощущение охватило меня: внутренняя дрожь, неосознанное чувство тревоги, беспокойства.

Наступила та тишина, о которой мечтает каждый актер, каждый режиссер, тишина завожженности, зачарованности, которая дороже всяких шумных оваций. И когда на последней ноте замер голос чтеца и отзвучала неслышанная в этом зале тишина, когда отгремели аплодисменты, вдруг за одним из столиков раздался до противности рассудительный голос:

– Маяковский пробует эпатировать нас, как некогда эпатировал петроградских курсисток.

Говорил директор крупного московского театра, известный своей военной выправкой и познаниями в теории пулеметной стрельбы...

Я долго не мог отделаться от чувства тревоги, как я был уверен, беспричинной, вызванной только смелостью, насыщенностью произведения и покоряющей силой исполнения.

В конце концов не так близко знал я Маяковского, не знал бремени обрушившихся на него бед и не мог постичь невероятной боли, которая уже не дни, а, наверное, недели и месяцы точила сердце поэта.

Да и весь привычный облик Маяковского, всегда собранного, всегда настроенного как бы воинственно, агрессивно, не вязался с мыслью о назревающей, если уже не вполне созревшей трагедии.

Народу на диспуте о «Бане» было немного. И уже во время моего вступительного слова обозначились две группы слушателей разной численности. Пока я говорил – более или менее сочувственно – о пьесе, иронические реплики подбрасывала группа рапповцев, а подбадривали меня мейерхольдовцы. Когда я заговорил о недостатках спектакля, заволновались мейерхольдовцы, а поддерживать стали рапповцы.

Речь Маяковского была не очень похожа на его обычные речи – наступательные, часто агрессивные, иногда веселые, задиристые. После диспута в Доме печати Маяковский и повлек меня в Клуб мастеров искусств, где проговорили почти всю ночь.

Чувство глубокой горечи, недоумения, можно сказать, обиды слышалось едва ли не в каждой фразе, в каждом жесте, даже в междометиях Маяковского. Нельзя забыть и ощущения растерянности, которая явно владела им в тот день и так не вязалась с его обликом.

Маяковский спросил меня, почему «Вечерняя Москва» вопреки обычаю откликаться на премьеры на следующий же день до сих пор не выступила. Я сказал откровенно, что в редакции нет единодушия в оценке спектакля.

– Но в редакции же есть статья о «Бане»?

– Кто вам сказал об этом? – ответил я вопросом.

– Ну, в редакциях секреты не хранятся. Так почему вашу статью не печатают?

Я ответил, что моя статья не очень удалась и товарищам показалась расплывчатой.

– То есть недостаточно резкой? Товарищи боятся не попасть в тон разгромным статьям «Рабочей газеты» и «Комсомолки»? Скажите, чем объясняется это поветрие? Вы можете вспомнить, чтобы так злобно писали о какой-либо пьесе? О «Днях Турбиных», даже о «Зойкиной квартире» не писали в таком разносном тоне. И все – как по команде. Что это – директива?

Я попытался убедить Владимира Владимировича в том, что никакой директивы нет и быть не может, что рецензии – результат неблагоприятного настроения, сложившегося на премьерe, что пьеса трудна для понимания, что Мейерхольд не проявил свойственной ему изобретательности...

– Да при чем тут Мейерхольд! – прервал меня Маяковский. – Удар наносится по мне – сосредоточенный, злобный, организованный. Непристойные рецензии – результат организованной кампании.

– Организованной? – удивился я. – Кем? Кто заинтересован в такой кампании против вас?

Маяковский говорил даже о травле. Он утверждал, что этот поход против него стал особенно яростным в связи с выставкой, которую он организовал к двадцатилетию своей литературной деятельности.

– Я много езжу, выступаю, хотя у меня большие связи и временами выступить совсем не следует, – говорил Маяковский.

Он рассказал мне, что давно убедился: форма его стиха лучше воспринимается на слух. Он сам таким образом создает себе читателя. Теперь он может на вечерах продавать огромное число своих книг, даже тома собрания сочинений. Попутно он ведет общекультурную работу, которую, кроме него, никто не ведет. И вот в разгар этой работы ему наносится удар за ударом, с явным намерением подорвать доверие к нему, вывести его из строя.

– С восемнадцатого года меня так не поносили. После первой постановки «Мистерии-буфф» в Петрограде писали: «Маяковский продан большевикам».

Я сделал попытку перевести беседу в юмористический план:

– Так чего вам сокрушаться, Владимир Владимирович? Ругались прежде, кроют теперь...

– Как же вы не понимаете разницы! Теперь меня клеймят со страниц родных мне газет!

– Но все-таки к вам хорошо относятся, – попробовал я возразить.

– Кто?

– Например, Анатолий Васильевич Луначарский сказал мне, что в ЦК партии вас поддержали, когда возник вопрос об издании вашего собрания сочинений.

– Да, Луначарский мне помогал. Но с тех пор много воды утекло.

Маяковский был уверен, что враждебные ему силы находят у кого-то серьезную поддержку. Только этим можно объяснить и то, что никто из официальных лиц не пришел на его выставку, что все литературное начальство было представлено одним Александром Фадеевым, что на выставку не откликнулись большие газеты, а журнал РАПП «На литературном посту» устроил ему «очередной разнос».

– А почему эту разносную статью перепечатала «Правда»? Что это означает? Булавочные уколы, пустяки? Нет, это кампания, это директива! Только чья, не знаю.

– Вы думаете, что «Правда» действовала по директиве? – переспросил я.

– А вы полагаете, что по наитию, по воле святого духа? Нет, дорогой.

– Вы, мне кажется, все преувеличиваете. Статья в «Правде»? Модно говорить об уклонах – как не найти уклоны в литературе. Вот и статья о «левом уклоне».

– Вы правы в одном: статья в «Правде» сама по себе не могла сыграть большой роли. Но вы никак не объясните, почему выставку превратили в Голгофу для меня. Почему вокруг меня образовался вакуум, полная и мертвая пустота.

Я знал, что на выставке бывало много народу, что у Маяковского много друзей, последователей, целая литературная школа. Все это я с большой наивностью и высказал.

– Друзья? Может, и были друзья. Но где они? Кого вы сегодня видели в Доме печати? Есть у меня друзья – Брики. Они далеко. В сущности, я один, тезка, совсем один...

Я не понимал безнадежности попыток убедить Маяковского, что все идет к лучшему в этом лучшем из миров, а его огорчения – следствие мнительности или, पुष्че того, необоснованных претензий. Я не понимал, что выставка «За двадцать лет» для Маяковского – итог всей трудной жизни и он вправе, именно вправе ждать признания.

И я задал вопрос, который Маяковскому, вероятно, показался если не бестактным, то весьма наивным:

– Чего же вы ждали, Владимир Владимирович? Что на выставку придут Сталин, Ворошилов?

Ответ последовал вполне для меня неожиданный:

– А почему бы им и не прийти? Отметить работу революционного поэта – обязанность руководителей советского государства.

Или поэзия, литература – дело второго сорта? Сталин принимает рапповцев, без них ничего существенного не делается...

Что я мог сказать Маяковскому? Я не знал, как относятся к нему руководящие деятели партии тех лет, в частности Сталин. И главное, я вовсе не был уверен в том, что Владимир Владимирович прав и государственные деятели обязаны оказывать внимание поэту.

Тогда, если не ошибаюсь, еще не принято было награждать писателей орденами за достижения в литературе. Правда, орденом Красного Знамени был награжден Демьян Бедный. Но то Демьян и за Гражданскую войну.

В течение всей беседы мне очень хотелось задать Маяковскому один вопрос, но я никак не решался, опасаясь чрезмерно острой реакции. Наконец я набрался духу:

– Владимир Владимирович, если вы так не жалуете рапповцев, воюете с ними, почему вы вступили в РАПП?

Маяковский ответил спокойно:

– Не путайте РАПП и рапповцев, людей и принципы. Меня ничто не разделяет с партией, с революцией. Этот путь мне никто не навязывал, я давно его выбрал сам. И если партия считает, что РАПП ближе всего выражает ее взгляды и приносит пользу – я с РАППом. Время надвигается острое... И позднее, – вдруг добавил он. – Вон служащие ресторана расходятся.

Маяковский поднялся и зашагал к гардеробу.

Мы вышли во двор. Светало, надвигалось утро. Мы отправились к Малой Дмитровке. На углу стояли извозчики.

– Поедем, – предложил я Владимиру Владимировичу.

– Нет, я, пожалуй, пройду пешком.

Мы распрощались, я уехал.

Больше я Маяковского не видел.

Утром 14 апреля мне домой позвонил сотрудник «Вечерней Москвы»:

– Маяковский застрелился.

КОНТОРА С ВЫВЕСКОЙ

В частном разговоре Менжинский сказал наркому иностранных дел Чичерину: «ОГПУ обязано знать все, что происходит в Советском Союзе, начиная от политбюро и кончая сельским советом. И мы достигли того, что наш аппарат прекрасно справляется с этой задачей».

Менжинский имел все основания гордиться своей работой. За восемь лет он создал разветвленную систему органов госбезопасности, подавил крестьянские волнения в период коллективизации, успешно провел громкие процессы над «вредителями» и сформировал сильную разведывательную сеть за рубежом.

Менжинский, в отличие от своего предшественника, понял, что надо служить лично генеральному секретарю. При Менжинском высший командный состав ОГПУ при назначении на должность стал утверждаться в партийной канцелярии. Сотрудники госбезопасности тоже проходили чистку, как и все остальные члены партии.

С началом коллективизации оказалось, что ОГПУ не располагает достаточным аппаратом на селе. К концу жизни Менжинского аппарат госбезопасности резко увеличили.

В политбюро знали, что представляют собой любимые ими органы, пишет Олег Хлевнюк. В 1931 году Молотов говорил: «До сих пор есть постоянные дежурные ГПУ, которые ждут, когда можно будет привлечь того или иного специалиста к ответственности. Ясно, что в таких случаях создают дело».

Сталин говорил еще жестче: «Не надо допускать, чтобы милиционер был техническим экспертом по производству... Не надо допускать того, чтобы на заводе была специальная контора ОГПУ с вывеской, где сидят и ждут, чтобы им дела подали, а нет – так будут сочинять их...»

Эти выступления не публиковались.

Вячеслав Рудольфович Менжинский умер от сердечного приступа 10 мая 1934 года на даче «Шестые Горки» в Архангельском. Ему было шестьдесят лет.

14 мая под гром артиллерийского салюта урну с его прахом захоронили в Кремлевской стене.

Не так давно историки отыскали постановление политбюро, которым президиуму ЦИК СССР поручалось «организовать специальное помещение в Институте Мозга с соответствующим оборудованием для хранения слепков, иллюстративного и научно-исследовательского материала мозгов умерших выдающихся деятелей Союза, находящихся в Институте».

В этом списке Менжинский на первом месте. Уже за ним шли народный артист республики Леонид Витальевич Собинов, французский писатель Анри Барбюс, Циолковский, Маяковский, академик Иван Петрович Павлов...

Преемника Менжинскому Сталин выбирал необычно долго. Только через два месяца после смерти Менжинского его кресло получил Генрих Григорьевич Ягода. Это была последняя смена руководства органов госбезопасности, которая прошла спокойно и тихо. Впоследствии каждый новый хозяин Лубянки уничтожал и своего предшественника, и его клеветов.

Часть вторая БОЛЬШОЙ ТЕРРОР

Глава 3 ГЕНРИХ ГРИГОРЬЕВИЧ ЯГОДА

Город Рыбинск подарил стране двух начальников госбезопасности – Андропова и Ягоду. Только Андропов на самом деле родился на Северном Кавказе, а в Рыбинске лишь учился.

А вот Генрих Григорьевич Ягода родился 7 ноября (по старому стилю) 1891 года именно в Рыбинске. Полностью интерес к его биографии еще не удовлетворен. О нем много чего написали, но по большей части это какие-то мифы.

Его отец, Григорий Филиппович, был двоюродным братом Михаила Свердлова – отца Якова. Так что Ягода и Яков Михайлович Свердлов, председатель ВЦИК и предшественник Сталина на посту секретаря ЦК, были троюродными братьями. Яков Михайлович Свердлов умер в 1919 году и особенно помочь дальнему родственнику не успел. Но тот в протекции и не нуждался.

У будущего наркома внутренних дел было пятеро сестер и двое братьев. Племянница Генриха рассказала уже в годы перестройки, что один из братьев, Михаил Ягода, был зарублен казаками во время сормовских событий – ему не было и шестнадцати. Другого брата, Льва Ягоду, мобилизовали в армию адмирала Колчака и казнили вместе с другими солдатами, отказавшимися, как и он, расстреливать рабочих.

Впрочем, родственные связи не много значили для Генриха Ягоды. В эпоху террора он, не раздумывая, подписал ордер на арест своей племянницы Дины.

В партию он вступил в 1907 году, в шестнадцать лет, после первой русской революции, когда многие, разочаровавшись, совершали обратный шаг – выходили из партии. Партийные клички – Темка, Сыч, Одинокий, Галушкин.

В Нижнем Новгороде он познакомился с Максимом Горьким, с которым дружил всю жизнь.

Генрих экстерном окончил восемь классов гимназии, работал в подпольной типографии, вступил в Сормово в боевую дружину. Как человека действия, его тянуло к анархистам. За революционную деятельность в 1911 году его арестовали, но отпустили. Он уехал в Москву к сестре Розе, состоявшей в партии анархистов, жил под фамилией Галушкин – это одна из его партийных кличек. В мае 1912 года его вновь арестовали и на два года выслали в Симбирск под гласный надзор полиции.

Потом перебрался в Петроград, работал в больничной кассе Путиловского завода и в журнале «Вопросы статистики». В 1915-м призван в армию. Ефрейтор Ягода служил в 20-м стрелковом полку, был ранен на фронте.

После Февральской революции он вернулся в Петроград. Активно участвовал в октябрьском вооруженном восстании, которое позволило большевикам взять власть. В ноябре он стал редактировать газету «Крестьянская беднота».

В апреле 1918 года энергичного Ягоду назначили управляющим делами Высшей военной инспекции Красной армии. Он часто бывал на Южном и Юго-Восточном фронтах. Рассказывают, что в Царицыне Ягода познакомился со Сталиным, который оценил энергию, инициативность и надежность молодого человека. Это обстоятельство сыграло ключевую роль в судьбе Ягоды. Те, кто был рядом со Сталиным в Царицыне, потом пошли в гору. И среди них – Ягода и его будущий первый заместитель в наркомате внутренних дел Яков Агранов.

Будучи в 1919–1922 годах членом коллегии наркомата внешней торговли, Ягода стал работать одновременно и в Особом отделе ВЧК.

ФАВОРИТ ДЗЕРЖИНСКОГО

29 июля 1920 года Ленин утвердил коллегию ВЧК из тринадцати человек в следующем составе: Дзержинский, Кедров, Петерс, Аванесов, Ксенофонтов, Манцев, Медведь, Лацис, Зимин, Мессинг, Корнев (начальник войск ВЧК), Менжинский и Ягода. Дзержинский и Менжинский успели умереть своей смертью. Остальных уничтожил Сталин.

В ВЧК, а затем в ГПУ – ОГПУ Ягода, управляющий делами ГПУ, был правой рукой Дзержинского, который его отличал и отмечал. 18 сентября 1923 года он назначил Ягоду вторым заместителем председателя ОГПУ. Генрих Григорьевич сменил Менжинского на посту начальника Особого отдела ГПУ – ОГПУ, то есть стал следить за порядком в армии. Потом вместо Менжинского возглавил и все секретно-оперативное управление, то самое, которое занималось борьбой с антисоветскими элементами.

Едкий в оценках наркомвоенмор Троцкий так характеризовал приходившего к нему на доклад нового начальника Особого отдела: «Ягода очень точен, чрезмерно почтителен и совершенно безличен. Худой, с землистым цветом лица (он страдал туберкулезом), с коротко подстриженными усиками, в военном френче, он производил впечатление усердного ничтожества».

Троцкий, как это бывало с ним часто, недооценивал других. Ягода не был ничтожеством.

После смерти Феликса Эдмундовича председателем ОГПУ назначили Менжинского, как старшего по возрасту и партийному стажу и просто как более опытного человека. Но Ягода становится не просто первым заместителем Менжинского, но и фактически главным человеком в этом ведомстве. Он ведет все практические дела, руководит аппаратом, поскольку шеф подолгу болеет.

В 1930 году Ягода получает второй орден Красного Знамени. За строительство Беломорско-Балтийского канала он получит еще и орден Ленина.

Но дорога наверх не была усыпана розами. У Ягоды внутри ОГПУ нашлось немало врагов. Против него выступил заместитель председателя Михаил Абрамович Трилиссер, но его Сталин убрал из органов. Недовольство Ягодой выразили и заместитель начальника контрразведывательного отдела Артур Христианович Артузов, начальник секретно-оперативного управления Ефим Григорьевич Евдокимов, начальник Иностранного отдела Станислав Адамович Мессинг.

Это произвело впечатление на Сталина. Положение Ягоды стало шатким. В 1931 году его из первых заместителей перевели во вторые. Его место занял Иван Алексеевич Акулов, но в конце 1932-го он ушел из органов и уехал в Киев секретарем ЦК компартии Украины.

Сталин не был милостив к своим чекистам, если они осмеливались его разгневать.

Летом 1932 года он написал Кагановичу:

«Нельзя оставлять без внимания преступный факт нарушения директивы ЦК о недопущении подпольной работы ОГПУ и Разведупра в Маньчжурии. Арест каких-то корейцев-подрывников и касательство к этому делу наших органов создает (может создать) новую опасность провокации конфликта с Японией. Кому все это нужно, если не врагам советской власти?..»

Поговорите с Молотовым и примите драконовские меры против преступников из ОГПУ и Разведупра (вполне возможно, что эти господа являются агентами наших врагов в нашей среде). Покажите, что есть еще в Москве власть, умеющая примерно карать преступников».

Ягода так и не был возвращен на пост первого зампреда, но на съезде партии его избрали членом ЦК. Это был знак сталинского расположения.

10 мая 1934 года от паралича сердца скончался Менжинский. Два месяца Ягода, ожидая решения своей судьбы, был в подвешенном состоянии: на этот пост рассматривались разные кандидатуры. Ходили слухи, что новым председателем ОГПУ станет кандидат в члены политбюро, нарком снабжения Анастас Иванович Микоян, к которому относились с уважением. Он часто выступал перед чекистами, и его темпераментная и остроумная речь всегда имела успех.

С февраля работала комиссия, которая рассматривала разные варианты преобразования органов безопасности. Решили повысить статус ОГПУ. Спустя два месяца ЦИК принял постановление об образовании народного комиссариата внутренних дел СССР.

НКВД существовал с первых дней советской власти (Дзержинский сам несколько лет возглавлял это учреждение), но в 1930-м наркомат распустили, только для того, чтобы через четыре года создать его вновь.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР

10 июля наркомом внутренних дел назначили Ягodu. Это было повышение. Структура НКВД немногим отличалась от ОГПУ. Оперативные отделы, на которые возлагались разведка, контрразведка, борьба с враждебными партиями и охрана высшего руководства страны, объединили в Главное управление государственной безопасности.

Начальника главка не назначили, руководил оперативной работой первый заместитель наркома Яков Саулович Агранов.

Но когда воссоздали НКВД, многие решили, что этот шаг означает уменьшение роли органов госбезопасности, которые перестали быть самостоятельным ведомством. Тем более, что права НКВД в смысле репрессий были урезаны: наркомат не унаследовал от ОГПУ право выносить приговоры по большинству политических дел. Судебная коллегия ОГПУ была упразднена, все дела по расследуемым преступлениям НКВД должен был отправлять в суд. Возникла видимость торжества правопорядка.

Например, Ягода самолично, без санкции ЦК, распорядился создать в лагерях НКВД отделения областных и краевых судов для рассмотрения дел по преступлениям, совершаемым в лагерях. Заместитель прокурора СССР Андрей Януарьевич Вышинский опротестовал его решение. К прокуратуре прислушались, и политбюро отменило решение Ягоды. Но все эти послабления закончились после убийства Кирова, 1 декабря 1934 года.

Ягода ввел специальные звания начальствующего состава Главного управления государственной безопасности – от сержанта госбезопасности до комиссара государственной безопасности первого ранга. По его указанию были разработаны форма и специальные знаки различия.

Ягода добился решения о том, что для начальствующего состава специальные звания будут пожизненными. Лишить специального звания имел право только суд. И ни одно лицо начальствующего состава Главного управления госбезопасности не могло быть подвергнуто аресту без особого разрешения наркома. Наверное, Генрих Григорьевич наивно полагал, что позаботился о своем будущем...

26 ноября 1935 года в соответствии с постановлением ЦИК и Совнаркома самому Ягоде было присвоено звание генерального комиссара государственной безопасности, приравненное к маршалскому. На XVII съезде его избрали в ЦК.

Имя Ягоды гремело по стране. Именно он превратил систему исправительно-трудовых лагерей в мощную производительную силу. За колючей проволокой находилось огромное количество рабочих рук. Этим людям не надо было платить, и они не могли отказаться от самой тяжелой работы или ночных смен, протестовать против безмерного удлинения продолжительности рабочего дня или требовать соблюдения правил безопасности труда.

Специальное постановление Совнаркома возложило на органы госбезопасности задачу развития хозяйственной жизни наименее доступных, но обладающих огромными естествен-

ными богатствами окраин Союза. Это постановление означало, что чем больше заключенных, тем выше будут производственные успехи наркомата внутренних дел.

В приказе, подписанном Ягодой, говорилось, что чекисты не раз показали себя энтузиастами всякого нового дела. Энтузиазм и энергия чекистов создали и укрепили Соловецкие лагеря, играющие большую положительную роль в деле промышленного и культурного развития далекого Севера. Новые лагеря под руководством чекистов, отмечалось в этом документе, должны будут сыграть преобразующую роль в хозяйстве и культуре далеких окраин.

Госбезопасность располагала самыми сильными кадрами инженерно-технических работников из числа заключенных. Еще 15 мая 1930 года Ягода и председатель ВСНХ Валериан Куйбышев подписали «Циркуляр Высшего Совета Народного Хозяйства и Объединенного государственного политического управления» об «использовании на производствах специалистов, осужденных за вредительство». Причем было записано, что «использование вредителей следует организовать таким образом, чтобы работа их проходила в помещениях органов ОГПУ». Иначе говоря, все придуманное, разработанное, созданное арестованными и осужденными инженерами считалось достижением госбезопасности.

ОБЕДЫ И УЖИНЫ У НАРКОМА

Что за человек был Генрих Григорьевич Ягода? Владимир Филиппович Некрасов, профессор и генерал, автор книг о наркоматах и министрах внутренних дел, считает так:

– Ягода был хорошей рабочей лошадкой. Много трудился, быстро схватывал суть дела. Для своего времени он был достаточно грамотным, все-таки имел среднее образование. Или почти среднее. Правда, писал Ягода с большим количеством ошибок. Но это не главное. Главное, что их всех объединяет, и Ягоду, и Ежова, и Берия, – это служение Сталину. В них во всех черты типичных исполнителей...

Я спросил профессора Некрасова:

– Когда речь идет о таких людях, возникает классический вопрос: для того чтобы всем этим заниматься, надо было родиться с определенным характером или сама служба заставляла быть жестоким?

– Говорят, что Берия арестованного мог и дубинкой огреть, – говорит профессор Некрасов. – Ежов допрашивал арестованных, чтобы выбить нужные показания. Но сами они никого не убивали, они превратили органы в молотилку. Поэтому трудно предположить, что это какая-то генная кровожадность. Думаю, сыграла роль общая обстановка психоза.

Я читал документы Ягоды, его приказы. Вот обратились к нему с письмом: в одной из колоний какой-то начальник, недовольный тем, что плохо план выполняется, в наказание вывел заключенных раздетыми на мороз, в том числе и женщин. Ягода приказал срочно расследовать. Написал резолюцию: «Где вы находите таких мерзавцев? Женщин на мороз! Кто позволил?» Так что рисовать его одной краской было бы неправильно...

Да и сама власть, партийная и советская, требовала от Ягоды только жестоких мер. Иван Михайлович Гронский, который в начале 30-х годов был главным редактором «Известий», много позже рассказывал о том, как он пытался наставить на путь истинный крестьянского поэта Николая Алексеевича Клюева, а тот все не желал вести себя как положено.

«Тогда, – вспоминал Гронский, – я позвонил Ягоде и попросил убрать Н.А. Клюева из Москвы в двадцать четыре часа.

Ягода меня спросил:

– Арестовать?

– Нет, просто выслать из Москвы.

После этого я информировал И.В. Сталина о своем распоряжении, и он его санкционировал».

Николая Клюева расстреляли в томской тюрьме в октябре 1937-го, уже при Ежове.

Писатель Леонид Максимович Леонов вспоминал о том, что Ягода умел внушать страх:

– Однажды у Горького мы пили вместе за одним столом. И вот Ягода тянется ко мне через стол, пьяный, налитый коньяком, глаза навывкате, и буквально хрипит: «Слушайте, Леонов, ответьте мне, зачем вам нужна гегемония в литературе. Ответьте, зачем нужна?» Я тогда увидел в его глазах такую злобу, от которой мне бы не поздоровилось, если бы он мог меня взять. Но не мог тогда...

Михаил Павлович Шрейдер, который служил в центральном аппарате ОГПУ, оставил любопытные воспоминания о Ягоде. По его словам, Генрих Григорьевич был крупным хозяйственником и прекрасным организатором. Под его руководством заключенными строились такие важные объекты, как Беломорско-Балтийский канал. В тюрьмах и лагерях с конца 20-х до середины 30-х годов, по мнению Шрейдера, был образцовый порядок. Неплохо была поставлена работа с беспризорниками и малолетними преступниками, начавшаяся еще при Дзержинском. Однако по натуре Ягода был невероятно высокомерен и тщеславен.

После смерти Менжинского и назначения на пост наркома Ягода совершенно распоясался, пишет Шрейдер, вел себя грубо и развязно, нецензурно выражался на больших совещаниях, терпеть не мог возражений, зато обожал подхалимов и любимчиков. Ягода устраивал у себя на квартире обеды и ужины со своими подхалимами, упивался славой.

Вначале он жил на улице Мархлевского, в доме номер 9, в котором получили квартиры многие видные чекисты, потом переехал в Кремль, где провел последние годы. В доме на улице Мархлевского частенько собирались писатели и журналисты – друзья генерального секретаря Российской ассоциации пролетарских писателей Леопольда Леонидовича Авербаха, шурина Ягоды.

Авербаха потом расстреляли, хотя по матери он был племянником Якова Свердлова. Его жену Елену, дочь Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича, который при Ленине был управляющим делами правительства, посадили, а самого Бонч-Бруевича не тронули.

После ареста Ягоды его жену, Иду Авербах, приговорили к пяти годам. А через год, уже в лагере, расстреляли. Она была юристом и написала книгу «От преступления к труду» – о роли трудовых лагерей.

При Ягоде в печати полно было очерков и статей об успехах на строительстве объектов, где использовался труд заключенных, а также о модной тогда перековке преступников.

Когда в 1928 году из Италии возвратился Горький, Ягода сблизился с ним, играл на любви Алексея Максимовича к детям, рассказывал писателю о достижениях ОГПУ в работе с беспризорниками и малолетними преступниками.

20 декабря 1927 года, когда отмечалось десятилетие органов ВЧК-ОГПУ, в лучших ресторанах Москвы – а ими считались «Националь», «Гранд-отель», «Савой» – гуляли различные подразделения госбезопасности. Ягода объехал рестораны и всех поздравил.

Стало практиковаться совещание работников ОГПУ в Кремле под руководством Сталина, который тем самым подчеркивал личную роль в руководстве органами. Всему командному составу внушалось, что госбезопасностью лично руководит Сталин. Постепенно сотрудники органов стали пренебрежительно относиться к местным партийным и советским организациям на местах, считать себя выше их.

В июне 1935 года в Москву приехал известный французский писатель Ромен Роллан. Его принял Сталин. С ним беседовал нарком Ягода, стараясь произвести выгодное впечатление. Роллан записал в дневнике о Ягоде: «Загадочная личность. Человек по виду утонченный и изысканный... Но его полицейские функции внушают ужас. Он говорит с вами мягко, называя черное белым, а белое черным, и удивленно смотрит честными глазами, если вы начинаете сомневаться в его словах».

УБИЙЦА-ОДИНОЧКА ИЛИ ЗАГОВОР?

1 декабря 1934 года в Смольном был убит член политбюро, секретарь ЦК, первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии, первый секретарь Северо-Западного бюро ЦК Сергей Миронович Киров (это псевдоним, его настоящая фамилия Костриков).

Это убийство до сих пор не расследовано до конца, хотя ученые и следователи много раз брались за него. Создавались целые комиссии. Почему же не удалось все выяснить?

Убийство Кирова в 1934-м очень похоже на убийство американского президента Джона Кеннеди в 1963-м. В обоих случаях есть надежные доказательства вины только самих убийц – Леонида Николаева и Ли Харви Освальда. И в обоих случаях есть веские основания полагать, что действовал не убийца-одиночка, а существовал заговор.

В Кирова стрелял бывший мелкий работник партийного аппарата Николаев, человек экзальтированный и болезненный. Он убил Кирова выстрелом в затылок в нескольких шагах от кабинета первого секретаря в Смольном.

Подробные воспоминания оставил Михаил Васильевич Росляков, который руководил в Ленинграде областным финансовым отделом. Он прошел через лагеря и выжил. В момент убийства Росляков находился в кабинете второго секретаря обкома Михаила Семеновича Чудова, где шло совещание.

В 16 часов 37 минут они услышали два выстрела, выскочили в коридор и увидели неподвижно лежащего на полу Кирова. А рядом с ним бился в истерике человек, в правой руке которого был револьвер. У него сразу отобрали оружие, записную книжку и партийный билет на имя Леонида Васильевича Николаева.

Кирова перенесли в кабинет Чудова, вызвали врачей, которые диагностировали смерть. Сразу позвонили в Москву, доложили. Николаева сотрудники Ленинградского управления НКВД отвезли в дом предварительного заключения.

На следующий день в Ленинград приехал Сталин. С ним были глава правительства Вячеслав Михайлович Молотов, нарком обороны Климент Ефремович Ворошилов и новый секретарь ЦК Андрей Александрович Жданов, которого через несколько дней сделают первым секретарем в Ленинграде вместо Кирова: Жданов в те годы очень нравился Сталину.

Высшее партийное руководство сопровождали профессионалы – Прокурор РСФСР Андрей Януарьевич Вышинский, заместитель председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Николай Иванович Ежов, нарком внутренних дел Ягода и его первый заместитель Агранов.

Как же произошло убийство?

Приехав в Смольный, Киров поднялся на третий этаж, прошел по длинному коридору и свернул в боковой коридорчик, ведущий к его кабинету.

Личный охранник первого секретаря Юрий Борисов, немолодой уже человек, шел, как полагалось, сзади. На какой-то момент он потерял Кирова из виду. В боковом коридорчике должны были установить дополнительный пост охраны. Но его не оказалось. Убийца и жертва остались один на один.

Профессор, доктор исторических наук Владимир Павлович Наумов, который тщательно изучал обстоятельства смерти Кирова, рассказывал:

– Я вообще не понимаю, как мог посторонний человек болтаться в этом коридорчике, где всякий на виду. Это особая зона. Почему никто не обратил внимания на Николаева, не спросил у него: «Что ты здесь делаешь?..»

Я спросил Наумова:

– Ну а если бы охранник первого секретаря не отстал, а в решающий момент оказался рядом и застрелил бы Николаева, то и Киров был бы спасен, и история нашей страны пошла бы иным путем, менее кровавым?

Профессор Наумов покачал головой:

– Киров был обречен. Все было очень хорошо продумано. Киров в принципе не любил, чтобы охранник приближался к нему слишком близко, и Борисов держался поодаль. Но когда Киров свернул в этот коридорчик, то, даже если бы Борисов отстал всего на два шага, все равно на какой-то момент Киров оставался один...

Убийца стрелял в Кирова в самом удобном для этого месте. Схема убийства была продумана так тщательно, что спастись Киров не мог. Но в состоянии ли был малограмотный и неумелый Николаев разработать такой план в одиночку? Или же это творение более опытного и изощренного ума?

Профессор Наумов:

– Как мы теперь знаем, Николаев мог убить Кирова несколько раз. Он постоянно носил с собой оружие, причем заряженное. Но было сделано так, чтобы Кирова убили не ночью на дороге, а именно в Смольном, на пороге его кабинета. Как это прозвучало на всю страну! Киров убит в Смольном! Смольный – это почти что Кремль. Страна содрогнулась...

В день убийства Киров появился в Смольном довольно неожиданно, никто не знал, приедет ли он вообще, и если приедет, то когда. А Николаеву, выходит, вовремя сообщили, что Киров направился в Смольный. Незадолго до убийства Николаев звонил жене. Совсем недавно удалось установить, что звонил из помещения охраны Смольного. Он дожидался появления Кирова вместе с чекистами?

Потом выяснилось, что убийца уже давно вертелся возле Кирова, что он свободно проникнул в Смольный, что он знал, где и когда Сергей Миронович бывает.

15 октября 1934 года, за полтора месяца до убийства Кирова, Николаева задержали возле дома Кирова на проспекте Красных Зорь. Его допросил и обыскал начальник отделения охраны правительства Ленинградского управления НКВД. Но по указанию начальника оперативного отдела УНКВД Николаева почему-то освободили.

У доктора исторических наук Олега Витальевича Хлевнюка своя точка зрения:

– Бытует версия о том, что Николаева дважды задерживали и дважды отпускали. Это Хрущев рассказал – в подтверждение его слов о заговоре против Кирова. Но, судя по документам, Николаева возле дома, где жили Киров и другие городские руководители, задерживали только один раз. Дело в том, что там постоянно собирались десятки людей, они приносили петиции, письма, обращения. Время от времени милиция устраивала там облавы, их забирали, но не сажали, а проводили с ними воспитательную работу и отпускали. В такую облаву попал и Николаев. Ему сделали соответствующее внушение и отпустили...

Но Николаева задержали с оружием в руках! Это в те времена, когда и меньшего повода было достаточно для ареста. А ведь пистолет в то время достать было очень трудно. Оружие у тех, у кого оно сохранилось с Гражданской войны, уже изъяли. И тем не менее его отпустили.

Есть доказательства того, что Николаев серьезно готовился к убийству. Он тренировался в стрельбе, стрелял довольно метко. Патроны – это потом установили – он получил на базе спортивного общества «Динамо», которая принадлежала НКВД.

ЛЮБОВНАЯ ВЕРСИЯ

Леонид Васильевич Николаев родился в 1904 году. Тщедушный, слабый, он рос без отца, в полной нищете. С детства болел, и недуги тоже наложили отпечаток на его психику. Он был неудачником, начисто лишенным способности ладить с окружающими. Николаев окончил шесть классов городского училища и совпартшколу. За пятнадцать лет он сменил одиннадцать

мест работы, так и не удержавшись нигде. Четыре года работал учеником слесаря-механика, потом его взяли в Выборгский райком комсомола, а затем в Лужский уездный комитет комсомола. Назначили его управляющим делами, но в реальности он служил просто техническим секретарем.

Три месяца Николаев проработал референтом в промышленном отделе обкома. Не сработался с коллективом. Его перевели инструктором в рабоче-крестьянскую инспекцию, оттуда переправили инструктором в Институт истории партии Ленинградского обкома. Но и там от него поспешили избавиться. Когда он отказался перейти в политотдел на транспорте, его не только уволили, но и исключили из партии. Потом восстановили в партийных рядах, хотя и объявили строгий выговор с занесением в личное дело. Это произошло в апреле 1934 года.

Работы он себе больше не нашел. Как члену партии, райком партии предлагал ему несколько мест, но он отказывался от малооплачиваемых должностей, надеялся на возвращение в партийный аппарат, жаловался на несправедливость, пытался пробиться к начальству.

Его жена, Мильда Петровна Драуле, работала в обкоме партии, но в 1933 году ее перевели в аппарат уполномоченного наркомата легкой промышленности по Ленинградской области.

Говорили, что Мильда дежурила в обкоме вечерами и в выходные дни, и тогда ее приметил Киров, который более чем симпатизировал красивой женщине. Но Михаил Васильевич Росляков, который работал в Ленинграде, утверждает, что сотрудники аппарата обкома отрицали возможность романа между Кировым и женой Николаева.

Однако Николаеву все же вроде бы намекали, что жена ему неверна. Ненависть к удачливому сопернику и заставила его выстрелить – вот наиболее популярная сейчас версия. В самом ли деле Сергей Миронович был дамским угодником? Насколько обоснованно предположение, что Николаев ревновал свою жену к Кирову?

Доктор исторических наук Хлевнюк:

– Нельзя исключать, что этот неуравновешенный, физически неполноценный, обиженный жизнью человек вдруг решил отомстить счастливому сопернику. Николаева отовсюду выбрасывали, он со всеми конфликтовал и писал тому же Кирову с просьбой принять его и помочь.

Профессор Наумов:

– Киров – мужчина в расцвете сил. Наверное, оказывал знаки внимания. Но вообще-то эта версия потом родилась. И мне представляется, что ее запустил сам НКВД...

После убийства Кирова Николаев не прожил и месяца. 29 декабря 1934 года Военная коллегия Верховного суда признала Николаева виновным. Его сразу же расстреляли, а вместе с ним еще тринадцать человек, раньше входивших в оппозицию.

Еще через две недели, в январе 1935-го, судили «организаторов убийства» – недавнего ленинградского лидера, бывшего члена политбюро и председателя исполкома Коминтерна Григория Евсеевича Зиновьева, бывшего члена политбюро и председателя Совета Труда и Обороны Льва Борисовича Каменева, бывшего члена оргбюро и секретаря ЦК Григория Еремеевича Евдокимова, бывшего члена оргбюро ЦК и секретаря Ленинградского губкома Петра Антоновича Залуцкого и еще одиннадцать человек, некогда входивших в ближайшее окружение Зиновьева.

Всех арестовали через две недели после убийства Кирова и сразу же исключили из партии. Все они давно отошли от политической деятельности. Но Сталин помнил каждого, кто пытался ему перечить.

Любопытнейшие заметки оставил писатель Корней Иванович Чуковский. 5 декабря, через несколько дней после убийства Кирова, он был приглашен к Каменевым поужинать. Бывший член политбюро и заместитель Ленина в правительстве Лев Борисович Каменев работал директором Института мировой литературы.

У Каменевых Чуковский застал еще одного бывшего члена политбюро – Григория Евсевича Зиновьева, который писал статью «Пушкин и декабристы». Весь вечер они оживленно обсуждали литературные темы. Эти люди не только не имели никакого отношения в заговору против Кирова, но и были настолько наивны, что не предвидели своего будущего.

Все вместе они пошли прощаться с Кировым, тело которого доставили в Москву. К Колонному залу выстроилась очередь.

«Каменев приуныл: что делать? – вспоминал Чуковский. – Но, к моему удивлению, красноармейцы, составляющие цепь, узнали Каменева и пропустили нас – нерешительно, как бы против воли. Но нам преградила дорогу другая цепь. Татьяна Ивановна кинулась к начальнику: «Это Каменев». Тот встрепенулся и даже пошел проводить нас к парадному входу.

Татьяна Ивановна:

– Что это, Лева, у тебя скромность такая, сказал бы сам, что ты Каменев.

– У меня не скромность, а гордость, потому что вдруг он мне скажет: «Никакого Каменева я знать не знаю».

В Колонный зал нас пропустили вне очереди. Толпа идет непрерывным потоком, и гэнгэушники подгоняют ее:

– Скорее, скорее, не задерживайте движения.

Промчавшись с такой быстротой мимо гроба, я, конечно, ничего не увидел. Мы остановились у лестницы, ведущей на хоры, и стали ждать, не разрешит ли комендант пройти мимо гроба еще раз, чтобы лучше его разглядеть. Процессия проходила мимо нас, и многие узнавали Каменева...»

Это показывает, что в восприятии широких масс Каменев и Зиновьев, несмотря на все усилия сталинской пропаганды, не были врагами. К ним сохранилось определенное уважение. Вот почему Сталину понадобилось обвинить их в убийстве Кирова, чтобы возбудить в стране ненависть к «врагам народа».

Через несколько дней Каменева арестовали. Ошеломленный Чуковский записал в дневник: «Неужели он такой негодяй? Неужели он имел какое-нибудь отношение к убийству Кирова?.. К гробу Кирова он шел вместе со мною в глубоком горе, негодуя против гнусного убийцы...»

Когда появился обвинительный акт против Каменева и Зиновьева, Корней Чуковский был поражен: «Мне казалось, что Каменев полностью ушел в литературу. Все знали, что в феврале он будет избран в академики, что Горький наметил его директором Всесоюзного института литературы, и казалось, что его честолюбие вполне удовлетворено этими перспективами. По его словам, Зиновьев до такой степени вошел в литературу, что даже стал детские сказки писать, и он даже показывал детскую сказку Зиновьева с картинками... очень неумелую, но трогательную».

В 1935 году Каменева, Зиновьева и других приговорили к разным срокам лишения свободы. Это был первый шаг: политическую оппозицию приравнивали к террористам, уголовным преступникам. Сам Зиновьев никак не мог понять, что происходит.

Сидя в тюрьме, он писал, обращаясь к Сталину: «Я дохожу до того, что подолгу пристально гляжу на Ваш и других членов Политбюро портреты в газетах с мыслью: родные, загляните же в мою душу, неужели Вы не видите, что я не враг Ваш больше, что я Ваш душой и телом, что я понял все, что я готов сделать все, чтобы заслужить прощение, снисхождение».

Сталина такие послания только веселили. Сентиментальным он никогда не был. Все, кого он приказывал уничтожить, были в его глазах преступниками, и он не нуждался в судебном подтверждении их вины. Он сам решал, кто виновен, а кто еще нет.

Когда Сталин приехал в Ленинград после убийства Кирова, по его указанию правительственная комиссия подняла все архивные материалы, имеющие хоть какое-то отношение к этому делу. Среди них нашли заявление М.Н. Волковой, молодой малограмотной женщины,

работавшей уборщицей и одновременно платным секретным сотрудником одного из райотделов НКВД.

Она писала в органы госбезопасности, что в Ленинграде готовится контрреволюционный заговор с целью убить Кирова, Ворошилова и Молотова. Ее допросил оперуполномоченный Особого отдела Ленинградского управления НКВД. Проверка показала, что ее обвинения ничем не подтверждаются, а сама она производит впечатление психически ненормального человека. Но оперуполномоченного потом посадили за потерю бдительности.

Волкову привезли к Сталину в Смольный. Она рассказала Сталину, что присутствовала на собраниях контрреволюционеров, что вместе с Николаевым дважды ходила в немецкое консульство, где ему дали двадцать пять тысяч рублей, что она обо всем предупредила сотрудников НКВД. А они не только не прислушались к ней, а заставляли отказаться от показаний и пытали – загоняли каленые иголки под ногти. Начальник Ленинградского управления НКВД Медведь хотел ее упрятать в сумасшедший дом, а его заместитель Запорожец обо всем предупредил Николаева...

После беседы вождь распорядился оказать ей материальную помощь, выделить отдельную квартиру и позаботиться о ее здоровье.

Все было выполнено. По ее показаниям арестовали больше шестидесяти человек, в том числе пять сотрудников ленинградского управления НКВД, которые не обращали внимания на ее слова. Она продолжала доносить на всех, кого знала, и до 1956 года ее заявления внимательно рассматривались.

Только в 1956-м уже более объективная проверка, проведенная КГБ, установила, что Николаева она просто никогда не видела, а Сталину рассказывала то, что прочитала в газетах.

Вот что важно иметь в виду: почти ни у кого в стране причастность Зиновьева, бывшего члена политбюро, близкого Ленину человека, к убийству Кирова сомнений не вызвала. Даже бывшие эсеры, отбывавшие ссылку, даже русская эмиграция в 1934-м поверили, что Кирова убили оппозиционеры.

Уже на следующий год, 24 августа 1936 года, Военная коллегия Верховного суда пересмотрела дела Зиновьева, Каменева и других «по вновь открывшимся обстоятельствам» и приговорила всех к расстрелу. Ночью того же дня их всех расстреляли. При исполнении приговора присутствовали нарком Ягода и его будущий сменщик секретарь ЦК Николай Иванович Ежов. Пули, которыми убили Зиновьева и Каменева, Ежов будет хранить у себя в письменном столе. Сувенир на память.

После убийства Кирова в аппарате госбезопасности по всей стране были сформированы подразделения, которые занимались троцкистами и зиновьевцами. Эти подразделения сохранились до 60-х годов.

Несчастную Мильду Драуле первым делом исключили из партии «за абсолютную потерю партийной бдительности, что выразилось в неразоблачении контрреволюционной деятельности своего мужа Николаева и брата последнего, дезертировавшего из рядов Красной армии для контрреволюционной террористической деятельности».

11 марта 1935 года председатель Военной коллегии Верховного суда Василий Васильевич Ульрих доложил Сталину:

«9 марта с. г. выездная сессия военной коллегии Верховного суда СССР под моим председательством рассмотрела в закрытом судебном заседании в г. Ленинграде дело о соучастниках Леонида Николаева: Мильды Драуле, Ольги Драуле и Романа Кулинера.

Мильда Драуле на мой вопрос: какую она преследовала цель, добываясь получения пропуска на собрание партактива Ленинграда 1 декабря прошлого года, где должен был делать доклад т. Киров, ответила, что «она хотела помогать Леониду Николаеву». В чем? «Там было бы видно по обстоятельствам». Таким образом, нами установлено, что подсудимые хотели помочь Николаеву в совершении теракта.

Все трое приговорены к высшей мере наказания – расстрелу. В ночь на 10 марта приговор приведен в исполнение. Прошу указаний: давать ли сообщение в прессу».

Репрессировали мать Николаева, его брата и сестер, двоюродного брата. Протоколы их допросов направлялись Сталину. От такого чтения он никогда не отказывался.

На XX съезде Хрущев на закрытом заседании сказал, что к смерти Кирова причастен Сталин. На чем основаны эти подозрения? Косвенных признаков, свидетельствующих о причастности Сталина к убийству, действительно немало. Сталин сразу же после сообщения о смерти Кирова, еще не имея никакой информации, уверенно заявил, что убийство – это дело зиновьевцев.

Об этом позднее на пленуме ЦК рассказал Николай Иванович Бухарин. Сталин сразу же ему возразил и сказал, что это было на седьмой-восьмой день, раньше же нельзя было узнать, кто стрелял.

Но Анастас Иванович Микоян подтверждает в своих воспоминаниях, что слова о виновности зиновьевцев были сказаны в первые же минуты, как только их собрал Сталин. Возникает ощущение, что Сталин был готов к сообщению об убийстве Кирова. Сталин конечно же прекрасно помнил, когда он рассказал о зиновьевцах, но он не хотел, чтобы на это обратили внимание. Он предпочитал, чтобы его слова считались результатом проведенного расследования.

Правда, есть и сторонники той версии, что Сталин ничего не знал, что стрелял убийца-одиночка и все происшедшее цепь случайностей. Но как же много случайностей!

Профессор Наумов:

– Версию убийцы-одиночки я отвергаю. Эту версию всегда отстаивал КГБ, защищая свою честь и репутацию Сталина. В 1956 году Хрущев поручил председателю КГБ Серову провести новое расследование. Еще можно было узнать правду, еще были живы последние уцелевшие свидетели. Но Серов загубил эту возможность. Он надавил на этих свидетелей, требуя, чтобы они не отрекались от прежних показаний.

Но неужели нет в самом секретном, самом закрытом архиве того самого документика, который все прояснит?

Профессор Наумов:

– Все говорят: покажите бумагу, где Сталин приказывает Ягоде расстрелять Кирова, желательно в Смольном такого-то числа. Нет таких бумаг! Их и не могло быть! Мы знаем, как Сталин выражал свои мысли и пожелания. Он был очень осторожный человек.

На документах, которые его смущали, он никаких следов не оставлял. Брал листочек, что-то на нем писал и прикалывал к документу. Сталин постоянно чистил свой архив. Приближенные научились угадывать по разным признакам настроения и желания Сталина. Все делалось намеками, опосредованно...

Но как же все-таки это происходило? Если пытаться реконструировать события, то что именно Сталин мог приказать людям из НКВД? Сказал наркому Ягоде, что Кирова пора убирать?

Профессор Наумов:

– Я думаю, что никому из них он прямо не говорил об убийстве. Ни глупым, ни наивным он не был. У него были способы выразить свои пожелания. Три самых близких к Сталину человека – начальник охраны Паукер, затем Власик и помощник генсека Поскребышев – ловили каждое его слово и передавали главе ведомства госбезопасности. Скажем, Сталин, садясь в машину, что-то говорил. А каждое утро с начальником охраны Власиком встречался нарком, спрашивал, какое настроение у хозяина, о чем он говорил, какие высказывал пожелания...

Профессор Наумов полагает, что ленинградской операцией непосредственно занимался первый заместитель наркома внутренних дел Яков Агранов.

Характерно, что доклад о роли зиновьевцев в убийстве Кирова делал не нарком Ягода, не председатель комиссии по расследованию Николай Иванович Ежов, а первый замнаркома

Агранов. Он пользовался особым доверием Сталина. Во время Гражданской войны он был со Сталиным в Царицыне, а впоследствии имел возможность встречаться с вождем в нерабочей обстановке.

В кремлевском кабинете велась запись всех посетителей генерального секретаря. А наиболее доверительные беседы Сталин вел на даче, где посетителей никто не записывал. Агранов научился понимать намеки Сталина.

Леонид Николаев был не единственным кандидатом на роль убийцы, имелись, похоже, и другие. Первоначально собирались обвинить в убийстве Кирова не Зиновьева с Каменевым, а белую эмиграцию, Российский общевойсковой союз. После убийства Ягода отдал указание искать еще и скрытых белогвардейцев.

Но Сталин уже принял другое решение и приказал Ягоде не терять времени. «А то дам в морду», – обещал Сталин. Это он часто так разговаривал с начальниками госбезопасности: чуть что – «дам в морду».

Профессор Наумов:

– Игра шла для Сталина беспроигрышная. Если бы один вариант не получился, запустили бы другой. Киров был обречен. Может быть, он что-то чувствовал? Он, между прочим, незадолго до смерти говорил в своем кругу, что ему не жить...

Ольга Григорьевна Шатуновская, член Комитета партийного контроля и участник первой комиссии по изучению сталинских преступлений (отрывки ее воспоминаний были опубликованы в 1997 году в «Общей газете»), рассказывала, что видела в архиве Сталина листок, на котором генеральный секретарь собственноручно изобразил два террористических центра – московский и ленинградский. Сначала Сталин поместил Зиновьева и Каменева в ленинградский центр, потом зачеркнул и переставил их в московский.

Шатуновская рассказывала, что они нашли сотрудника госбезопасности, который в декабре 1934 года охранял камеру Николаева. Он присутствовал и при его допросе Сталиным. Как будто бы Николаев жаловался Сталину: «Меня четыре месяца ломали сотрудники НКВД, доказывали, что надо во имя дела партии стрелять в Кирова. Мне обещали сохранить жизнь, я согласился. Они меня уже дважды арестовывали и оба раза выпускали. А вот теперь, когда я совершил – для пользы партии! – дело, меня бросили за решетку, и я знаю, что меня не пощадят!»

И вроде бы в эту минуту в камеру вошли сотрудники госбезопасности. Николаев показал на них рукой: «Вот они, это же они меня уламывали!»

Допросить охранника Кирова Юрия Борисова не удалось. Он пережил Кирова всего на один день.

2 декабря, когда Борисова везли на допрос к срочно приехавшему в Ленинград Сталину, он погиб при очень странных обстоятельствах, настолько странных, что никто не сомневается в том, что его убили. Машина будто бы попала в аварию.

Автомобиль ехал со скоростью всего тридцать километров в час. Ни у кого ни царапины, а Борисову – единственному из всех, кто был в машине! – насмерть размозжило голову. По свидетельству врачей, повреждения головы скорее похожи на удар ломом.

С помощью компьютера, зная скорость, маршрут, состояние шин, можно восстановить ход движения машины и определить, возможен ли был такой удар. Это делается в Соединенных Штатах, однако у нас нет денег на такие эксперименты.

ПОЧЕМУ ИМЕННО КИРОВ?

Возникает и такой вопрос: почему на роль жертвы был выбран именно Киров?

Профессор Наумов:

– Сталин выбрал человека, который ему не очень был нужен, но который по рангу был высок. Время отстреливать более важные фигуры еще не пришло. А Киров не был такой уж крупной личностью и в руководящее ядро вокруг Сталина не входил...

Считается, что Сергей Миронович Киров был лидером либеральной оппозиции Сталину, что многие в партии мечтали заменить им Сталина. Это действительно так?

Доктор исторических наук Олег Хлевнюк, который написал очень интересную книгу о взаимоотношениях внутри политбюро в 20–30-х годах, считает, что вокруг Кирова слишком много ни на чем не основанных мифов:

– Киров напрасно считается лидером либерального крыла в политбюро, человеком, которого прочили на смену Сталину и который осмелился спорить с генеральным секретарем, противостоять ему... Документы этого не подтверждают.

Киров не был политическим оппонентом Сталина, и генеральный секретарь не видел в нем конкурента. Не найдено ни одного документа, который бы свидетельствовал о том, что Киров где-то выступал вразрез с линией Сталина, что он противостоял Сталину. Не был Киров и либеральным политиком.

В Ленинграде Киров квартирный вопрос решил просто: десятки тысяч людей непролетарского происхождения были выселены из города и отправлены в Сибирь. Вот квартиры освободились. Киров произнес речь, в которой призывал расстреливать тех, кто уличен в воровстве колхозного добра. И говорил, что «каждый член партии должен сейчас любого оппозиционера бить в морду». И это сторонник умеренной линии?

Если бы Кирова не убили, он остался бы в истории такой же малозаметной фигурой, как, скажем, Андрей Андреевич Андреев, который двадцать лет состоял в политбюро и двенадцать лет в секретарях ЦК. Кого теперь интересует, что в юности Андреев был близок к меньшевикам и вовсе не походил на ортодоксального большевика, каким он потом стал?

Если посмотреть протоколы заседаний политбюро, то видно, что Киров крайне редко принимал участие в заседаниях. Как ленинградский секретарь, он прежде всего занимался городскими и областными делами. Он, если можно так выразиться, был городским завхозом.

В его посланиях нет никаких политических инициатив вроде: «Давайте облегчим положение крестьян» или «Давайте смягчим репрессии». Такого не существует в природе.

Доктор исторических наук Хлевнюк:

– Я одновременно изучал жизнь Орджоникидзе, который тоже закончил жизнь трагически – застрелился. По слухам – в результате острого конфликта со Сталиным. Так вот Орджоникидзе действительно сдержанно относился к перспективе всеобщего террора, курс на который держал Сталин. У них на этой почве были конфликты. В архивах сохранилось огромное количество подтверждений этого конфликта, прямых и косвенных.

К сожалению, нет свидетельств о том, что произошло в тот трагический день. Так и останется неизвестным: сам Орджоникидзе стрелял в себя или... Но документами о его конфликтах со Сталиным архивы переполнены. И на этом фоне нет даже косвенных намеков на противоречия между Кировым и Сталиным...

Киров не мог быть Сталину соперником: неравноценные они фигуры. Киров в партии был человеком малозначительным. Он поздно пришел к большевикам, а до того был сотрудником кадетской газеты, что ему в 1929 году припомнили. Ленинградские партийные функционеры обвинили его в том, что он не настоящий большевик. Конфликт разбирали в Москве. За него вступился Сталин. Кирова оставили на месте, но эта история его скомпрометировала.

Сталин любил собирать вокруг себя людей с подмоченной репутацией. В эту категорию входили и Киров, и Берия, и Вышинский. И Киров помнил, что он всем обязан Сталину, что без Сталина он никто. Сталин забрал Кирова из Закавказья и настоял на том, чтобы он возглавил ленинградскую партийную организацию после Зиновьева. Кирову не хотелось покидать Баку.

И он согласился, лишь получив обещание, что через несколько лет ему разрешат вернуться на Кавказ.

Ворошилов писал Серго Орджоникидзе о первых шагах Кирова в Ленинграде: «Кирыч работает в Питере неплохо, но душой в нефти и, конечно, с наслаждением плюнул бы тридцатиградусному морозу в рожу и помчался бы в свой «благоухающий» и манящий Баку».

Что касается известной истории о том, что на ХУЛ партийном съезде много делегатов проголосовало против Сталина и что какие-то делегаты даже предлагали избрать генеральным секретарем Кирова, то это тоже миф. Фактов нет, одни лишь достаточно противоречивые воспоминания. Подтвердить их оказалось невозможным.

Киров был всего лишь политиком областного масштаба. А в тот момент у Сталина уже был наследник – Молотов, человек номер два в стране и партии. И тогда никому не приходило в голову, что может быть другой номер два.

Олег Хлевнюк:

– Есть косвенные данные, которые убеждают меня в том, что это был акт террориста-одиночки, террориста-неудачника, несчастного человека. Но это не оправдание Сталина. Это не значит, что Сталин не мог убить Кирова. Сталин убил миллионы. Даже если он не причастен к смерти Кирова, это не изменит оценку его преступной деятельности. В любом случае убийство Кирова Сталин использовал на полную катушку...

А зачем Сталину могла понадобиться смерть Кирова? Скольких людей он погубил без всякого повода, а тут, выходит, целый спектакль устроил?

Профессор Наумов:

– К моменту убийства Кирова уже была подготовлена законодательная база, которая позволила развернуть массовые репрессии. Весь комплекс уголовных наказаний был готов заранее. Нужен был только повод.

ЗАКРЫТОЕ ПИСЬМО ЦК

В декабре 1934 года понадобилось издать только один указ, и начала действовать целая система уже принятых репрессивных законов.

За полгода до этого, 8 июня, ЦИК СССР включил в «Положение о государственных (контрреволюционных) преступлениях» статьи об измене Родине. Изменой считались «шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу». За это полагался расстрел. Если изменял Родине военнослужащий, всю его семью выслали в отдаленные районы сроком на пять лет.

Был принят закон об усилении ответственности за сохранение государственной тайны. Создавались возможности для привлечения к ответственности любого чиновника – за небрежное обращение с секретной бумагой можно было получить от восьми до двенадцати лет. Пропажа секретной бумаги становилась катастрофой.

Через десять дней после смерти Кирова областное управление НКВД уже составило списки тех, кто подлежал высылке из Ленинграда, – около одиннадцати тысяч человек, не внушающих политического доверия.

На следующий день после суда над Николаевым Сталин разослал членам политбюро текст написанного им письма ко всем партийным организациям: «Уроки событий, связанных с злодейским убийством тов. Кирова».

Это была идеологическая установка для работы НКВД.

4 декабря 1934 года газеты сообщили о постановлении президиума ЦИК: дела обвиняемых в терроризме вести в ускоренном и упрощенном порядке, прошения о помиловании по таким делам не принимать, приговоренных к высшей мере наказания сразу же казнить. На следующий день в Уголовные кодексы республик были внесены соответствующие изменения.

Постановление президиума ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов» было отменено только 19 апреля 1956 года. По этому закону еще успели казнить Берию. Удобный был закон.

После убийства Кирова над страной пронесся кровавый вихрь, люди затаились в испуге.

Владимир Бонч-Бруевич, который давно был вне политики и занимался музейным делом, написал письмо Ягоде:

«События 1 декабря, конечно, каждого партийца... насторожили до последней степени и заставили оглянуться кругом самым пристальным образом, чтобы десять раз проверить ту обстановку, в которой он находится, и сделать все так, чтобы не было никакой возможности проскочить классовому врагу, врагу правительства и партии в какое бы то ни было учреждение и окопаться и укрепиться там».

Бонч-Бруевич сообщил наркомку, что решил «не принимать на работу ни одного меньшевика или члена какой бы то ни было оппозиции, считая заранее его в моем мнении абсолютно раз и навсегда политически скомпрометированным».

Анкеты всех беспартийных лиц, которые принимаются мною на работу, будут присылаться Вам. Моя просьба заключается в том, чтобы Вы приказали эти анкеты проверить и сгнализировать мне лично по моему домашнему телефону (2-90-32) или путем сообщения другим образом, нет ли среди тех лиц, которые поступают на работу в Музей, заведомо опасных в политическом отношении».

Бонч-Бруевич позаботился о том, «чтобы во вверенном мне учреждении не могли устраиваться какие бы то ни было свидания сотрудников Музея с третьими лицами, а потому мной совершенно запрещены посещения сотрудников Музея их знакомыми, причем каждый, кто переступает порог Музея, обязан внизу получить пропуск, а ответственный секретарь или его помощник должны сделать отметку на пропуске, к кому это лицо направлялось, его фамилию и время ухода из музея, а в особой ведомости отметить, для чего данное лицо приходило в Музей».

В самом Музее так расставлены некоторые силы, что имеется постоянное наблюдение, чтобы не было никаких разговоров или свиданий сотрудников с третьими лицами...

Я сделал распоряжения, чтобы вся приходящая в Музей почта, в том числе письма, адресованные на сотрудников, поступала бы ко мне, и я лично ее вскрываю...»

Через неделю после убийства Кирова, 8 декабря 1934 года, было опубликовано постановление правительства «Об отмене карточной системы по печеному хлебу, муке и крупе и системы отоваривания технических культур». Так было покончено с карточной системой. Но людей это не очень порадовало. Дело в том, что новые цены были значительно выше тех, по которым приобретался хлеб по карточкам.

До начала судебного процесса над Зиновьевым и Каменевым в августе 1936 года членов партии ознакомили с закрытым письмом ЦК «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока», в котором говорилось, что зиновьевцы убили Кирова, а собирались убить еще и Сталина, Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Жданова...

В текст обвинительного заключения Сталин вписал, что Кирова убили «по прямому указанию Зиновьева и Троцкого». Сталин вписал в текст и новых обвиняемых. Их расстреляли.

Постановлением ЦИК и СНК от 5 ноября 1934 года было учреждено печально известное особое совещание при народном комиссаре внутренних дел. Это значительно упростило жизнь аппарата госбезопасности. Судебный процесс даже в сталинские времена требовал соблюдения минимальных формальностей. А тут свое же начальство без лишних разговоров подписывало приговор.

Первоначально особое совещание получило право без суда ссылать или отправлять в исправительно-трудовые лагеря на срок до пяти лет лиц, признанных общественно опасными, а также высылать из страны иностранных граждан.

В 1937-м особое совещание получило право отправлять в лагеря на срок до восьми лет обвиняемых в принадлежности к право-троцкистским, шпионско-диверсионным и террористическим организациям, а также членов семей приговоренных к высшей мере.

С 17 ноября 1941-го особое совещание уже могло выносить любые приговоры вплоть до смертной казни.

После войны особое совещание получило право отправлять на бессрочное поселение тех, кто отбыл заключение, выселять из Литовской, Латвийской, Эстонской ССР и западных областей Украины в отдаленные местности членов семей участников националистического подполья.

Берия 15 июня 1953 года предложил ограничить права особого совещания, ссылаясь на то, что министерство государственной безопасности злоупотребляло своими правами. Упразднили особое совещание в сентябре 1953-го, уже после Берии.

Приказом НКВД СССР от 27 мая 1935 года были созданы областные тройки НКВД, которые располагали правами особого совещания. В тройки входили: начальник местного управления НКВД или его заместитель, начальник управления милиции и начальник отдела УНКВД, который разбирал соответствующее дело.

Приказом НКВД от 30 июля 1937 года, согласованным с ЦК, создавались тройки по другому принципу: в них входили республиканские наркомы или начальники управлений НКВД, партийные секретари и прокуроры. Они имели право применять любые меры наказания, вплоть до расстрела. Тройки были упразднены приказом НКВД от 26 ноября 1938-го.

Зачем вообще Сталин это затеял?

Профессор Наумов:

– Он расстрелял всю партийную верхушку, потому что видел, что его решения вовсе не воспринимаются в стране так уж безоговорочно. Ему нужно было вселить во всех страх. Без страха система не работала. Как только приоткроешь дверь, сразу начинается разрушение режима.

ГЕНИАЛЬНЫЙ АДМИНИСТРАТОР

Сталин хотел освободиться от тех людей, которые работали с Лениным, которые помогли ему одолеть оппозицию. Не любит диктатор, когда рядом стоит человек, который ему помог.

Вокруг Сталина уже появились молодые работники, которые воспринимали его как полубога, так что он осуществил смену поколений, причем по всей стране, до последнего сельского райкома.

До убийства Кирова партийные руководители могли свободно встречаться, приехав на съезд в Москву, что-то обсуждать. После убийства был установлен новый порядок: первый секретарь обкома выезжает в Москву на пленум ЦК или в командировку, только получив разрешение Сталина.

Всякое общение партийных секретарей между собой было перекрыто: оно ставило под сомнение верность Сталину. Встречи, разговоры только с его санкции. Даже когда Сталин был в отпуске на юге, туда шли шифровки с просьбой разрешить выехать в Москву или в другой город и с объяснением зачем.

Политбюро решало, кому и куда ехать в отпуск. Так, например, командующего войсками Белорусского военного округа командарма первого ранга Иеронима Петровича Уборевича насильно отправили отдыхать за границу. Он не хотел, но его заставили ехать, а потом приписали ему работу на разведки тех стран, где он побывал.

Николая Ивановича Ежова, который лечился в Германии, тоже обвинят, что он работал на немецкую разведку.

У Сталина все было продумано до мелочей. Он действительно обладал даром администратора. Не случайно Ленин именно Сталина поставил на пост генерального секретаря. Ленину он нравился твердый, решительный, последовательный. Не понравилось Ленину, когда Сталин против него повернулся. Зиновьев и Каменев тогда уговаривали Ленина: он еще молодой, мы все уладим. Уладили...

Убийство Кирова вождем использовал для того, чтобы убрать очень многих людей.

В ночь на 27 июля 1936 года был арестован бывший член политбюро, а в тот момент первый заместитель наркома лесной промышленности Григорий Яковлевич Сокольников.

Его жена писательница Галина Серебрякова написала большое письмо Сталину и Ежову. Вдруг раздался телефонный звонок.

– Галина Иосифовна? – спросил незнакомый голос по телефону. – Говорит Агранов. Вы ведь писали Сталину и Ежову? Мне поручено поговорить с вами. Сегодня в десять вечера выходите на угол Спасо-Песковской площади и Трубниковского переулка. Увидите машину. Подойдите к шоферу и скажите, что вы – Семенова. Понятно?

В назначенный час Серебрякова подошла к поджидавшему ее автомобилю и назвалась Семеновой. Шофер, не говоря ни слова, распахнул дверцу. Они приехали на Лубянку. В приемной она просидела целых пять часов, и лишь поздней ночью ее провели в огромный ярко освещенный кабинет. За столом, уставленным вазами с пирожными и фруктами, сидели Агранов и Ягода.

– Мы хотим спасти вас от страшной катастрофы, которая неизбежна, – сказал ей Агранов. – Мы молоды, даровиты...

– Что я должна сделать?

– Все рассказать.

– Но в том, что я расскажу, нет признака чьей-либо вины, иначе я давно бы сообщила об этом партии.

– Расскажите о себе и о вашей семье все.

Серебрякова говорила четыре часа. Иногда Ягода или Агранов прерывали ее, шеголяя знанием деталей, которые она упустила.

– И тем не менее, – сказал ей Агранов, – вы говорите неправду, вы скрываете главное.

Дверь открылась, и вошел секретарь ЦК Ежов. Его крошечный рост и лицо старого карлика ужаснули Серебрякову.

– Все еще не хочет помочь нам? – спросил он улыбаясь, отчего все его лицо еще больше исказилось и сморщилось.

– Так вот, подведем итог, – продолжал Агранов. – самого главного вы нам так и не сказали. В декабре 1934 года, после убийства Кирова, вы проходили по коридору своей квартиры и остановились у дверей кабинета мужа. Вы слышали, как ваш отец...

– Но позвольте, – закричала Серебрякова, – отца в это время не было в Москве! Он за всю зиму ни разу, слышите, ни разу не был у нас!

– Не прерывайте меня, вспомните все и подтвердите. Ваш отец говорил: «Мы убрали Кирова, теперь пора приняться за Сталина».

– Ложь!

– Поймите, – сказал Ежов мягко. – Мы хотим сохранить вас как писателя. Вы ведь стоите на краю бездны. Дайте правдивые показания, и вас не арестуют. Через несколько месяцев мы восстановим вас в партии и вернем в литературу. Вы снова выйдете замуж, будете счастливы. Ваши дети вырастут в человеческих условиях...

Галина Серебрякова сначала попала в больницу, потом ее все-таки арестовали и отправили в ссылку. Она отбыла свой срок, вышла на свободу, вернулась в Москву, но долго не могла обустроить свою жизнь.

Она обивала пороги разных учреждений, пока не попала на прием к моему отчиму – Виталию Александровичу Сырокомскому, который в начале 60-х работал помощником первого секретаря Московского горкома. Человек с обостренным чувством справедливости, готовый помочь всякому, кто нуждается в помощи, он был потрясен ее трагической историей. Он буквально заставил своего шефа принять Серебрякову, за этим последовал звонок в Моссовет и ордер на квартиру. Она много писала и издавалась, хотя воспоминания об аресте и ссылке увидели свет только после ее смерти...

Если Кирова действительно убили сотрудники НКВД, неужели им не страшно было браться за такое дело?

Профессор Наумов:

– Насколько я могу судить, Николаеву не говорили, что он должен убить Кирова. Он должен был просто выстрелить, инсценировать покушение. Летальный исход исключался. Я этим объясняю то истеричное состояние, в какое впал Николаев. Хотел попугать, а попал Кирову в затылок. Врач понадобился не Кирову, а самому Николаеву. Он бился в конвульсиях. Его в себя не могли привести. Организаторы, может быть, и сами испугались. Но уже было поздно...

МЕДВЕДЬ И ЗАПОРОЖЕЦ

Какова судьба сотрудников Ленинградского управления НКВД, которые могли точно знать, что и как было?

Почти всех уничтожили тех, кто знал, что произошло. Они, естественно, не думали, что с ними так поступят. Сначала наказание было достаточно мягким: не уследили, служебное упущение. Их потом уже в лагере сгноили, в том числе известных по роману Анатолия Рыбакова «Дети Арбата» начальника Ленинградского управления НКВД Филиппа Демьяновича Медведя и его заместителя Ивана Васильевича Запорожца.

Медведь к революционному движению примкнул в Варшаве, два года сидел в царской тюрьме. Он был близким к Дзержинскому человеком, по его рекомендации Медведя в 1907-м приняли в партию большевиков.

С 1919 года Медведь был членом коллегии ВЧК, в том же году четыре месяца возглавлял ЧК в Петрограде. Он сменил немало должностей в аппарате госбезопасности – возглавлял Особый отдел Западного фронта, заведовал концлагерями НКВД РСФСР, руководил Особым отделом Московского военного округа. Затем был начальником Московского губернского отдела ГПУ, председателем ГПУ Белоруссии и начальником Особого отдела Западного фронта, полномочным представителем ОГПУ по Западному краю и председателем ГПУ Белоруссии, с 1926 года – представителем по Дальневосточному краю.

В январе 1930-го его вновь назначили в Ленинград. Киров тоже благоволил к Медведю. Это был, судя по рассказам, симпатичный человек, жизнелюб. Он устраивал ужины, на которых пел специально приглашенный им из Москвы Леонид Утесов.

По инициативе Кирова на Литейном проспекте было построено в 1932 году огромное девятиэтажное здание для полномочного представительства ОГПУ в Ленинграде. Тогда это было самое высокое здание в городе, поэтому его называли Большой дом. Официальное название – административное здание Главного политического управления. Архитектор Ной Троицкий, в то время сам сидевший в тюрьме. Дом представляет собой замкнутый квадрат с закрытым для посторонних глаз внутренним двором. В его подвалах в 30-х годах расстреливали приговоренных к смерти.

Присланный в 1932 году из Москвы Иван Запорожец привез своих людей, вел себя необычно самостоятельно, по всякому поводу высказывал свою точку зрения и понемногу оттеснял потерявшего хватку Медведя. Агроном по образованию, Запорожец входил в партию боротьбистов (левые эсеры Украины). Потом партия самоликвидировалась, а большинство боротьбистов перешло к большевикам.

Иван Васильевич Запорожец родился в 1885 году в Мелитопольской области, работал в 20-х годах за границей, потом служил в центральном аппарате госбезопасности, возглавлял 4-е отделение (внешняя торговля) экономического управления ОГПУ, затем отдел информации и политконтроля. В марте 1931 года его отдел влили в секретно-политический отдел. Начальником отдела был Яков Саулович Агранов. Запорожец стал его заместителем и с этой высокой должности уехал заместителем к Медведю.

Все понимали, что он набирается опыта и вскоре заменит Медведя на посту начальника областного управления. Так не зря именно Запорожца подозревают в организации убийства Сергея Кирова?

Но во время убийства Кирова Запорожца в Ленинграде не было. В конце августа Запорожца положили в военный госпиталь, и там в гипсе он пролежал до ноября, после чего отправился долечиваться в санаторий в Сочи.

Медведя сначала не арестовали, а только лишь освободили от должности, и он приехал в Москву. Сидел на квартире под домашним арестом и ждал решения своей судьбы. Один из его знакомых позвонил со словами сочувствия и готовности помочь.

Медведь сказал: «Спасибо, парень, большое спасибо. Мне ничего не надо, и помочь мне ничем нельзя. Но если останусь жив, твоего звонка не забуду».

В январе 1935 года Медведя приговорили к трем годам исправительно-трудовых работ по статье Уголовного кодекса 193–17а («преступная халатность к своим обязанностям по охране государственной безопасности»).

Его в отдельном вагоне отправили на Колыму, где он работал начальником Южного горно-промышленного управления Дальстроя, ожидая, что вскоре его вернут на прежнюю службу. Это было вполне комфортное существование. Коллеги по НКВД относились к нему сочувственно. Но когда арестовали Ягоду, пришли новые люди, для которых и Медведь, и Запорожец были такими же врагами народа, как и все остальные зэки.

В мае 1937 года Медведя вызвали в Москву, а в сентябре арестовали. Теперь с ним обращались как со всеми остальными «врагами народа».

На него завели новое дело: его обвиняли в том, что он «являлся активным участником «Польской организации войсковой», в которую был завербован бывшим заместителем председателя ОГПУ Иосифом Станиславовичем Уншлихтом, и до 1934 года проводил диверсионную и террористическую деятельность в интересах Польши, а также в том, что знал от Уншлихта о готовящемся покушении на Кирова, но не принял надлежащих мер по предотвращению покушения».

Это было то самое дело, по которому проходил уже покойный Феликс Эдмундович Дзержинский.

29 ноября 1937 года Медведя расстреляли. В 1957 году приговор был отменен, и дело прекращено за отсутствием состава преступления. Но родственникам даже не сообщили, что Медведя расстреляли, выдали справку, что умер в 1946 году, отбывая наказание.

Запорожца приговорили к смертной казни чуть раньше, в августе, и в день вынесения приговора расстреляли. Им некому было напомнить о своих заслугах и об обещаниях, которые им дали. И захоти они что-то рассказать, кто бы их стал слушать?.. Пришла разнарядка, вот их и ликвидировали. Тайну убийства Кирова Медведь и Запорожец унесли с собой в могилу.

Так что же, выходит, мы так и не узнаем никогда, как все это было организовано?

Владимир Павлович Наумов посмотрел на меня с улыбкой, которая у него отнюдь не означает хорошего расположения духа, и ответил коротко:

– Нет... Нет.

БОЕВАЯ МОЛОДЕЖЬ

Ягода меньше, чем Менжинский, интересовался разведкой. За границей он, в отличие от своих предшественников, не жил, иностранных языков не знал. Но и не трогал разведчиков, давая им возможность работать. Поэтому при Ягоде советская разведка действовала очень эффективно. Проблемы возникнут при Ежове, который начнет чистить разведывательный аппарат.

В те годы российская белая эмиграция все еще считалась источником постоянной опасности. В Москве исходили из того, что офицеры Белой армии по-прежнему готовятся к вооруженному выступлению против советской власти. Конечно, в 30-х годах остатки Добровольческой армии, рассеянные по всей Европе, лишь с большой натяжкой можно было рассматривать как непосредственную угрозу для страны.

Но в Москве по-прежнему полагали, что в случае войны в Европе противник (или противники) Советского Союза неминуемо призовут под свои знамена полки бывшей Добровольческой армии. Тем более, что ее структура сохранилась и в эмиграции. Белые офицеры считали себя находящимися на военной службе, проходили переподготовку, изучали боевые возможности Красной армии. Кроме того, военная эмиграция пыталась устраивать террористические акции на территории Советского Союза.

Вот почему основные усилия европейских резидентур советской разведки были сосредоточены на борьбе с эмигрантскими боевыми организациями.

В начале 30-х годов резидентуры советской разведки в Европе обратили внимание на новую силу в среде русской эмиграции – на молодежь, повзрослевшую уже за пределами Советской России. Дети эмигрантов испытывали сильное недовольство бездействием отцов, которые проиграли Гражданскую войну большевикам, позволили выставить себя из России и ничего не предпринимали для того, чтобы вернуть себе страну. Возник политический конфликт поколений.

Эмигрантская молодежь готова была взяться за оружие. Это и насторожило советскую разведку, которая занялась созданием агентуры среди активистов новой организации.

Еще в 1928 году Национальный союз русской молодежи в Болгарии и Союз русской национальной молодежи в Югославии предложили молодому поколению эмигрантов объединиться. В 1929 году был создан Национальный союз русской молодежи за рубежом. Отделения союза появились в городах, где сконцентрировалась эмиграция.

На конференции этих групп, которая проходила с 1-го по 5 июля 1930 года в Белграде, молодые эмигранты из Югославии, Франции, Болгарии, Чехословакии и Нидерландов образовали Национальный союз русской молодежи. Был принят устав, исполком возглавил бывший офицер Виктор Михайлович Байдалаков.

В мае 1931 года Петр Бернгардович Струве, редактор газеты «Россия и славянство», согласился предоставлять на ее страницах трибуну лидерам новой организации. Струве до революции боролся с партией Ленина, после революции – с советской властью. В 1941 году немцы, оккупировав Югославию, его арестовали, потом выпустили, памятуя о его антикоммунистических заслугах. Но Струве, как любой европейский либерал, ненавидел национальный социализм куда больше, чем коммунизм. В годы войны он был на стороне России против нацистской Германии.

На конференции в декабре 1931 года эмигрантская молодежь приняла новое название – Национальный союз нового поколения. А в 1936-м он стал называться Национально-трудовым

союзом нового поколения – НТС. Под этим названием эта эмигрантская организация, просуществовавшая до наших дней, и вошла в историю.

В 1932 году новопоколенцы, или солидаристы, как их называли тогда в эмиграции, основали газету «За Россию».

В союз вступали молодые люди, которые изъявляли готовность сражаться с коммунистическим режимом. НТС начал активно издавать пропагандистскую литературу, которую пытался переправлять в СССР.

Но чтобы попасть в СССР, членам союза были нужны деньги, паспорта и помощь для перехода границы. Такую помощь им предложила польская разведка. Спор о том, вправе ли были русские патриоты сотрудничать с иностранной разведкой и на каких условиях, продолжается и по сей день. Официально НТС утверждает, что шпионажем члены союза не занимались.

Я расспрашивал об этом бывшего члена руководства НТС Бориса Георгиевича Миллера, сына эмигрантов.

– Члены НТС проникали в СССР, – говорил мне Миллер, – но не ради террора, а для того, чтобы понять, что происходит в стране, и создать опорные точки для подпольной работы.

– Кто обеспечивал их заброску в Советский Союз?

– Эту возможность открыл начальник русского отдела польского генерального штаба Рышард Врага.

– Что польская разведка требовала взамен?

– Польские военные, естественно, были заинтересованы в любой работе против коммунистического правительства в Москве. Разведывательной или военной информации мы им не давали, только политическую.

– Советский Союз всегда гордился своей пограничной службой. Неужели ваши люди находили лазейки?

– Несколько групп погибло на границе. Других взяли уже внутри страны. Но кому-то удавалось переиграть НКВД, побывать в России и благополучно вернуться...

Историки пишут, что нет надежной информации относительно предвоенной подпольной деятельности НТС против Советского Союза. Какие-то люди действительно засылались, но не следила ли за ними советская контрразведка с той самой минуты, как они пересекали границу?

Европейские резидентуры советской разведки пристально наблюдали за действиями активистов НТС, изучали программу союза, пересылали в Москву важнейшие выступления лидеров солидаристов.

НТС не участвовал в постоянных в то время дебатах эмиграции относительно формы переустройства России – республика или монархия, считая такие споры преждевременными. Сначала нужно свергнуть коммунистов. Молодая эмиграция отвергала любые формы федерализма и право наций на отделение от России. Им не нравилось и существование различных политических партий, демократия. НТС объявил поиски третьего пути. Третий путь привел НТС к национальному социализму.

РУССКИЕ ФАШИСТЫ

Историк Роберт Джонсон в книге «Новая Мекка, Новый Вавилон. Париж и русская эмиграция. 1920–1945» пишет:

«Движение солидаристов основал в Белграде в начале 30-х годов атлетически сложенный казачий офицер из армии Врангеля Байдалаков. Он с энтузиазмом реагировал на приход к власти в Германии нацистов. Его не беспокоили антиславянские устремления Гитлера, и он разделял антисемитизм нацистов.

Солидаристы приняли решение в случае войны нанести удар по Советскому Союзу изнутри... Очевидное восхищение Адольфом Гитлером свидетельствовало о профашистской ориентации солидаристов».

В отличие от обосновавшихся в Харбине русских эмигрантов, прямо называвших себя фашистами, члены НТС не были стопроцентными нацистами. Но они видели, что демократии отступают под натиском коммунизма и движений фашистского толка, победивших в Италии, Германии, Испании, Португалии, Латвии.

Михаил Георгиевский, генеральный секретарь исполнительного бюро НТС, писал: «В национал-социализме, выдвинувшем идею служения национальным интересам, спасение поверженного аварией корабля. И в фашизме, приблизившемся к идее трудового солидаризма, мы видим убедительные доказательства возможности и успешности этой борьбы».

«На НТС некоторые черты фашизма бесспорно произвели сильное впечатление, в особенности борьба фашизма против коммунизма и марксистской идеологии, – пишет историк Кэтрин Андреева. – Опыт 30-х годов утвердил членов НТС во мнении, что демократия слаба и не в состоянии защитить экономические и политические потребности людей.

Еще менее демократия была любезна с эмигрантскими общинами. Как иностранцы, они первыми страдали от политических или экономических проблем, их увольняли, чтобы дать работу своим гражданам.

Фашизм в первые годы своего существования казался мощным средством восстановления чувства национальной гордости и успешного решения многих проблем европейских государств».

Хорошо исследовано увлечение европейской молодежи 20–30-х годов марксизмом. Гораздо меньше известно о том, что в те же годы другая часть молодежи в не меньшей степени увлекалась и национальным социализмом. Слово «фашизм» для многих ушей звучало тогда сладкой музыкой.

В 1939 году в одном из номеров газеты «За Родину», официальном органе НТС, который тогда еще назывался Национально-трудовым союзом нового поколения, было опубликовано приветствие от Российского фашистского союза, действовавшего среди русских эмигрантов в Маньчжурии:

«Соратники!

Четвертый Съезд Российских Фашистов, собравшийся в Харбине со всех пунктов Маньчжурской Империи, Ниппон и Китая, с границ родной земли, представляющий в совокупности организации РФС во всех странах, поручил мне приветствовать газету «За Родину», как выдающийся и яркий орган Нового Российского Национализма.

На нашем Съезде, на котором среди Российских фашистов присутствовал и представитель Национально-Трудового Союза Нового Поколения – особо уполномоченный НТСНП при РФС К.М. Алексеев, было еще раз закреплено единство идеологии, программы и тактики наших организаций, и Съезд единогласно вынес постановление о дальнейшем углублении этого единства.

Съезд выразил уверенность, что на путях Национальной Революции Российский Фашистский Союз и Национально-Трудовой Союз Нового Поколения образуют единую Русскую силу, – вместе со всеми организациями Российского Национального Фронта.

Председатель Съезда, Глава Российского Фашистского Союза

К.В. Родзаевский.

Секретарь *К.В. Арсеньев*».

Редакция энтээсовской газеты поблагодарила «за приветствие, дающее нам основание видеть в Российском Фашистском Союзе соратника и союзника».

Отдельно было опубликовано приветствие Российского фашистского союза руководителю НТС Виктору Байдалакову:

«Глубокоуважаемый Виктор Михайлович!

IV Съезд Российских Фашистов настоящим имеет честь приветствовать в Вашем лице Российский Национально-Трудовой Союз Нового Поколения, как молодую Русскую силу Национальной Революции и грядущего Национального Созидания.

Съезд отметил единство мировоззрения НТСНП и РФС, единообразную формулировку нашей идеологии (Бог, Нация, Труд – у Российского Фашистского Союза и идеализм, национализм и солидаризм – у НТСНП), сходство наших программ (Единая Трудовая Организация Нации, называемая нами Российским Корпоративным Строем) и поручил избранному им центральному руководству продолжить работу по сближению – на путях Национальной Революции в будущей России.

Не откажите передать Российский фашистский привет всем новопоколенцам.

Слава России!

Председатель Съезда, Глава Российского Фашистского Союза

К.В. Родзаевский.

Секретарь *К.В. Арсеньев*».

Фашистская тема была одной из самых заметных в энтээсовских дискуссиях 30-х годов. В газете НТС «За Родину» в большой статье «Фашизм и освобождение России» говорится:

«Слово «фашизм» пользуется у нас большой популярностью. Хотя фашизм в своей социальной и политической сущности еще не определился, но только определяется, многие возлагают на него надежды в деле спасения России.

Сила идей несомненна. Они часто являются первопричиной действий. И многим фашистские идеи кажутся именно теми идеями, которым суждено уничтожить коммунизм».

В февральском номере 1933 года на первой полосе печатается заметка о приходе к власти «Адольфа Хитлера, вождя германских национал-социалистов, вождя национальной революции, проповедника социальных реформ» и торжествующая приписка о том, что «германским коммунистам не сдобровать».

В № 62 появляется большая статья под заголовком: «Новая Германия. Современный солидаризм»:

«Наше время – время творческих поисков на пути социальной реформы... Либерально-капиталистическая система изжила себя, социалистическое изуверство грозит самому дорогому – нации. Нужны иные решения. На наших глазах вдруг вырастают люди, взявшие на себя смелость и тяжесть найти решение.

Хитлер перестраивает Германию. Он пришел к этому со своей программой. Что дало ему в руки власть? Пламенный призыв бороться против очевидного разложения и упадка внутри, за сохранение национального достоинства извне. Чем бороться? Уничтожением и обезоружением врагов нации: марксистского социализма, либерализма и хищнического капитализма. Но он сам сказал, что «бороться с идеей можно лишь во имя другой идеи, более справедливой и провозглашаемой с неменьшей фанатичностью». Его идеей стал национал-социализм.

Немецкая нация имеет свою миссию, свой дух, свою судьбу. Надо объединить немецкую нацию, надо сохранить ее чистоту. Отсюда расизм, законодательство, преследующее браки с неарийцами».

Советская разведка фиксировала попытки эмиграции наладить сотрудничество с Германией.

Эмигрантский писатель Иван Лукаш, чьи книги о Белом движении теперь переизданы в России, предлагал командировать к Гитлеру кого-либо из относительно молодых генералов

Белой армии, чтобы уговорить фюрера создать международный добровольческий корпус для борьбы с коммунизмом.

К этой идее Гитлер пришел и без подсказки Ивана Лукаша. Таким корпусом станут добровольческие войска СС, сформировавшиеся из представителей разных народов Европы. В воинские части СС будут брать прибалтов, украинцев, казаков, крымских татар и калмыков. Русских не примут...

В предвоенные годы в газете НТС появляется рубрика «Новая жизнь». Чаще всего пишут о Муссолини. Вот отрывок из статьи «Достижения итальянского фашизма» (№ 55):

«Что сделал итальянский фашизм для трудящихся?»

Характерным для всех его реформ является обуздание хищнических инстинктов собственника и сохранение нормальных и человеческих форм собственности...

Фашистский Национальный Институт Предупредительных Социальных Мер делает обязательным страхование против безработицы, болезней, старости...

При его посредстве выдается 415 000 пенсий... В его санаториях имеются 15 000 кроватей для одних только туберкулезных... Всего этим институтом построено по всей стране 42 санатория. Посмотрели бы вы оборудование этих гигантов, и часто целых городков, разбросанных по всей стране, часто в лучших курортных местностях!

Фашистский Национальный Институт Защиты Материнства страхует помощь при родах, болезнях детей, распределяет нуждающимся молоко... Через его аппарат прошли свыше 700 000 детей.

Заработная плата итальянского рабочего сравнительно ниже некоторых других стран. Но она является лишь номинальной величиной. Реальная ее величина определяется лишь в дополнении со всеми возможностями, даваемыми ему перечисленными институтами... Миллионы здоровых и достаточно сытых людей живут здоровой человеческой жизнью...»

Учеба на таких выдающихся образцах, как Муссолини и Гитлер, быстро дала плоды.

Михаил Георгиевский, генеральный секретарь исполнительного бюро, вторая фигура в НТС, излагая на страницах партийной газеты программу союза, писал о «величественном построении национал-социалистов»:

«Нарождается новый порядок и требует новых форм для себя. В каждой стране этот эксперимент ставится по-разному. Муссолини увенчивает свой корпоративный строй корпоративным парламентом. Гитлер, мобилизующий нацию для завоеваний, пробует сделать долговечной партию, слить ее с Нацией...

В просторечии все эти новые течения принято объединять под общим названием «фашизм». Либеральствующие, неустойчивые и умственно робкие, не заметившие того существенного, что несет с собой этот современный солидаризм, часто третируют «фашизм» и «тоталитарное государство», говорят о «диктатуре партии» и преследовании инакомыслящих, также о терроре и концлагерях.

Забывают прежде всего о том, что миллионные жертвы большевицкого террора, надругательства, истязания, беспросветный ужас советских концлагерей не может идти ни в какое сравнение с мерами исключительного порядка, направленными обычно против тех, кто сам готовил гнойную яму и стенку всякому инакомыслящему.

Тот, кто одинаково не приемлет как анархического либерализма, породившего хищнический капитализм и разложившего нацию, так и социализма, зачеркнувшего человеческую личность, тот принадлежит к лагерю фашизма. Ибо другого ничего нет...»

Энтээсовцы отвергли и марксизм, и представительную демократию, и капитализм. Они выбрали фашизм.

Они не отвергли фашизм даже после того, как им пришлось почти сразу после прихода нацистов к власти закрыть отделение НТС в Германии. Они все надеялись, что Гитлер признает в них «своих».

Митрополит Анастасий, первоиерарх Русской православной церкви за границей, направил приветственный адрес Гитлеру. Анастасий называл Гитлера «Богом посланным... будущим спасителем от большевизма, за которого молится вся Россия... Моления о Вас будут возноситься во всех православных церквях. Ибо не один только германский народ поминает Вас горячей любовью и преданностью перед Престолом Всевышнего: лучшие люди всех народов, желающие мира и справедливости, видят в Вас вождя в мировой борьбе за мир и правду».

Многие молодые эмигранты сделали выбор в пользу Гитлера еще до нападения Германии на Россию. Когда началась война, они не изменили своих взглядов.

Вся эта информация поступала наркому внутренних дел Ягоде вот в таком виде:

«С о в е р ш е н н о с е к р е т н о

НКВД СССР

Главное управление государственной безопасности

Иностраннный отдел

Спецсообщение 1. т. Ягоде 2. т. Агранову 3. т. Прокофьеву 4. т. Гаю 5. т. Молчанову 6. т. Миронову 7. т. Паукеру 8. т. Фриновскому 9. Начальникам оперативных отделов Иностранным отделом ГУГБ получены сведения, что председатель Российского общевойскового союза генерал Миллер в беседе сообщил своему заместителю адмиралу Кедрову, что при свидании с немецким журналистом он указывал последнему, что Германия может справиться с ненавистным ей коммунизмом коротким ударом по большевистской головке.

Если Германия изберет этот путь борьбы, вся эмиграция будет на ее стороне, больше того – пусть Германия дает средства, эмиграция даст необходимый людской материал...

В данный момент РОВС должен обратить все свое внимание на Германию, это единственная страна, объявившая борьбу с коммунизмом не на жизнь, а на смерть.

Зам. нач. ИНО ГУГБ НКВД».

Советская госбезопасность долгие годы – и в войну, и после войны – будет заниматься НТС...

УВОЛЬНЕНИЕ И АРЕСТ

25 сентября 1936 года Сталин, находившийся на отдыхе, прислал из Сочи телеграмму членам политбюро, которую вместе с ним подписал кандидат в члены политбюро и член оргбюро ЦК Андрей Александрович Жданов: «Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение тов. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздало в этом деле на четыре года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей наркомвнудела».

Почему Сталин приказал убрать Ягоду? По той же причине, по которой он постоянно менял все руководство: он нанимал людей для выполнения определенной задачи, потом ставил новую задачу и подбирал новых людей. Фавориты у него менялись быстро. В тот момент ему очень нравился на диво исполнительный и работающий Николай Иванович Ежов.

Ягода слишком долго сидел в органах госбезопасности, потерял хватку, успокоился, не видит, сколько вокруг врагов. Новый человек на этом посту сделает больше. Так и получилось. Ежов развернулся...

В 1934–1935 годах, при Ягоде, арестовали 260 тысяч человек. А в 1936–1937 годах, при Ежове, – уже 1,5 миллиона человек и половину из них расстреляли.

Началась подлинная вакханалия преступлений.

Поначалу многое зависело от личности местного партийного руководителя и начальника управления НКВД: кто усердствовал, а кто действовал осторожнее. Когда Ягоду сменил Ежов, началась плановая работа по уничтожению людей.

Генрих Григорьевич Ягода был последним человеком на этой должности, с кем еще можно было договориться, что-то объяснить и спасти невинного человека. Ягода мало когда признавал ошибки своего ведомства – это была большая редкость, но при Ежове подобное просто станет невозможным.

Ежов приказал закрыть Политический Красный Крест (он именовался также в разное время Комитетом помощи политическим ссыльным и заключенным, или, сокращенно, Помполитом, и Ассоциацией помощи политическим заключенным), который существовал с 1918 года.

При Ягоде Политический Красный Крест еще существовал. Руководила комитетом Екатерина Павловна Пешкова (1876–1965), жена Максима Горького, бывшая до революции членом партии эсеров.

В ее приемной на Кузнецком, 24, всегда была огромная очередь. Родственники арестованных бежали к ней за помощью, потому что больше обращаться было не к кому. Поговорив с Дзержинским, ей удавалось кого-то спасти. Беседуя с Пешковой, председатель ВЧК даже иногда соглашался: да, кажется, мы много лишнего делаем.

После смерти Дзержинского возможности Политического Красного Креста сократились: люди боялись жертвовать деньги на заключенных из числа так называемых «врагов народа». Пешкова и ее помощники могли только узнать, где находится арестованный, и посоветовать, что делать родным.

Но Ягода все-таки дружил с Горьким, и ему трудно было отказать Екатерине Павловне Пешковой во встрече. А встретившись с Ягодой, Пешковой удавалось иной раз смягчить разговор. Ягода в каких-то случаях признавал ее правоту и говорил: «Пожалуй, мы перехватили».

По мнению доктора исторических наук Олега Хлевнюка, судьба Ягоды была решена, когда 22 августа 1936 года покончил с собой бывший член политбюро и глава профсоюзов Михаил Павлович Томский. Он оставил предсмертное письмо Сталину с неожиданным постскриптомом: «Если хочешь знать, кто те люди, которые толкали меня на путь правой оппозиции в мае 1928 года, спроси мою жену лично, только тогда она их назовет».

Сталин отдыхал на юге. Оставшийся на хозяйстве секретарь ЦК Лазарь Моисеевич Каганович и член политбюро Серго Орджоникидзе отправили к вдове Томского любезного и обходительного Николая Ивановича Ежова как председателя Комиссии партийного контроля.

Вернувшись, Ежов доложил, что Томский имел в виду Ягоду, который «играл очень активную роль в руководящей тройке «правых», регулярно поставлял им материалы о положении в ЦК и всячески активизировал их выступления».

Это совершенно мистическая версия, каких много в истории Лубянки. Ягода никак не мог быть близок Бухарину и Рыкову. Но Ежов, который рвался к большому делу, написал докладную Сталину: «В НКВД вскрылось так много недостатков, которые, по-моему, терпеть дальше никак нельзя... В среде руководящей верхушки чекистов все больше и больше зреют настроения самодовольства, успокоенности и бахвальства. Вместо того чтобы сделать выводы из троцкистского дела и покритиковать свои собственные недостатки, исправить их, люди мечтают теперь только об орденах за раскрытое дело».

Ежов доложил, что выполнил поручение Сталина и организовал пересмотр списков всех арестованных по последним делам на предмет вынесения новых приговоров: «Стрелять придется довольно внушительное количество. Лично я думаю, что на это надо пойти и раз навсегда покончить с этой мразью».

26 сентября 1936 года Ягоду назначили наркомом связи вместо Рыкова (в следующем году судить их будут вместе). Через три дня к Ягоде первым заместителем перевели его заме-

стителю из НКВД Георгия Евгеньевича Прокофьева. Его тоже расстреляют. Агранова пока оставили в НКВД, чтобы он передавал дела Ежову.

Смысл перевода Ягоды в другой наркомат был ясен только посвященным. Многие наивно думали, что его, как умелого администратора, отправили наводить порядок в другом ведомстве: тогда часто перебрасывали руководителей с одного места на другое.

Сам Ягода уже, видимо, понимал, что его ждет. Он знал излюбленный метод Сталина. Сначала человека вырывали из привычной среды, переводили на другую, менее заметную должность, потом его имя возникало в делах госбезопасности, НКВД отправлял собранные материалы Сталину, и политбюро принимало решение снять обвиняемого с должности, исключить из партии и передать дело в прокуратуру. Он много раз участвовал в этих играх. Теперь настала его очередь оказаться фишкой в руках других.

29 января 1937 года ЦИК отправил в запас генерального комиссара государственной безопасности Ягodu. Он больше не был защищен своим маршальским званием.

18 марта новый нарком Ежов, выступая перед руководящими сотрудниками НКВД, сказал, что Ягода был агентом царской охранки, вором и растратчиком.

3 апреля «Правда» сообщила, что «ввиду обнаруженных преступлений уголовного характера» нарком связи Ягода отстранен от должности, его дело передано в следственные органы. На следующий день, 4 апреля, его арестовали.

Ордер на арест Ягоды подписал его сменщик Ежов.

В протоколе обыска говорилось:

«1937 года, апреля 8 дня

Мы, нижеподписавшиеся, комбриг Ульмер, капитан госуд. безопасности Деноткин, капитан госуд. безопасности Бриль, ст. лейтенант госуд. безопасности Березовский и ст. лейтенант госуд. безопасности Петров, на основании ордеров НКВД СССР за №№ 2, 3 и 4 от 28-го и 29 марта 1937 года в течение времени с 28-го марта по 5 апреля 1937 года производили обыск у Г.Г. Ягоды в его квартире, кладовых по Милютинскому переулку, дом 9, в Кремле, на его даче в Озерках, в кладовой и кабинете Наркомсвязи СССР.

В результате произведенных обысков обнаружено:

1. Денег советских 22 997 руб. 59 коп., в том числе сберегательная книжка на 6180 руб. 59 коп.;
2. Вин разных, большинство из них заграничные и изготовления 1897, 1900 и 1902 гг. – 1229 бут.;
3. Коллекция порнографических снимков – 3904 шт.;
4. Порнографических фильмов – 11 шт.;
5. Сигарет заграничных разных, египетских и турецких – 11 075 шт.;
6. Табак заграничный – 9 короб.;
7. Пальто мужск. разных, большинство из них заграничных – 21 шт. ...;
61. Пластинок заграничных – 399;
62. Четыре коробки заграничных пластинок ненаигранных;
92. Револьверов разных – 19;
93. Охотничьих ружей и мелкокалиберных винтовок – 12;
94. Винтовок боевых – 2;
95. Кинжалов старинных – 10;
96. Шашек – 3;
97. Часов золотых – 5;
98. Часов разных – 9;
99. Автомобиль – 1;
100. Мотоцикл с коляской – 1;

101. Велосипедов – 3;
102. Коллекция трубок курительных и мундштуков (слоновой кости, янтарь и др.), большая часть из них порнографических – 165;
103. Коллекция музейных монет;
104. Монет иностранных желтого и белого металла – 26;
105. Резиновый искусственный половой член – 1;
116. Посуда антикварная разная – 1008 пред.;
129. Контрреволюционная, троцкистская, фашистская литература – 542;
130. Чемоданов заграничных и сундуков – 24».

Камеру Ягода делил с популярным в 30-х годах драматургом Владимиром Михайловичем Киршоном, которого потом тоже расстреляют. У него было несколько пьес. Они шли по всей стране, самая известная из них – комедия «Чудесный сплав».

С Киршоном дружил мой дедушка Владимир Михайлович Млечин, писал о его пьесах. После XX съезда Киршона реабилитировали, издали сборник его пьес. Мой дедушка часто вспоминал о Киршоне, но конечно же не подозревал о том, как прошли последние недели его жизни.

От несчастного Киршона потребовали доносить, о чем говорит в камере бывший наркомвнудел. Наверное, Киршон надеялся на снисхождение. Впрочем, ломали всех, за очень немногим исключением. С Ягодой они были знакомы – нарком любил общаться с творческими людьми.

Рапорты Киршона сохранились:

«Майору государственной безопасности тов. Журбенко

Ягода заявил мне: «Я знаю, что вас ко мне подсадили. Не сомневаюсь, что все, что я вам скажу или сказал бы, будет передано. А то, что вы мне будете говорить, будет вам подсказано. А кроме того, наш разговор записывают в тетрадку у дверей те, кто вас подослал».

Поэтому он говорил со мной мало, преимущественно о личном. Я ругал его и говорил, что ведь он сам просил, чтоб меня подсадили. «Я знаю, – говорит он, – что вы отказываетесь. Я хотел просто расспросить вас об Иде (жена Ягоды. – Л. М.), Тимоше (так звали невестку Горького – жену Максима Пешкова, в которую, как говорят, был влюблен Ягода. – Л. М.), ребенке, родных и посмотреть на знакомое лицо перед смертью».

«На процессе, – говорит Ягода, – я, наверное, буду рыдать, что еще хуже, чем если б я от всего отказался». Однажды, в полубредовом состоянии он заявил: «Если все равно умирать, так лучше заявить на процессе, что не убивал, нет сил признаться в этом открыто». Потом добавил: «Но это значит объединить вокруг себя контрреволюцию, это невозможно».

Ягода часто говорит о том, как хорошо было бы умереть до процесса. Речь идет не о самоубийстве, а о болезни. Ягода убежден, что он психически болен. Плачет он много раз в день, часто говорит, что задыхается, хочет кричать, вообще раскис и опустился позорно...»

ОТРАВЛЕННЫЕ СТЕНЫ

Недавние подчиненные предъявили бывшему наркому множество обвинений в контрреволюционной троцкистской деятельности, в шпионаже в пользу Германии, в организации убийств Горького, Куйбышева, Менжинского, в покушении на жизнь его преемника Николая Ивановича Ежова.

Ягода, уходя из НКВД, будто бы приказал опрыскать стены наркомовского кабинета сильнейшим ядом, испаряющимся при комнатной температуре.

На допросах Ягоду заставили играть в ту же игру, которую вел он в те времена, когда сидел по другую сторону стола. Вот какие показания он подписывал:

«В 1931 году наша контрреволюционная организация стала на путь террора и организации кулацких восстаний. Разумеется, я, как член этой же организации, полностью разделял эти позиции и должен отвечать за это...

Подтверждаю также данные мною ранее показания о своем участии в убийстве С.М. Кирова. О том, что убийство С.М. Кирова готовится по решению центра заговора, я знал заранее от Енукидзе (Авель Сафронович Енукидзе – секретарь президиума ЦИК СССР. – Л. М.). Енукидзе предложил мне не чинить препятствий организации этого террористического акта, и я на это согласился. С этой целью мною был вызван из Ленинграда Запорожец, которому я дал указания не чинить препятствий готовившемуся террористическому акту над С.М. Кировым.

После совершения убийства С.М. Кирова с моей стороны была попытка «потушить» расследование по этому делу. Однако в этом мне помешал Н.И. Ежов, который осуществил по поручению ЦК неослабный контроль за ходом расследования по делу об убийстве С.М. Кирова.

Я подтверждаю, что был осведомлен Караханом (Лев Михайлович Карахан – заместитель наркома иностранных дел. – Л. М.) о переговорах, которые он вел по поручению блока с германскими фашистскими кругами. Я также осведомлен и о том, что правотроцкистский блок дал свое согласие и обещание на территориальные уступки Германии после прихода блока к власти...

Должен добавить, что ускорение смерти Горького, т. е. фактически его убийство путем заведомо неправильного лечения, было организовано мною по решению центра блока, переданному мне Енукидзе. Это решение было вызвано тем, что Горький был известен как активный сторонник политики ЦК и близкий друг Сталина...

Никаких жалоб и претензий я не имею.

Протокол мне прочитан, записано верно.

Г. Ягода».

Предположение о том, что Максима Горького действительно умертвили по указанию Сталина, высказывается и по сей день. Некоторые исследователи в этом просто уверены. Другие полагают, что Ягода убил сына Горького – Максима Пешкова, поскольку был влюблен в его жену Тимошу.

Иван Михайлович Гронский оставил в своем дневнике запись разговора с невесткой Горького Надеждой Алексеевной Пешковой. Разговор состоялся в 1963 году.

«Пешкова, – пишет Гронский, – попросила о беседе с глазу на глаз. Она очень волновалась. Ее интересовал вопрос: был ли Горький отравлен или умер естественной смертью?

Ответил ей, что с этим вопросом я должен обратиться к ней, так как в эти дни она все время находилась около Горького.

Надежда Алексеевна рассказала, что примерно за два или три дня до смерти с Алексеем Максимовичем сделалось плохо: лежать он не мог, поэтому сидел или, правильнее сказать, полулежал в кресле. Говорить он уже не мог. Дежуривший врач (М.П. Кончаловский) вышел из комнаты, где лежал Горький, и сказал членам семьи:

– Алексей Максимович кончается. Можете пойти попрощаться.

Мы вошли в конату. По одному подходили к писателю. Он смотрел на нас, но сказать что-либо уже не мог. Я, помню, подошла, поцеловала его в лоб, взяла его руку. Он посмотрел на меня и как-то нежно-нежно погладил мне руку.

Медицинская сестра (Олимпиада Дмитриевна) предложила впрыснуть камфору. Я набрала камфору в шприц и передала Олимпиаде Дмитриевне, которая тотчас же и сделала

инъекцию. А в это время П.П. Крючков позвонил по телефону в Кремль Сталину и сообщил о том, что Алексей Максимович кончается.

Вскоре к нам приехали Сталин, Молотов и Ворошилов.

К их приезду Горький как бы воскрес. Видимо, сказала камфора. Он стал разговаривать. Более того – потребовал шампанского и вместе с приезжими выпил целый бокал вина.

На другой день он встал, ходил по комнате и играл с нами в карты – в подкидного дурака. Мы все воспрянули духом. Думали, что кризис миновал, что и на этот раз писатель выбрался из болезни и будет жить. Так продолжалось два дня.

За это время Сталин, Молотов и Ворошилов приезжали еще раз. Сталин рассматривал лекарства, находившиеся на столе, копался в них. Через некоторое время после его отъезда Горькому сделалось плохо, он потерял сознание и вскоре умер. У меня создалось впечатление, что его отравили. Об этих своих догадках я никому не говорила.

Как вы думаете, мог Сталин его отравить? – спросила Надежда Алексеевна. – Врачей я не подозреваю. Они Горького любили и пойти на такое преступление не могли.

Я ответил, что в отравление не верю. Стал разубеждать ее в ее подозрениях. Но, откровенно говоря, моя аргументация действовала на нее слабо. У меня создалось впечатление, что в отравление она верит. Да и как не верить, когда все факты последних дней жизни Горького подтверждают эту ее оценку.

После разговора я долго думал о сообщенных мне Надеждой Алексеевной фактах, взвешивал их и в конце концов пришел к выводу: она права. Человек, организовавший убийство Кирова и многих своих друзей, мог, разумеется, убить и Горького. Тем более, что он ему мешал...

Сталин неоднократно говорил мне:

– Не понимаю, почему Горький цепляется за оппозиционеров? Он все время добивается выдвижения их на руководящую работу».

Сталин, разумеется, мог убить Горького, как он убил миллионы других людей. Но фактов, свидетельствующих о том, что Горький был убит, а не умер своей смертью, все же нет. Да на самом деле не было ему нужды торопить смерть писателя, который в последние годы жизни своим пером изрядно помог Сталину.

ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО НА СКАМЬЕ ПОДСУДИМЫХ

Процесс над правотроцкистским блоком начался в марте 1938 года. Главным судьей был председатель Военной коллегии Верховного суда СССР армвоенюрист Василий Васильевич Ульрих. Обвинителем – Прокурор СССР Андрей Януарьевич Вышинский.

На скамье подсудимых сидели бывший член политбюро, «любимец партии» Николай Иванович Бухарин, бывший глава правительства Алексей Иванович Рыков, бывший наркомвнудел Генрих Григорьевич Ягода, бывший секретарь ЦК, а в последние годы заместитель наркома иностранных дел Николай Николаевич Крестинский, бывший член Реввоенсовета Республики и бывший нарком внешней торговли Аркадий Павлович Розенгольц и другие известные в стране люди, а также несколько крупнейших врачей. Медиков обвиняли в том, что они по заданию правотроцкистского блока умышленно довели до смерти своих знаменитых пациентов: Менжинского, Куйбышева, Горького и его сына Максима Пешкова. «Врачами-убийцами» руководил Ягода.

Вот как об этом со всей силой своего красноречия рассказывал прокурор Вышинский: «Ягода выдвигает свою хитроумную мысль: добиться смерти, как он говорит, от болезни... Подсунуть ослабленному организму какую-либо инфекцию... помогать не больному, а инфекции, и таким образом свести больного в могилу».

Врачи рассказывали, как Ягода затянул их в свои преступные сети.

«Л е в и н. Он сделал мне весьма ценный подарок: предоставил в собственность дачу в подмосковной местности... Давал знать на таможенно, что меня можно пропустить из-за границы без осмотра... Я привозил вещи жене, женам своих сыновей... Он сказал мне: Макс (Максим Пешков – сын Горького. – Л. М.) не только никчемный человек, но и оказывает на отца вредное влияние...» Он дальше сказал: «Вы знаете, руководитель какого учреждения с вами говорит? Я ответствен за жизнь и деятельность Алексея Максимовича, а поэтому, раз нужно устранить его сына, вы не должны останавливаться перед этой жертвой». Он сказал: «Раз вам оказывается доверие в этом деле, вы это должны ценить. Вы никому не сможете об этом рассказать. Вам никто не поверит. Не вам, а мне поверят».

Левин «признавался», что убил Менжинского и Максима Пешкова, и после этого Ягода потребовал совершить новое преступление.

«Ягода сказал: «Ну вот, теперь вы совершили эти преступления, вы всецело в моих руках и должны идти на гораздо более серьезное и важное – убить Горького... И вы пожнете плоды при приходе новой власти...»

Это было первое «дело врачей». Второе Сталин затеял на склоне жизни, но не успел довести до конца, потому что умер.

И в обоих случаях люди верили в рассказы о «врачах-убийцах» и охотно доносили на знакомых врачей. Вот пример. По делу «антисоветского правотроцкистского блока» судили и профессора Института функциональной диагностики, консультанта Лечебно-санитарного управления Кремля Плетнева.

Платон Керженцев, председатель Комитета по делам искусств, 8 марта 1938 послал записку Молотову и Вышинскому:

«В связи с привлечением Д. Плетнева к суду я считаю нужным напомнить обстоятельства смерти т. Ф. Держинского.

После сердечного припадка его положили в соседней с залой заседания комнате.

Через несколько часов доктора позволили ему самому пойти к себе на квартиру. Когда он пришел и наклонился над квартирой, он упал и умер.

Известно, что после сердечного припадка больному воспрещается абсолютно всякое движение (а особенно воспрещается ходить, наклоняться).

Среди вызванных к т. Держинскому докторов был и Плетнев. Разрешив т. Держинскому пойти, он этим убил его».

Подсудимые обвинялись в том, что они «составили заговорщическую группу под названием «правотроцкистский блок», поставившую своей целью шпионаж в пользу иностранных государств, вредительство, диверсии, террор, подрыв военной мощи СССР, расчленение СССР и отрыв от него Украины, Белоруссии, Среднеазиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана...»

Подсудимые охотно подтверждали обвинения.

«Б у х а р и н. Летом 1934 года Радек (Карл Бернгардович Радек – член ЦК и исполкома Коминтерна. – Л. М.) мне сказал, что Троцкий уже обещал немцам целый ряд территориальных уступок, в том числе Украину. Если мне память не изменяет, там же фигурировали территориальные уступки и Японии».

«К р е с т и н с к и й. В одном из разговоров Тухачевский назвал мне несколько человек, на которых он опирается: Якира, Уборевича, Корка, Эйдемана (видные советские военачальники, мы вернемся к их судьбе в следующей главе. – Л. М.). Затем... поставил вопрос о необходимости ускорения переворота... Переворот приурочивался к нападению Германии на Советский Союз...»

«Р о з е н г о л ь ц. Тухачевский указывал срок, полагая, что до 15 мая ему удастся этот переворот осуществить... Один из вариантов – возможность для группы военных собраться у

него на квартире, проникнуть в Кремль, захватить кремлевскую телефонную станцию и убить руководителей...»

«К р е с т и н с к и й. Трощкий предложил мне... предложить главе рейхсвера Секту, чтобы он оказывал Троцкому систематическую денежную субсидию... если Сект попросит оказание ему услуг в области шпионской деятельности, то на это нужно и можно пойти. Я поставил вопрос перед Сектом, назвал сумму 250 тысяч марок золотом в год. Сект дал согласие...»

Главные показания против Ягоды дал старший майор госбезопасности Павел Петрович Буланов, бывший глава секретариата НКВД и первый помощник бывшего наркома, пользовавшийся полным его доверием. По отзывам коллег, Буланов был подхалимом и занимался распределением среди высшего руководящего состава перехваченной контрабанды и ценностей, конфискованных у арестованных.

На суде Буланов рассказал, что Ягода опасался, что новый нарком Ежов сможет выявить его роль в организации убийства Кирова, и решил убить Ежова.

«Когда Ягода был снят с должности наркома внутренних дел, он предпринял уже прямое отравление кабинета и той части комнат, которые примыкают к кабинету, здания НКВД, там, где должен был работать Николай Иванович Ежов.

Он дал мне лично прямое распоряжение подготовить яд, а именно взять ртуть и растворить ее кислотой. Я ни в химии, ни в медицине ничего не понимаю, может быть, путаюсь в названиях, но помню, что он предупреждал против серной кислоты, против ожогов, запаха и что-то в этом духе...

Это поручение Ягоды я выполнил, раствор сделал. Опрыскивание кабинета, в котором должен был сидеть Ежов, и прилегающих к нему комнат, дорожек, ковров и портьер было произведено Саволайненом (сотрудник НКВД) в присутствии меня и Ягоды.

Я приготавливал большие флаконы этого раствора и передавал их Саволайнену. Распыкивал тот из пульверизатора. Помню, это был большой металлический баллон с большой грушей. Он был в уборной комнате Ягоды, заграничный пульверизатор».

Этот фантастический рассказ произвел сильное впечатление на современников. Михаил Афанасьевич Булгаков в «Мастере и Маргарите» не мог пропустить такого сюжета. В главе «Великий бал у сатаны», где описывается, как Маргарита вынуждена встречать всех самых отвратительных преступников, среди последних гостей появляется новенький, который получил «совет, как избавиться от одного человека, разоблачений которого он чрезвычайно опасался. И вот он велел своему знакомому, находящемуся от него в зависимости, обрызгать стены кабинета ядом...».

Точка в этой истории с мнимым отравлением ртутью была поставлена только в наши дни. Генеральная прокуратура в 1988 году установила:

«Террористический акт в отношении Н.И. Ежова (ртутное отравление) был фальсифицирован им самим и бывшим начальником контрразведывательного отдела НКВД Николаевым.

Перед разработкой легенды Николаев получил консультацию об условиях возможного отравления ртутью у начальника химакадемии РККА Авиновицкого, после чего в обивку мягкой мебели кабинета Ежова втер ртуть и дал на анализ.

Работник НКВД Саволайнен, имевший доступ в кабинет Ежова, в результате систематического избиения «сознался» в подготовке ртутного отравления Ежова. После ареста Саволайнена в подъезд его дома была подброшена банка с ртутью, которую потом обнаружили и приобщили к делу в качестве вещественного доказательства».

По словам Буланова, Ягода намерен был после государственного переворота возглавить страну.

«Б у л а н о в. Он увлекался Гитлером, говорил, что его книга «Моя борьба» действительно стоящая... Он подчеркивал, что Гитлер из унтер-офицеров выбрался в такие люди... Он говорил, что Бухарин будет у него не хуже Геббельса... Он, председатель Совнаркома, при

таким секретаре, типа Геббельса, и при совершенно послушном ему ЦК, будет управлять так, как захочет».

Люди, сидевшие в Колонном зале Дома союзов, да и вся страна, которая читала стенограммы процесса, этому верили.

Павла Петровича Буланова арестовали на пять дней раньше Ягоды – 29 марта 1937-го, а расстреляли их в один день.

Ягода только раз возразил обвинителю: «Прокурор безапелляционно считает доказанным, что я был шпионом. Это неверно. Я – не шпион и не был им».

Бывший нарком логично отметил, что если бы он был шпионом на самом деле, то «десятки стран могли бы закрыть свои разведки – им незачем было бы держать в Союзе такую сеть шпионов, которая сейчас переловлена».

В последнем слове Ягода просил о снисхождении: «Граждане судьи! Я был руководителем величайших строек. Я смею просить пойти работать туда хотя бы в качестве исполняющего самые тяжелые работы...»

Слова обвиняемых не имели никакого значения. Мера наказания была определена Сталиным еще до начала процесса.

13 марта 1938 года суд приговорил Ягodu к высшей мере наказания. Ему разрешили написать просьбу о помиловании:

«В Президиум Верховного Совета от приговоренного к в. м. Г.Г. Ягоды»

ПРОШЕНИЕ О ПОМИЛОВАНИИ

Вина моя перед родиной велика. Не искупив ее в какой-либо мере, тяжело умереть. Перед всем народом и партией стою на коленях и прошу помиловать меня, сохранив мне жизнь.

Г. Ягода 13.03.1938 г.».

Президиум Верховного Совета СССР тут же прошение отклонил. В ночь на 15 марта его расстреляли.

ЧИСТИЛЬЩИКИ В ГОРОДЕ

Вслед за Ягодой был арестованы, а затем и расстреляны его бывшие заместители Яков Саулович Агранов и Георгий Евгеньевич Прокофьев, начальники ведущих отделов: Иностранного – Артур Христианович Артузов, Спецотдела (шифровальная служба) – Глеб Иванович Бокий, Особого отдела (контрразведка в армии) – Марк Исаевич Гай, транспортного (борьба с диверсиями на транспорте) – Владимир Александрович Кишкин (до ареста заместитель наркома путей сообщения) и Александр Михайлович Шанин, экономического (борьба с диверсиями и вредительством в промышленности) – Лев Григорьевич Миронов, секретно-политического (борьба с враждебными политическими партиями) – Георгий Андреевич Молчанов, Оперативного отдела (охрана политбюро, наружное наблюдение, аресты и обыски) – Карл Викторович Паукер.

Даже Паукер, охранявший генерального секретаря, разонравился Сталину. Карл Викторович попал в органы госбезопасности самым странным образом. Он родился во Львове, который до Первой мировой войны входил в состав Австро-Венгрии. Паукер вообще никогда и ничему не учился, работал в парикмахерской отца, затем на кондитерской фабрике.

После начала Первой мировой войны его мобилизовали в австро-венгерскую армию. В апреле 1915 года фельдфебель 1-го уланского полка Паукер попал в русский плен и оказался в Туркестане. Он приветствовал революцию и в мгновение ока из военнопленного превратился

в активного борца за советскую власть. В 1917 году он уже председатель полевого трибунала в Самарканде, а на следующий год становится чекистом.

В 1920-м его взяли в Иностранный отдел ВЧК, но быстро перевели в Оперативный отдел, созданный для производства обысков, арестов и наружного наблюдения. Со временем Оперативному отделу поручили и охрану руководителей партии и государства. В мае 1923 года Паукер стал начальником оперативного отдела.

Карл Викторович был весельчаком и балагуром, он немало веселил вождя и стал очень близким к Сталину человеком, который сделал его комиссаром госбезопасности второго ранга (это приравнялось к армейскому званию генерала-полковника), наградил несколькими орденами. Но барская любовь рано или поздно заканчивается. В апреле 1937 года Паукер был арестован. Через месяц его приговорили к высшей мере наказания и сразу расстреляли.

Паукера сменил Николай Сидорович Власик, который был образованнее Паукера – окончил церковно-приходскую школу. До революции он работал на бумажной фабрике, в Первую мировую – унтер-офицер запасного пехотного полка. После революции пошел в милицию, а в 1919-м его взяли в ВЧК. Как и Паукер, он в оперативном отделе госбезопасности, с 1931 года был поставлен охранять вождя и, в конце концов, сменил Паукера.

Агранов, связанный со Сталиным особыми отношениями, был уверен, что его минует чаша сия: в должности понизят, но оставят на свободе. 16 мая 1937 года он был назначен начальником УНКВД по Саратовской области. Но на новом месте ему удалось поработать всего два месяца.

В середине июня в Саратов приехала бригада чистильщиков – секретарь ЦК Андреев и заведующий отделом руководящих партийных кадров Маленков. Они объезжали город за городом, планомерно уничтожая местные партийные кадры.

19 июля Андреев и Маленков доложили Сталину из Саратова, что партийное руководство области они сменили, что снятый с должности бывший первый секретарь обкома должен быть арестован, а чистку необходимо продолжить:

«Ознакомление с материалами следствия приводит к выводу, что в Саратове остается до сих пор неразоблаченной и неизъятой серьезная правотроцкистская шпионская организация.

Агранов, видимо, и не стремился к этому... Сам аппарат Саратовского УНКВД до сих пор остается нерасчищенным от врагов... Агранов ничего в этом отношении не сделал. На основании этого считаем целесообразным Агранова сместить с должности и арестовать».

Пожелание Андреева и Маленкова было исполнено.

Жену Ягоды приговорили сначала к шести годам лагерей, а через несколько месяцев после расстрела мужа и ее расстреляли. Эта же судьба ждала и других родственников опального наркома.

Родители Ягоды пытались спастись от неминуемой расправы, настигавшей родственников врага народа. Его отец написал покаянное письмо Сталину:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Наш старший сын, Михаил, в возрасте 16 лет был убит на баррикадах в Сормове в 1905 году, а третий сын, Лев, в возрасте 19 лет был расстрелян во время империалистической войны царскими палачами за отказ идти в бой за самодержавие.

Их память и наша жизнь омрачена позорным преступлением Г.Г. Ягоды, которого партия и страна наделили исключительным доверием и властью. Вместо того, чтобы оправдать это доверие, он стал врагом народа, за что должен понести заслуженную кару.

Лично я, Григорий Филиппович Ягода, на протяжении многих лет оказывал партии активное содействие еще до революции 1905 года (в частности, помогал еще молодому тогда Я.М. Свердлову) и позднее. В 1905 г. на моей квартире в Нижнем Новгороде (на Ковалихе, в доме Некрасова) помещалась подпольная большевистская типография...

Обращаясь к Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, с осуждением преступлений Г.Г. Ягоды, о которых нам известно лишь из печати, мы считаем необходимым Вам сказать, что он в личной жизни в течение десяти лет был очень далек от своих родителей и мы ни в малейшей мере не можем ему не только сочувствовать, но и нести за него ответственность, тем более что ко всем его делам никакого отношения не имели.

Мы, старики, просим Вас, чтобы нам, находящимся в таких тяжелых моральных и материальных условиях, оставшихся без всяких средств к существованию (ибо не получаем пенсию), была бы обеспечена возможность спокойно дожить нашу, теперь уже недолгую жизнь в нашей счастливой Советской стране.

Мы просим оградить нас, больных стариков, от разных притеснений со стороны домоуправления и Ростокинского райсовета, которые уже начали занимать нашу квартиру и подготавливают, очевидно, другие стеснения по отношению к нам...»

Родителей Ягоды, разумеется, тоже арестовали. Они умерли в заключении.

В 1991 году в журнале «Огонек» было опубликовано письмо человека, который сидел вместе с отцом бывшего наркома Ягоды: «Судьба старого Ягоды была трагической... Через неделю его уже не было в живых... Хотя я просидел в заключении и ссылке 17 лет по милости Генриха Ягоды, но к его отцу и детям я вражды не имею. Все мы жертвы сталинского режима и системы...»

Глава 4

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ЕЖОВ

Я имел удовольствие беседовать с человеком, который знал Николая Ивановича Ежова, сживал с ним за одним столом. Это известный писатель Лев Эммануилович Разгон. Он прошел лагерь, выжил. Был зятем Ивана Михайловича Москвина, который в конце 20-х годов стал вестать в ЦК всеми руководящими партийными кадрами и сделал Ежова своим помощником.

ОБЕД ДЛЯ «ВОРОБЫШКА»

Вот что Лев Разгон рассказал мне о Москвине и Ежове:

– Иван Михайлович Москвин работал в Ленинграде и презирал ленинградского вождя Зиновьева, называл его трусом. Москвин был одним из немногих ленинградцев, резко выступивших против Зиновьева. И сразу стал любимчиком Сталина, который перевел его в Москву. Но его роман со Сталиным не состоялся: они были люди разного сорта. Москвин был ригорист, человек дореволюционной партийной скромности.

Дом Москвина славился гостеприимством: его жена Софья Александровна Бокий, женщина удивительной доброты и душевной щедрости, слыла хлебосольной хозяйкой.

Днем Москвин приезжал домой обедать и привозил с собой Ежова, к которому хорошо относился.

– Мне Ежов нравился, – говорил Разгон. – Он был очень маленького роста и вызывал, как все маленькие люди, жалость, даже нежность. Он был очень тихий, всегда одет одинаково в синюю сатиновую косоворотку и довольно мятый костюм. Он был очень молчалив, худ, и поэтому Софья Александровна его опекала и безумно за него беспокоилась. Она называла его «воробышком»: «Воробышек, вам нужно побольше есть!»

Воробышек тихо клевал и помалкивал...

Разгон однажды спросил Москвина:

– А что, Ежов такой хороший работник? Вы его высоко цените.

Москвин подумал и ответил:

– Ежов, вероятно, лучший работник из тех, кого я знаю.

А знал он очень многих.

– Это редкий человек в том смысле, что, отдав ему приказание, можно его не проверять, – сказал Москвин. – Он все сделает. У него только один недостаток, и его все-таки надо проверять.

– А, значит, он что-то может сделать не так?

– Нет, он все сделает как надо. Но он никогда не остановится. Во всяком деле есть известный предел, когда надо остановиться. Ежов никогда не останавливается...

И Москвин, и его жена Софья Александровна были арестованы, вспоминает Лев Разгон:

– Об Иване Михайловиче, еще будучи на воле, мы ходили справляться на Кузнецкий, 24, где располагалась справочная НКВД. Нам отвечали: «Десять лет удаленных лагерей без права переписки». А мы тогда не знали, что это означает расстрел. Думали, что действительно созданы лагеря для ответственных работников, которых нельзя держать в общих лагерях. Мы еще ничего тогда не понимали...

Москвина расстреляли в 1937 году. А что касается судьбы Софьи Александровны, то Разгон был уверен, что она погибла в Мордовии, в Потье, в тех лагерях, где держали жен членов семьи «врагов народа»...

Прошли годы, и на Лубянке Льву Разгону показали дело Софьи Александровны. Он увидел постановление об ее аресте. Это был, собственно, ордер на арест Москвина. На нем обычная резолюция прокурора Вышинского: «Согласен». И резолюция Ежова: «К исполнению. Арестовать». Нарком подписал ордер и потом вдруг приписал: «И жену его тоже».

Все следственные дела состоят обычно из двух-трех протоколов допроса. Первый состоит из сплошных восклицательных знаков: «Что вы! Да никогда!» – и негодующих заявлений... Проходит два-три месяца, и появляется еще один протокол, в котором арестованный признается абсолютно во всем, в любой глупости.

В деле Софьи Александровны Разгон нашел два протокола. Первый: она сознается в том, что, будучи женой Москвина, знала о всех его преступлениях. Обычный протокол допроса члена семьи «врага народа».

Потом долгий перерыв. И вдруг на допросе она признает, что пыталась отравить Ежова... Такое задание получила от агента английской разведки...

В отличие от многих, кого расстреляли без суда, ее судила Военная коллегия. Сохранился коротенький протокол: она признается во всех грехах и просит ее пощадить. Ее приговорили к высшей мере по закону от 1 декабря 1934 года. Приговор приведен в исполнение.

После XX съезда она была реабилитирована. Следователь, который ее допрашивал, дал показания. Он пишет, что она была арестована как ЧСИР – член семьи изменника Родины. Но следователей вызвал Ежов и приказал: «Получите от нее показания о том, что она хотела меня отравить».

И Софья Александровна умерла не в мордовских лагерях как член семьи (а она бы там наверняка умерла, будучи нездоровым человеком), а была вытащена на эту Военную коллегия и сразу расстреляна.

– Почему Ежов решил расстрелять женщину, которая была к нему так добра? – задавался вопросом Лев Разгон. – Это тоже одна из тайн его странной и страшной души...

ДОЛГАЯ ДОРОГА В КРЕМЛЬ

Петербургские авторы Борис Борисович Брюханов и Евгений Николаевич Шошков написали очень подробную биографию Ежова, хотя все равно в истории его жизни остаются темные пятна.

Не удалось толком выяснить, кто были его родители. Да это и не так важно. Известно, что учился будущий нарком совсем мало – один класс начального училища (потом еще курсы марксизма-ленинизма при ЦК партии) и остался необразованным, малограмотным человеком, зато обладал каллиграфическим почерком.

Он начинал учеником в слесарно-механической мастерской, учился портняжному делу, трудился на кроватной фабрике.

Ежов писал в автобиографии, что работал в Петрограде на Путиловском заводе, – в те годы это звучало почетно, но подтверждений сему факту нет. Он несколько лет прослужил в армии – в запасном полку, потом в артиллерийских мастерских.

В годы его взлета писали, что он занимался активной революционной работой, чего, судя по всему, тоже не было. Но все-таки 5 мая 1917 года, до Октябрьской революции – что потом особенно ценилось, – он вступил в партию большевиков.

В первом издании «Краткого курса истории ВКП(б)» говорилось так: «На Западном фронте, в Белоруссии, подготовлял к восстанию солдатскую массу т. Ежов». Поскольку Ежова расстреляли, эта фраза из последующих изданий «Краткого курса» исчезла.

В Гражданскую войну служил комиссаром базы, где обучали военных радистов и электромехаников. Причем Ежов был назначен приказом начальника политуправления Реввоенсовета Республики – попал в номенклатуру.

База находилась в Казани, и Ежов стал одновременно работать заместителем заведующего агитационно-пропагандистским отделом Татарского обкома партии, а потом заместителем ответственного секретаря Татарского обкома.

В те же годы он женился на образованной женщине – Антонине Алексеевне Титовой, которая не только окончила гимназию, но и поступила в Казанский университет. Она отправилась в Москву и нашла себе неплохую работу заведующей культотделом профсоюза химиков.

Вслед за ней в столицу приехал и Николай Иванович. И в ЦК обратили внимание на молодого партийца: через полгода, в феврале 1922-го, оргбюро ЦК отправило его секретарем обкома в Марийскую автономную область. На решении подпись секретаря ЦК Вячеслава Михайловича Молотова.

Историки тщетно пытаются понять, кто ворожил Ежову, кто включил его в партийную элиту, кто давал ему высокие партийные должности. Связи и знакомства, конечно, большое дело в карьере. Но в те времена ощущался очевидный голод на партийные кадры, не хватало элементарно грамотных людей для исполнения секретарских функций, каждый толковый человек был нужен. А Николай Иванович Ежов был толковым работником.

По мнению профессора Некрасова, Ежова отличали природная сметка и рабоче-крестьянский практический ум, чутье, умение ориентироваться. А позднее бесконечная преданность Сталину – не показная! Искренняя!

В марте 1922 года Ежов с женой поехали в Краснококшайск, который сейчас называется Йошкар-Ола. Жена Ежова возглавила бюро по истории партии при обкоме. Она, видимо, и написала за мужа несколько статей в областном журнале. Но работа в Краснококшайске у Ежова не сложилась. Он вел себя грубо, высокомерно, поссорился с местными работниками, и уже осенью ЦК его отозвал.

Неприятная история сошла Ежову с рук. Следующего назначения ему, правда, пришлось довольно долго ждать, но в марте 1923 года его рекомендовали секретарем Семипалатинского губернского комитета партии. Там у Ежова тоже не заладилось. Он переехал в Оренбург с понижением – на должность заведующего отделом обкома, а потом все же стал секретарем крайкома в Кзыл-Орде (этот город был тогда столицей Казахской АССР). Видимо, была в Ежове организаторская жилка.

Летом 1927 года его вызвали в Москву: заведующий организационно-распределительным отделом ЦК Иван Михайлович Москвин предложил ему должность инструктора. Этот низший в цековской иерархии пост стал для Ежова трамплином. На Старой площади Ежов понравился. Москвин вскоре сделал его своим помощником, а затем заместителем. Он приобрел славу человека, умеющего работать с людьми.

Тут уж Ежова стали сватать на разные должности – то секретарем Татарского обкома, то заместителем наркома земледелия по кадрам, куда его и направили в декабре 1929 года, накануне кампании коллективизации и раскулачивания.

Тогда же Ежов по-новому устроил свою жизнь. С Антониной Алексеевной Титовой разошелся – это и спасло ей жизнь, ее никто не тронул – и женился на женщине, с которой познакомился на Кавказе. Для Евгении Халютиной-Гладун, общительной и веселой женщины, это был третий брак.

В ноябре 1930 года Ежов был назначен заведующим распределительным отделом ЦК, то есть стал вестись всеми партийными кадрами страны. Заведующий этим важнейшим отделом подчинялся непосредственно Сталину. Москвина к тому времени из партийного аппарата убрали. Ежовский отдел вскоре переименовали в отдел руководящих партийных кадров.

При этом Ежов, судя по воспоминаниям, вел себя скромно, казался доступным и приятным человеком, держался весьма демократично, любил выпить и погулять, хорошо пел и сочинял стихи. Бухарин считал его человеком «доброй души». Потом Ежова будут называть «кровавым карликом».

Писатель Юрий Домбровский, который был в ссылке в Казахстане, писал, что среди его знакомых «не было ни одного, который сказал бы о Ежове плохо. Это был отзывчивый, гуманный, мягкий, тактичный человек».

ГЛАВНЫЙ ИНКВИЗИТОР

В 1933 году Николая Ивановича назначили председателем Центральной комиссии по чистке партии. На XVII съезде избрали заместителем председателя Комиссии партийного контроля, а вскоре он сменил Кагановича на посту председателя Комиссии партийного контроля.

24 ноября 1934 года Лиля Брик, в которую был влюблен Маяковский, отправила письмо Сталину. Она писала, что о Маяковском пытаются забыть, а это несправедливо.

Сталин написал на письме резолюцию, адресованную Ежову: «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразличие к его памяти – преступление... Привлеките к делу Таля и Мехлиса и сделайте, пожалуйста, все, что упущено нами. Если моя помощь понадобится, я готов».

Ежов тут же позвонил Лиле Брик в Ленинград: не может ли она приехать в Москву?

– Четвертого буду в Москве.

– Нельзя ли раньше?

Лиля взяла билет и приехала днем раньше. Ежов принял ее незамедлительно:

– Почему вы раньше не писали в ЦК? Я Маяковского люблю, но как гнусно его издают, на какой бумаге.

– На это-то я и жалуюсь, – сказала Лиля Брик.

Сталин попросил заняться этим делом именно Ежова, потому что точно знал: Николай Иванович сделает все мыслимое и немислимое. И Ежов не подвел: принятых им решений о почитании Маяковского хватило до самой перестройки.

В перестроечные годы был опубликован интереснейший дневник бывшего партийного работника профессора Александра Григорьевича Соловьева, который в середине 30-х работал в Институте мирового хозяйства и мировой политики. Институтом руководил академик Евгений Варга, уважаемый даже партийным руководством.

В марте 1935 года Соловьев спросил у заведующего отделом науки ЦК Карла Яновича Баумана, «что за причина такого быстрого выдвижения Ежова, ведь до недавнего времени совсем не было известно его имя. Бауман улыбнулся, говорит: он показывает себя очень твердым человеком с огромным нюхом. За него горой Каганович. Очень доверяет и т. Сталин».

Ежов, став главным партийным инквизителем, взялся и за институт Варги. Ему повсюду виделись враги.

На совещании у секретаря ЦК Жданова Ежов насмешливо спросил у академика Варги, «почему в таком квалифицированном аппарате свободно гнездились и, наверное, гнездятся враги народа. Он сказал, что не доверяет политэмигрантам и побывавшим за границей... Ежов добавил, что т. Сталин учит: бдительность требует обязательного выявления антипартийных и враждебных элементов и очищает от них».

Руководителей института вызвали в НКВД, сказали, что чекисты считают институт засоренным чужими людьми. Академик Варга запротестовал. Тогда его повели к Ежову, сказав ему, что Варга считает НКВД помехой в работе.

«Ежов рассердился, сказав, что мы забываем призывы великого вождя и учителя гениального Сталина к высокой бдительности... Среди сотрудников – эмигрантов и бывших за границей, – наверное, имеются завербованные американской, английской, французской и другими контрразведками и агенты фашистского гестапо. Ежов приказал немедленно представить на каждого всестороннюю характеристику и особый список близко соприкасавшихся с Зиновьевым, Каменевым, Сафаровым, Радеком, Бухариным...»

Руководство академического института пыталось отстоять свое право заниматься своим непосредственным делом. Академик Варга не понимал, что наступают новые времена, что предстоит тотальная чистка и именно поэтому на первые роли выдвинут Николай Иванович Ежов.

«Нас вызывал Ежов, – вновь записывает в дневник профессор Соловьев. – Щуплый, несколько суетливый и неуравновешенный, он старался держаться начальственно. Он сказал, что мы должны помогать ему в раскрытии контрреволюционного подполья. Варга возразил, что мы научная организация, а не охранный орган. Ежов нервно напомнил, что наш институт наполнен темными личностями, связанными с границей, значит, тесно связан с органами охраны, вылавливающими шпииков и заговорщиков.

Варга возмутился, сказал, что институт никогда не будет разведывательным филиалом, просил не мешать заниматься научной работой. Ежов рассердился и потребовал представить секретные характеристики на каждого сотрудника с подробным указанием его деятельности и связей с границей...»

Уверенный в себе Варга, не желая покоряться, пошел в ЦК жаловаться на Ежова. Он был уверен, что его поддержат и велят Ежову оставить его в покое.

«Бауман сказал, что он не судья члену политбюро, и повел к Жданову, – записывает Соловьев. – Узнав суть жалобы, Жданов позвонил т. Сталину. Скоро пришел т. Сталин. Спросил Варгу, чем его обидел Ежов. Варга ответил: ничем, но требует не свойственной институту работы.

Тов. Сталин нахмурился, но спокойно объяснил. Вероятно, Варга не представляет всей трудности работы Ежова. Он сказал, что Варга, несомненно, большой уважаемый ученый, много помогает ЦК, СНК, Коминтерну, его очень ценят, но он недостаточно ясно понимает всю сложность современной внутривнутриполитической обстановки. А от этого выигрывает враг. Мы ушли, поняв, что надо выполнять требования Ежова...»

1 февраля 1935 года Ежова избрали секретарем ЦК.

Секретарей ЦК, помимо Сталина, было всего трое: Жданов, работавший в Ленинграде, Каганович, больше занимавшийся наркоматом путей сообщения, и Ежов, который фактически и ведал всеми партийными делами. Сталин вызывал к себе Ежова чаще других членов партийного руководства, доверял ему, ценил его надежность, безотказность и преданность. Чаще Сталин принимал только Молотова, главу правительства и второго человека в стране.

По указанию Сталина Ежов понемногу влезает в дела НКВД. Сталин, осторожничая, не любил напрямую давать органам всякого рода сомнительные поручения, предпочитал передавать их через кого-то. В последние годы его жизни это будет Берия. В середине 30-х годов эту роль исполняет Ежов, который объясняет чекистам, что и как следует делать.

«МУДРОЕ РЕШЕНИЕ НАШЕГО РОДИТЕЛЯ»

26 сентября 1936 года Николая Ивановича назначили наркомом внутренних дел вместо Ягоды. Ежов сохранял все свои партийные должности, оставался секретарем ЦК и председателем Комиссии партийного контроля. Но политбюро обязало его «девять десятых своего времени отдавать НКВД».

Лазарь Каганович написал наркому тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе: «Главная наша последняя новость это назначение Ежова. Это замечательное мудрое решение нашего родителя назрело и встретило прекрасное отношение в партии и в стране. У Ежова наверняка дела пойдут хорошо».

В следующем письме Каганович пишет: «Могу еще сказать, что у т. Ежова дела выходят хорошо! Он крепко, по-сталински, взялся за дело».

Назначение в наркомат внутренних дел не было для Ежова повышением. Его партийные должности были неизмеримо выше. Политические решения принимались в ЦК, наркомы были просто высокопоставленными исполнителями. Вот такого суперреволюционного исполнителя Сталин нашел в лице Ежова. Он был человеком со стороны, ни с кем на Лубянке не связанным, никому не обязанным. Он, по мнению Сталина, мог и должен был действовать в тысячу раз активнее Ягоды, который слишком врос в аппарат госбезопасности.

А в партийном аппарате Сталин ищет себе в помощь человека поумнее и находит его в лице молодого Георгия Максимилиановича Маленкова, который возглавил отдел руководящих партийных кадров.

Ежов сохранил за собой кабинет на пятом этаже здания ЦК на Старой площади и старался бывать здесь почаще. Для входа на пятый этаж даже сотрудникам аппарата ЦК требовался особый пропуск.

Дмитрий Трофимович Шепилов, будущий министр иностранных дел и секретарь ЦК при Хрущеве, в те годы работал в отделе науки ЦК. Однажды его вызвали к Ежову. На имя Сталина пришло письмо, в котором говорилось, что в Астраханском рыбном заповеднике окопались бывшие дворяне и белые офицеры. Письмо положили Сталину на стол. Он написал на нем: «Тов. Ежову – очистить от мусора».

«И вот мы у грозного и всемогущего Ежова, – вспоминает Шепилов. – Перед нами – маленький, щуплый человек, к наружности которого больше всего подходило бы русское слово «плюгавый». Личико тоже маленькое, с нездоровой желтоватой кожей. Каштаново-рыжеватые волосы торчат неправильным бобриком и лоснятся. На одной щеке рубец. Плохие, с желтизной зубы. И только глаза запомнились надолго: серо-зеленые, впивающиеся в собеседника буравчиками, умные, как у кобры...»

В ходе беседы он тяжело и натужно кашлял. Ходили слухи, что Ежов чахоточный. Он кашлял и сплевывал прямо на роскошную ковравую дорожку тяжелые жирные ошметки слизи».

23 февраля 1937 года в Москве начал работу печально известный февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б).

– За несколько месяцев, – зловещим голосом сказал с трибуны Ежов, – не помню случая, чтобы кто-нибудь из хозяйственников и руководителей наркоматов по своей инициативе позвонил бы и сказал: «Товарищ Ежов, что-то мне подозрителен такой-то человек, что-то там неблагополучно, займитесь этим человеком». Таких фактов не было. Чаще всего, когда ставишь вопрос об аресте вредителя, троцкиста, некоторые товарищи, наоборот, пытаются защищать этих людей.

Сталин выступил с докладом «О недостатках партийной работы и мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников». Троцкистов он назвал «оголтелой и беспринципной бандой вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств».

Сталин подвел идеологическую базу под террор:

– Чем больше мы будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее они будут идти на острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы, как последнее средство «обреченных».

В резолюции пленума говорилось: «Продолжить и завершить реорганизацию аппарата Наркомвнудела, в особенности аппарата Главного управления государственной безопасности, сделав его подлинно боевым органом, способным обеспечить возложенные на него партией и советским правительством задачи по обеспечению государственной и общественной безопасности в нашей стране».

Михаил Павлович Шрейдер вспоминал, как, собрав руководящий состав наркомата, Ежов сказал:

– Вы не смотрите, что я маленького роста. Руки у меня крепкие – сталинские. – При этом он протянул вперед обе руки, как бы демонстрируя их сидящим. – У меня хватит сил и энергии, чтобы покончить со всеми троцкистами, зиновьевцами, бухаринцами...

Он угрожающе сжал кулаки. Затем, подозрительно взглядываясь в лица присутствующих, продолжал:

– И в первую очередь мы должны очистить наши органы от вражеских элементов, которые, по имеющимся у меня сведениям, смазывают борьбу с врагами народа...

Сделав выразительную паузу, он с угрозой закончил:

– Предупреждаю, что буду сажать и расстреливать всех, невзирая на чины и ранги, кто посмеет тормозить дело борьбы с врагами народа.

Ежов рьяно взялся за дело. Один из членов политбюро зашел в ЦК к Ежову, который только что вернулся с Лубянки, и увидел, что у того на гимнастерке пятна крови, спросил:

– Что случилось?

– Такими пятнами можно гордиться, – ответил Ежов. – Это кровь врагов революции.

В марте 1937 года на пленуме ЦК Ежов выступил с докладом, в котором жестоко обрушился на работу НКВД, говорил о провалах в следственной и агентурной работе. Ежов начал с массовой чистки аппарата госбезопасности. Он привел туда новых людей, которые взялись за дело не менее рьяно, чем сам нарком.

Ежов убрал из органов госбезопасности 5 тысяч человек, столько же взял. А всего тогда, по сообщению историков Александра Кокурина и Никиты Петрова, в аппарате государственной безопасности трудилось 25 тысяч оперативных работников. Высшее образование имел 1 процент, 70 с лишним процентов – низшее.

Еще при Ягоде, в июле 1936-го, отдел кадров НКВД предписал «принимать на оперативную работу в органы ГУГБ только членов и кандидатов в члены ВКП(б) и членов ВЛКСМ, отслуживших или вовсе освобожденных от службы в РККА и имеющих образование не ниже семилетки». Более образованная публика появится на Лубянке только после войны.

САНКЦИЯ ПРОКУРОРА НЕ ТРЕБУЕТСЯ

На пленуме ЦК в июне 1937-го с докладом выступал Ежов. Он сказал, что «существует законспирированное контрреволюционное подполье, страна находится на грани новой Гражданской войны, и только органы госбезопасности под мудрым руководством Иосифа Виссарионовича Сталина способны ее предотвратить».

В начале июня ЦК нацреспублик, обкомы и крайкомы получили из ЦК телеграмму за подписью Сталина, в которой говорилось, что кулаки, которые возвращаются в родные места после ссылки, «являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных выступлений».

ЦК предлагал поставить всех бывших кулаков на учет для того, чтобы «наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки». Остальных предлагалось подготовить к высылке. Для проведения операции ЦК требовал образовать во всех областях тройки из секретаря партийного комитета, начальника управления НКВД и прокурора.

Это было началом большого террора. Ежов в те месяцы бывал в кабинете Сталина чаще любого другого руководителя страны.

В июле 1937-го все партийные комитеты, органы НКВД и прокуратуры получили инструкцию, подписанную Сталиным, Ежовым и Вышинским, «О порядке проведения и мас-

штабности акций по изъятию остатков враждебных классов бывших кулаков, активных анти-советских элементов и уголовников».

Затем Ежов подписал приказ № 00447 о начале 5 августа 1937 года операции, которую следовало провести в течение четырех месяцев. Все края и области получили разнарядку: сколько людей им следовало арестовать.

Арестованных делили на две категории. Арестованных по первой категории немедленно расстреливали, по второй – сажали в лагерь на срок от восьми до десяти лет.

Прокурор СССР Вышинский отправил шифротелеграмму прокурорам по всей стране: «Ознакомьтесь в НКВД с оперативным приказом Ежова от 30 июля 1937 г. за номером 00447... Соблюдение процессуальных норм и предварительные санкции на арест не требуются».

Расстрелять по всей стране предполагалось почти 76 тысяч человек, отправить в лагеря около 200 тысяч. Приказ о чистке вызвал невиданный энтузиазм на местах – областные руководители просили ЦК разрешить им расстрелять и посадить побольше людей. Увеличение лимита по первой категории утверждал лично Сталин. Он никому не отказывал.

Помимо этого составлялись списки высокопоставленных «врагов народа», которые подлежали суду военного трибунала. Приговор объявлялся заранее: расстрел. Эти расстрельные списки Ежов посылал на утверждение Сталину, Молотову и другим членам политбюро. Выглядели они так:

«Товарищу Сталину

Посылаю на утверждение 4 списка лиц, подлежащих суду: на 313, на 208, на 15 жен врагов народа, на военных работников – 200 человек. Прошу санкции осудить всех к расстрелу.

20 августа 1938 г.

Ежов».

Найдено 383 таких списка. Сталин обязательно заставлял всех членов политбюро подписывать эти расстрельные списки.

Он знал цену круговой поруке, чистеньким никто не остался. Скажем, Особый отдел ЦК 4 декабря 1937 года разослал всем членам и кандидатам в члены ЦК ВКП(б) письмо за подписью Сталина:

«На основании неопровержимых данных Политбюро ЦК ВКП(б) признано необходимым вывести из состава членов ЦК ВКП(б) и подвергнуть аресту как врагов народа:

Баумана, Бубнова, Булина, Межлаука В., Рухимовича и Чернова, оказавшихся немецкими шпионами, Иванова В., и Яковлева Я., оказавшихся немецкими шпионами и агентами царской охранки, Михайлова М., связанного по контрреволюционной работе с Яковлевым, и Рындина, связанного по контрреволюционной работе с Рыковым, Сулимовым. Все эти лица признали себя виновными.

Политбюро ЦК просит санкционировать вывод из ЦК ВКП(б) и арест поименованных лиц».

Каждый из членов ЦК писал «за» и расписывался. «Против» – не было. Письма возвращались во вторую часть Особого отдела ЦК.

«ВСЬ ИХ РОД ДО ПОСЛЕДНЕГО КОЛЕНА»

15 августа Ежов подписал новый приказ № 00486, означавший начало операции по аресту «жен изменников Родины, членов правотроцкистских, шпионско-диверсионных организаций, осужденных Военной коллегией и военными трибуналами по первой и второй категориям». Детей тоже ждала печальная судьба родителей: тех, кто постарше, отправляли в исправительно-трудовые колонии, маленьких отдавали в детские дома.

В приказе говорилось:

«Жены осужденных изменников родины подлежат заключению в лагеря на сроки, в зависимости от степени социальной опасности, не менее как 5–8 лет.

Социально опасные дети осужденных, в зависимости от их возраста, степени опасности и возможностей исправления, подлежат заключению в лагеря или исправительно-трудовые колонии НКВД или водворению в детские дома особого режима...

При производстве ареста жен осужденных дети у них изымаются и вместе с их личными документами в сопровождении специально наряженных в состав группы, производящей арест, сотрудника или сотрудницы НКВД, отвозятся:

а) дети до 3-летнего возраста – в детские дома и ясли Наркомздравов;

б) дети от 3-х до 15-летнего возраста – в приемно-распределительные пункты;

в) социально-опасные дети старше 15-летнего возраста в специально предназначенные для них помещения...

Наблюдение за политическими настроениями детей осужденных, за их учебной и воспитательной жизнью возлагаю на наркомов внутренних дел республик, начальников управлений НКВД краев и областей».

Зачем Сталину понадобилось так жестоко расправляться с семьями репрессированных? Не только для того, чтобы внушить стране дополнительный страх. Он не хотел, чтобы жены и дети арестованных оставались на свободе, жаловались соседям и коллегам и рассказывали о том, что их мужья и отцы невиновны. Зачем же позволять им сеять сомнения в правильности сталинских решений?

Я спрашивал Вячеслава Алексеевича Никонова, внука Молотова, сожалел ли потом Вячеслав Михайлович о репрессиях, о том, что он сам подписывал расстрельные списки?

– Они боялись интервенции и новой гражданской войны, – полагает Вячеслав Никонов. – Страх перед надвигающейся на Советский Союз войной был главным двигателем репрессий. Они считали, что надо убрать всех, кто вызывает сомнения, чтобы исключить угрозу нападения изнутри. Когда маховик был запущен, степень виновности каждого проверить было невозможно...

Сталин сам боялся «пятой колонны», внутренних врагов, и других пугал этой опасностью.

«Чтобы построить Днепрострой, надо пустить в ход десятки тысяч рабочих, – говорил Сталин. – А чтобы его взорвать, для этого требуется, может быть, несколько десятков человек, не больше. Чтобы выиграть сражение во время войны, для этого может потребоваться несколько корпусов красноармейцев. А для того, чтобы провалить этот выигрыш на фронте, для этого достаточно несколько человек шпионов где-нибудь в штабе армии или даже в штабе дивизии, могущих выкрасть оперативный план и передать его противнику».

Доктор исторических наук Олег Хлевнюк считает, что главной целью этой чистки было уничтожение потенциальной «пятой колонны» в преддверии войны. Чистили по анкетным данным по картотекам бывших врагов. Это было своего рода подведение итогов.

Гражданская война, чистки партии, аресты оппозиционеров, раскулачивание и коллективизация – все это затронуло миллионы людей. В число обиженных попала значительная часть населения страны. Их боялись. Сталин и его окружение помнили, что в Гражданскую их власть висела на волоске. Они хотели наперед обезопасить себя.

Михаил Павлович Шрейдер пересказал в воспоминаниях разговор со Станиславом Реденсом, наркомом внутренних дел Казахстана и родственником Сталина. Реденс говорил:

– Вот я нарком, член Центральной ревизионной комиссии, депутат Верховного Совета, не в состоянии противостоять этой грозной буре. Москва все время нажимает и нажимает, и я чувствую, что кончится тем, что и меня самого скоро посадят и расстреляют.

– Почему же вы, Станислав Францевич, не поставите вопрос перед самим Сталиным? – удивился Шрейдер. – Вы же его родственник, близкий человек.

– Неужели ты не понимаешь, что ставить подобный вопрос перед Иосифом Виссарионовичем – значит ставить вопрос о нем самом, – удивился Реденс наивности своего заместителя. – Разве может Ежов без его санкции арестовывать членов политбюро?

В Бутырской тюрьме арестованные боялись говорить с соседями, считая себя невиновными и подозревая в других настоящих врагов народа или секретных осведомителей.

Большинство были убеждены, что взяты по ошибке, и верили: как только об этом узнает Сталин, их сейчас же освободят. Почти все наперебой требовали бумагу, чтобы немедленно писать заявления и жалобы.

Но попытки кого-то спасти уже не удавались. Иван Михайлович Гронский, который был главным редактором «Известий» и журнала «Новый мир», возглавлял Союз писателей и, что важнее всего, долгое время имел прямой доступ к Сталину, пытался спасти талантливого поэта Павла Николаевича Васильева, арестованного в феврале 1937-го: «Когда его арестовали, я звонил дважды, трижды даже Ежову. Мы рассорились. Я позвонил И.В. Сталину, произошел резкий разговор. Мы поругались. Затем я ходил к М.И. Калинин, А.И. Микояну, В.М. Молотову. Мы оптом все пытались его спасти, особенно А.И. Микоян. Но ничего поделать не смогли. И этот яркий, талантливый поэт, может быть, самый выдающийся после В.В. Маяковского, погиб».

Сталину, должно быть, дико досаждали эти просьбы кого-то освободить, помиловать. Неужели его приближенные не понимали, что так надо? Что весь смысл репрессий, всесоюзной зачистки, говоря современным языком, заключается в тотальности? Никаких исключений! Дела есть на всех, скажем, на всех членов политбюро, в любой момент каждый из них может быть арестован. И нелепо задавать вопрос: почему именно он?

Генеральный секретарь исполкома Коминтерна Георгий Димитров 7 ноября 1937 года записал в дневнике, что на обеде у Ворошилова после праздничной демонстрации Сталин сказал:

– Мы не только уничтожим всех врагов, но и семьи их уничтожим, весь их род до последнего колена...

Анастас Иванович Микоян вспоминает, что без разрешения Сталина нельзя было звонить в НКВД. Было принято решение, которое запрещало членам политбюро вмешиваться в работу наркомата внутренних дел. Имелось в виду, что члены политбюро не смеют ни за кого вступаться.

Молотов приказал своим помощникам письма репрессированных не включать в перечень поступивших бумаг. Он не считал нужным кого-то миловать. Ведь массовые репрессии не были для него ошибкой. Это была политика, нужная стране.

Председатель Военной коллегии Верховного суда СССР Василий Васильевич Ульрих потом доложит, что за два ежовских года Военная коллегия приговорила «к расстрелу 36 514 человек, к тюремному заключению 5643 человека. Всего 42 157 человек». Любое дело они рассматривали не более 10–15 минут, иначе не сумели бы достичь такой фантастической производительности.

Ульрих расстреливал почти исключительно знакомых. Это были люди, с которыми он сидел на совещаниях и пленумах, вместе проводил выходные дни, отдыхал в Соснах, в Барвихе...

В 1937 году было арестовано за контрреволюционные преступления 936 750 человек, в 1938-м – 638 509. В 1937-м расстреляли 353 074 человека (то есть больше, чем каждого третьего). В 1938-м – 328 618 (каждого второго).

В лагерях и тюрьмах сидело миллион триста тысяч человек. Органы НКВД только за шпионаж в 1937 году осудили 93 тысячи человек. Сколько же шпионов было в стране!

Каждый начальник управления действовал в меру своей фантазии. Например, в Новосибирске был отдан приказ арестовать как германских шпионов всех бывших солдат и офицеров, которые в Первую мировую войну попали в немецкий плен...

ХОТЕЛ ЛИ МАРШАЛ СТАТЬ ДИКТАТОРОМ?

Под руководством Сталина Ежов провел массовую чистку Красной армии. Она началась с расстрела маршала Тухачевского и еще семи крупных военачальников.

Есть люди, которые и по сей день считают, что маршал Тухачевский поддерживал тесные отношения с изгнанным из страны Троцким, готовил государственный переворот и свержение Сталина, собираясь стать диктатором. Материалы суда над маршалом и его товарищами они читают как подлинный документ. Многие из тех, кто был возмущен расстрелом Тухачевского, тоже, нисколько его не осуждая, полагают, что нет дыма без огня: наверняка амбициозный маршал строил какие-то политические планы.

Имели ли эти подозрения и предположения реальную основу?

Фамилия Тухачевского замелькала в делах госбезопасности задолго до его расстрела. Доктор исторических наук Олег Хлевнюк нашел в рассекреченных теперь архивах документы, свидетельствующие о том, что в первый раз Тухачевского чекисты предложили арестовать еще в 1930 году.

Работники ОГПУ раскрыли очередной «заговор» – на сей раз в Военной академии. Выбили из арестованных показания о том, что глава заговора – Тухачевский. Обвинение то же: заговорщики собирались убить Сталина и захватить власть.

10 сентября 1930 года председатель ОГПУ Менжинский доложил Сталину, отдыхавшему на юге: «Арестовывать участников группы поодиночке – рискованно. Выходов может быть два: или немедленно арестовать наиболее активных участников группировки, или дождаться вашего приезда, принимая пока агентурные меры, чтобы не быть застигнутым врасплох. Считаю нужным отметить, что сейчас все повстанческие группировки созревают очень быстро и последнее решение представляет известный риск».

Сталин не спешит с ответом. Он пишет Орджоникидзе: «Стало быть, Тухачевский оказался в плену у антисоветских элементов и был сугубо обработан тоже антисоветскими материалами из рядов правых. Так выходит по материалам. Возможно ли это? Конечно, возможно, раз оно не исключено».

Потрясающая реакция. Сталин фактически признает, что чекистские материалы могут быть подлинными, а могут быть фальшивыми, то есть ОГПУ ничего не стоит сфабриковать заговор... Осенью Сталин, Орджоникидзе и Ворошилов устроили Тухачевскому очную ставку с арестованными и признали его невиновным. Тухачевский был еще нужен.

23 октября 1930 года в письме Молотову Сталин написал: «Что касается дела Тухачевского, то последний оказался чистым на все 100 процентов. Это очень хорошо».

Характерно, что ОГПУ выговора за фабрикацию дела не получило. За что ругать-то? Чекисты действовали по установленной для них методологии: органы выбивали показания на всех, а Сталин выбирал, что ему нужно в данный момент. Ненужное ждет своего часа...

Самое интересное, что ряд сотрудников ОГПУ открыто говорили в 1931 году, что арест военных – это дутое дело. Но Сталин приказал считать это «групповой борьбой против руководства ОГПУ», 6 августа 1931 года политбюро приняло решение убрать из госбезопасности «сомневающихся».

Сталин в тот же день подписал директивное письмо для ЦК нацреспублик, крайкомов и обкомов:

«Поручить секретарям национальных ЦК, крайкомов и обкомов дать разъяснение узкому активу работников ОГПУ о причинах последних перемен в руководящем составе ОГПУ на следующих основаниях:

1. Т.т. Мессинг и Бельский отстранены от работы в ОГПУ, тов. Ольский снят с работы в Особом отделе, а т.т. Евдокимов снят с должности начальника секретно-оперативного управления на том основании, что...

б) они распространяли среди работников ОГПУ совершенно не соответствующие действительности разлагающие слухи о том, что дело о вредительстве в военном ведомстве является «дутым» делом;

в) они расшатывали тем самым железную дисциплину среди работников ОГПУ...

ЦК отмечает разговоры и шушуканья о «внутренней слабости» органов ОГПУ и «неправильности» линии их практической работы как слухи, идущие без сомнения из враждебного лагеря и подхваченные по глупости некоторыми горе-«коммунистами».

Разработка Тухачевского продолжилась. Причем некоторые сообщения были фантастическими. Агент Зайончковская, дочь бывшего генерала царской армии, сообщила в 1934 году: «Из среды военной должен раздаться выстрел в Сталина... Выстрел этот должен быть сделан в Москве и лицом, имеющим возможность близко подойти к т. Сталину или находиться вблизи его по роду своих служебных обязанностей».

Тогдашний начальник Особого отдела ГУГБ НКВД Гай написал на донесении:

«Это сплошной бред глупой старухи, выжившей из ума». Но ее донесения продолжали ложиться в дело Тухачевского.

Подлинную цену Тухачевскому Сталин знал, и талантливый военачальник становится заместителем наркома обороны, потом первым заместителем, получает маршальские звезды, избирается кандидатом в члены ЦК.

Но в 1937-м настала очередь военных.

Многие историки полагают, что если Тухачевский и не был немецким шпионом, то уж точно пал жертвой немецкой разведки, которая подсунула чекистам умело сфабрикованную фальшивку, так называемую красную папку, а подозрительный Сталин ей поверил... Однако Сталин не был легковерным человеком.

Маршал Тухачевский, разумеется, не являлся немецким шпионом, но был германофилом, поклонником немецкой армии, как и почти все высшее руководство Красной армии в те годы.

В те годы германский военный опыт тщательно изучался советскими военачальниками. Сменивший Троцкого на посту наркома по военным и морским делам Михаил Васильевич Фрунзе, высоко ценивший генеральный штаб немецкой армии, писал: «Германия до самого последнего времени была государством с наиболее мощной, стройной системой организации вооруженных сил».

Советским военачальникам нравился ярко выраженный наступательный дух немецкой армии. Историки говорят об уважительном, а то и восхищенном, с оттенком зависти отношении командиров Красной армии к немецкой армии.

Когда немецкие танкисты и летчики летом 1941-го обрушились на Красную армию, отступающие советские командиры не подозревали, что оружие, которым немцы воевали против России, создавали для немцев сами русские. И что немецкие генералы, которые в 1941-м вторглись в Россию, учились военному делу в нашей стране.

Первое соглашение о сотрудничестве Красной армии и рейхсвера было подписано в августе 1922 года. Версальский договор лишил разгромленную Германию права создавать современное оружие. Политбюро предоставило немецкой армии право строить военные объекты на территории Советской России, проводить испытания военной техники и обучать личный состав. В ответ немцы щедро делились с Красной армией своими военными достижениями.

В Липецке закрыли летную школу Красной армии, и там теперь стали учиться немецкие летчики. Многие знаменитые немецкие асы прошли через эту школу.

В Самарской области построили для немцев школу химической войны, но, к счастью, химическое оружие не было применено во Второй мировой войне.

В Казани создали танковую школу для немцев. Проверять ее работу приезжал самый известный немецкий танкист Хайнц Гудериан, который командовал танковой армией, дошедшей осенью 1941-го до Москвы.

Даже в 1933 году, уже после того, как немецкое правительство сформировал новый канцлер Адольф Гитлер, военное сотрудничество продолжалось. В мае на приеме в честь немецких гостей заместитель наркома обороны Тухачевский сказал: «Нас разделяет политика, а не наши чувства, чувства дружбы Красной армии к рейхсверу. Вы и мы, Германия и СССР, можем диктовать свои условия всему миру, если мы будем вместе».

Сталину эта формула нравилась. Он, как и Ленин, был сторонником стратегического сотрудничества с Германией. Тут у него с Тухачевским разногласий не было.

Главный секрет Сталина? Есть еще одна версия. Советская военная разведка получила на Западе материалы о связях Сталина с царской охранкой. Тухачевский, Якир, Уборевич, Гамарник и некоторые другие военачальники и пришли к выводу, что Сталина нужно убрать, потому что предатель и провокатор не должен стоять во главе партии. Но их выдал один из офицеров, надеясь на этом предательстве сделать карьеру...

Сходную версию в 1956 году в американском журнале «Лайф» изложил бывший резидент НКВД в Испании Александр Орлов, который убежал на Запад раньше, чем его расстреляли.

Орлов писал: «Когда станут известны все факты, связанные с делом Тухачевского, мир поймет: Сталин знал, что делал... Я говорю об этом с уверенностью, ибо знаю из абсолютно точного источника, что дело маршала Тухачевского было связано с самым ужасным секретом, который, будучи раскрыт, бросит свет на многое, кажущееся непостижимым в сталинском поведении».

Орлов писал, что Сталин был осведомителем охранного отделения. А ему это известно от его двоюродного брата Зиновия Кацнельсона, комиссара госбезопасности второго ранга, который специально приехал в Париж в феврале 1937 года, чтобы рассказать обо всем Орлову. Он умолял Орлова в случае чего позаботиться о его маленькой дочери.

Орлов пишет: «Я содрогался от ужаса на своей больничной койке, когда слышал историю, которую Зиновий осмелился рассказать мне лишь потому, что между нами всю жизнь существовали доверие и привязанность...»

По словам Кацнельсона, Сталин предложил Ягоде подготовить свидетельства, что обвиняемые на московских процессах были агентами царской охранки.

Ягода поручил своим людям найти бывшего сотрудника охранного отделения, который это подтвердит. Сотрудник НКВД Штейн стал рыться в документах и нашел папку, в которой Виссарионов, заместитель директора департамента полиции, хранил особо важные документы. Там была анкета Сталина с его фотографиями и его собственноручные донесения полиции.

Штейн не знал, что делать с этой информацией. Он взял папку и уехал с ней в Киев, к своему другу, наркому внутренних дел Украины комиссару госбезопасности первого ранга Всеволоду Балицкому. Тот рассказал своему заместителю Кацнельсону. Проверив документы, они передали их первому секретарю ЦК компартии Украины Станиславу Коссиору и командующему Киевским военным округом Ионе Якиру.

Якир рассказал о документах Тухачевскому, тот – первому заместителю наркома обороны и начальнику политуправления Красной армии Яну Гамарнику. Они решили убедить Ворошилова созвать совещание, на которое придет Сталин. Два полка Красной армии должны были взять под контроль центр Москвы и заблокировать войска НКВД. Заговорщики собирались предъявить Сталину обвинение и расстрелять, но не успели...

Трудно определить ценность воспоминаний Орлова. Он написал в эмиграции книгу о своей работе в НКВД, но не выдал ни одного советского агента. Он не рассказал ничего, что могло повредить его родному ведомству.

Слухи о том, что Сталин сотрудничал с охранкой, ходили всегда, даже назывались его агентурные клички – Семинарист, Фикус, Василий. Какие-то же есть основания для таких подозрений?

Скажем, во всех энциклопедиях и официальных биографиях написано, что Иосиф Виссарионович Джугашвили родился 21 декабря (по новому стилю) 1879 года. Но есть документы, из которых следует, что он родился на год и три дня раньше, чем считалось. Не в 1879-м, а в 1878-м.

В метрической книге Горийской Успенской соборной церкви для записи родившихся и умерших написано, что Иосиф Джугашвили родился в 1878 году. Эта же дата значится в свидетельстве об окончании им Горийского духовного училища, в документах департамента полиции и в анкете, которую Сталин заполнил в 1920 году собственноручно. А вот потом год его рождения был изменен.

Когда Сталин сам заполнял анкету, год рождения он вообще опускал, не писал. Если кто-то писал с его слов, то указывал: ему, к примеру, сорок пять лет и опять-таки пропускал год рождения...

Историки считают, что этому есть объяснение.

– Похоже, за этим стояло желание скрыть следы общения с жандармским управлением во время пребывания в тюрьме, – считает профессор Наумов. – Как ищут человека в картотеке? Нужно знать фамилию, имя, отчество и дату рождения. Когда год и день рождения другие – человек теряется.

Значит, у историков все-таки остаются подозрения, что Сталин состоял в каких-то отношениях с жандармским ведомством?

Профессор Наумов:

– Это не сенсация. Кто знает, как вел себя человек, попав в тюрьму? На свободе, с товарищами – герой. А там – иной. Особых отношений, скорее всего, не было, но какие-то колебания, желание поскорее выйти на свободу – могло быть. А Сталин не хотел, чтобы кто-то об этом узнал.

На допросах в полиции многие будущие партийные руководители вели себя не самым достойным образом.

После смерти Орджоникидзе, который в свое время возглавлял партийную инквизицию – Центральную контрольную комиссию – в его архиве нашлись два запечатанных пакета. На пакетах Серго написал: «Без меня не вскрывать».

Там находились документы царского департамента полиции. В том числе показания Михаила Ивановича Калинина от февраля 1900 года. На допросе будущий всесоюзный староста сказал: «Будучи вызванным на допрос вследствие поданного мной прошения, желаю дать откровенные показания о своей преступной деятельности». И он рассказал все, что ему было известно о работе подпольного кружка, в котором он состоял. Орджоникидзе заинтересовался делом Калинина и получил другие документы, связанные с поведением Михаила Ивановича после ареста.

В архиве Орджоникидзе лежала и заботливо приготовленная справка о члене политбюро Яне Эрнестовиче Рудзутаке, которого когда-то прочили в генеральные секретари. Рудзутак в конце 1909 года был приговорен к десяти годам тюремного заключения по делу виндавской организации Латышской социал-демократической рабочей партии. Во время следствия Рудзутак назвал имена и адреса членов своей организации. Основываясь на его показаниях, полиция провела обыски, изъяла оружие и подпольную литературу...

Все эти материалы Орджоникидзе получил еще в 20-х годах, когда архивы царской полиции были изучены самым тщательным образом. Если там нашлось нечто, компрометирующее имя Сталина, это было немедленно извлечено и уничтожено.

Сталин на протяжении всей своей жизни делал все, чтобы в архивах не осталось ни одного документа, опасного для его репутации. В зарубежных архивах, как теперь уже ясно, никаких материалов о сотрудничестве Сталина с охранкой тоже нет. Так что в руки военных никакие документы, свидетельствующие против вождя, попасть не могли.

Упомянутые Орловым чекисты Балицкий и Кацнельсон тоже были уничтожены, поскольку Ежов чистил не только военные, но и собственные кадры.

Балицкого в мае 1937 года внезапно назначили начальником управления НКВД по Дальневосточному краю, но уже через месяц освободили от этой должности и через две недели он был арестован. Следствие продолжалось пять месяцев. 27 ноября 1937 года его приговорили к расстрелу.

Кацнельсона отозвали из Киева чуть раньше Балицкого и 29 апреля 1937 года назначили заместителем начальника ГУЛАГ НКВД и одновременно заместителем начальника строительства канала Волга – Москва. 17 июля был арестован. 10 марта 1938 года его приговорили к высшей мере наказания.

Следствие в обоих случаях шло – по тем меркам – медленно. Если бы они действительно что-то знали о Сталине, их бы ликвидировали моментально.

КРАСНАЯ ПАПКА ГЕЙДРИХА

Первым о красной папке сказал Никита Сергеевич Хрущев в заключительном слове на XXII съезде партии. По его словам, Гитлер, готовя нападение на нашу страну, через свою разведку ловко подбросил Сталину фальшивку о том, что Тухачевский и другие высшие командиры Красной армии – агенты немецкого генерального штаба.

Тухачевский ездил в Германию шесть раз, не считая плена в Первую мировую. У немцев остались какие-то документы, подписанные им. Эти подписи будто бы и использовали немецкие спецслужбы, готовя для Сталина красную папку с фальшивками.

Эту версию подтвердил руководитель гитлеровской разведки Вальтер Шелленберг, известный нам в основном по фильму «Семнадцать мгновений весны», где его блистательно играл Олег Табаков. Шелленберг, правда, знает эту историю из вторых рук – он ссылается на Райнхарда Гейдриха, своего начальника, возглавлявшего Главное управление имперской безопасности.

Гейдрих вроде бы говорил Шелленбергу, что «в середине декабря 1936 года бывший царский генерал Скоблин, который работал как на советскую, так и на немецкую разведку, сообщил, что группа высших командиров Красной армии во главе с заместителем наркома обороны маршалом Тухачевским готовит заговор против Сталина и при этом поддерживает постоянные контакты с генеральным штабом вермахта».

Немцы решили «поддержать Сталина, а не Тухачевского, и было приказано изготовить поддельное досье Тухачевского и передать его в Москву». Досье переправили через тогдашнего президента Чехословацкой республики доктора Бенеша, который поддерживал доверительные отношения с советскими руководителями.

Вальтер Шелленберг, как один из самых заметных разведчиков XX столетия, воспринимается всеми всерьез. Но не надо забывать, что он рассказывает о деле с чужих слов. Досье, о котором пишет Шелленберг, не найдено ни в немецких архивах, ни в советских. И белый генерал Скоблин в этом деле не участвовал.

«Дело Тухачевского» тщательно проанализировано созданной при Ельцине президентской комиссией по реабилитации. Нигде, ни на одной странице этого многотомного дела нет и

упоминания о том, что следствие в 1937 году располагало таким важнейшим доказательством, как «досье Тухачевского» из немецкого генерального штаба.

Само предположение о том, что машине репрессий нужны были доказательства, свидетельствует о непонимании сталинского менталитета. Для того чтобы провести гигантскую чистку армии, Сталин не нуждался в немецких папках. У него были более веские основания уничтожить военных.

Армия не могла избежать судьбы, уже постигшей все общество. Ценнейшее свидетельство на сей счет – записи разговоров с Молотовым, сделанные поэтом Феликсом Чуевым. В подлинности суждений бывшего председателя Совнаркома сомневаться не приходится. То, что другим кажется преступлением, Феликс Чуев полагал за добродетель, поэтому ничего не приукрашивал, записывал за Молотовым дословно.

Молотов и сорок лет спустя продолжал говорить, что считает Тухачевского «очень опасным военным заговорщиком, которого только в последнюю минуту поймали».

Что же Молотов считал главным преступлением Тухачевского? «Создавал группу анти-советскую».

«Но ему приписывали, что он был немецким шпионом», – подает реплику автор книжки.

Если бы существовало досье, указывавшее на связь Тухачевского с немецким генеральным штабом, мог ли Молотов, в предвоенные годы второй после Сталина человек в кремлевской иерархии, не знать о нем? Память у Молотова была прекрасная. Но он не обнаруживает знакомства с немецким досье. Вот что он отвечает: «Тут границы-то нет. До 1935 года Тухачевский побаивался и тянул, а начиная со второй половины 1936-го или, может быть, с конца 1936-го он торопился с переворотом. И откладывать никак не мог. И ничего другого, кроме как опереться на немцев. Так что это правдоподобно...»

Точное слово нашел Вячеслав Михайлович Молотов: «правдоподобно». То есть все это – липа, но сделали так, что люди поверили.

В царской армии Михаил Николаевич Тухачевский дослужился до поручика. В Гражданскую командовал армиями и фронтами, в том числе Западным – в войне против Польши в 1920-м.

В 1935 году, когда было введено звание маршала, Тухачевский получил большие звезды в петлицы вместе с наркомом Ворошиловым, командующим Особой Дальневосточной армией Василием Константиновичем Блюхером, инспектором кавалерии РККА Семеном Михайловичем Буденным и начальником генерального штаба Александром Ильичом Егоровым. Из пяти первых маршалов троих расстреляют, Сталин сохранит только своих старых друзей Ворошилова и Буденного – они оба звезд с неба не хватили, но были преданы вождю до мозга костей.

Как стратег Тухачевский был на голову выше своих боевых товарищей. Маршал был честолюбив, он хотел быть первым, лучшим, он жаждал славы и побед, званий и отличий. Его называли молодым Бонапартом. Может быть, он видел себя диктатором Советской России и опасения Сталина не напрасны?

В руководстве Красной армии действительно были две группировки. Старая гвардия – Ворошилов, Егоров, Буденный, Блюхер – собиралась воевать так, как воевали в Гражданскую, пашкой и винтовкой, и ни в коем случае не соглашалась сменить коня на танк.

В противоположность им Тухачевский, первый заместитель наркома обороны Ян Борисович Гамарник и командующий войсками Киевского военного округа командарм первого ранга Иона Эммануилович Якир, образовавшие вторую группировку, следили за современной военной мыслью. Они были сторонниками внедрения новой боевой техники, танков, авиации, создания крупных моторизованных и воздушно-десантных частей.

Но спор двух групп не носил политического характера. Это была скорее профессиональная дискуссия.

Максимум того, что Тухачевский и его друзья себе позволяли, – это были кухонные разговоры о том, что необразованный Ворошилов, который никогда и ничему не учился и считал, что опыта Первой конной армии хватит и на будущую войну, не годится в наркомы.

Через три года к этому же выводу придет и сам Сталин. После неудачной и неумелой финской войны Сталин снимет своего друга с поста наркома. В Отечественную войну Ворошилов не осилит и командование фронтом. Сталин назначит его на ничего не значащий пост главнокомандующего партизанским движением и навсегда отодвинет от себя.

Судя по всем имеющимся документам, Тухачевский был чужд политики. Свои планы он связывал с чисто военной карьерой. Наркомом он хотел быть, главой страны – нет.

Сталин серьезно отнесся к желанию Тухачевского и других сместить Ворошилова. Сталин исходил из того, что если сейчас маршалы и генералы готовы сместить назначенного им наркома, то в следующий раз они пожелают сменить самого генерального секретаря. Может ли он им доверять? А ведь вся чистка 1937–1938 годов была нацелена на уничтожение «сомнительных» людей.

Мог ли в такой ситуации уцелеть маршал Тухачевский, а с ним и большая группа высших командиров Красной армии? Раз Сталин решил, что Тухачевский готовит заговор, то дело следователей было найти правдоподобное обоснование и выбить из обвиняемых признания.

РАПОРТ АРТУЗОВА

Решениями президиума ЦК от 5 января и 6 мая 1961 года была создана комиссия для изучения материалов о причинах и условиях возникновения дела Тухачевского и других видных военных деятелей. Летом 1964 года член президиума ЦК и председатель Комитета партийного контроля Николай Михайлович Шверник представил записку Никите Хрущеву. Это объемный документ, основанный на всех материалах, которые в тот момент были найдены во всех архивах.

Тухачевского действительно загубила разведка.

Только не немецкая, а наша.

Умело снятый многосерийный телефильм «Операция «Трест» обессмертил одну из операций советской разведки. Но таких операций было множество. Советская разведка создавала мифические подпольные организации и от их имени заманивала в страну лидеров белой эмиграции, которых затем арестовывали.

В ходе операции «Трест» чекисты активно занимались дезинформацией. Они передавали на Запад фальсифицированную информацию – прежде всего о Красной армии. Эту дезинформацию специально готовили офицеры штаба Красной армии и военные разведчики.

Согласие на эту работу дал заместитель наркома Тухачевский. После ареста его обвинят в том, что он выдавал врагу сведения о Красной армии.

Более того, желая придать авторитет мифической монархической организации, чекисты сообщили эмиграции, что в число подпольщиков входит и Тухачевский. Потом сообразили, что это уж слишком. В дальнейшем его имя не упоминалось при проведении операции «Трест», но было уже поздно.

На Западе запомнили, что молодой маршал Тухачевский возглавляет военную оппозицию Сталину. Эту тему уже открыто стала обсуждать западная пресса, о чем советская разведка сообщала Сталину, укрепляя его в том мнении, что Тухачевский опасный для него человек...

Я всегда с изумлением читаю рассказы об агентах влияния, о дьявольских замыслах иностранных разведок, которые будто бы способны на все, могут даже государство развалить.

Нет уж, ни одна иностранная разведка не способна нанести такой ущерб стране, как собственные спецслужбы. История Тухачевского это подтверждает.

Маршала называли немецким шпионом вовсе не потому, что были какие-то документы. Первоначально вообще предполагалось обвинить Тухачевского в шпионаже в пользу Англии, потому что он ездил в Лондон. Могли назвать японским шпионом. Или польским – все равно «правдоподобно».

В январе 1937 года бывший руководитель Иностранного отдела НКВД Артузов написал письмо наркому Ежову, в котором писал, что в архивах Иностранного отдела находятся донесения закордонных агентов, сообщавших об антисоветской деятельности Тухачевского и о существовании в Красной армии троцкистской организации.

Что можно сказать об этом поступке Артузова? Он в свое время руководил операцией «Трест» и прекрасно знал, каким образом на Запад ушли сведения о том, что Тухачевский будто бы настроен антисоветски. Ему даже было приказано прекратить распространять такие слухи, чтобы не компрометировать Тухачевского... Но в 1937-м судьба самого Артузова висела на волоске, и он был готов любыми средствами доказать своему начальству, что он еще может пригодиться.

Вслед за этим начальник Особого отдела НКВД Леплевский составил план активной разработки крупных военных:

«Собрать все имеющиеся материалы на Роговского, Орлова, Шапошникова и других крупных военных работников, проверить материалы, наметить конкретный план их разработки и взять их разработки под повседневный непосредственный контроль начальника 5-го отдела...»

Особое внимание обратить как в Москве, так и на периферии на выявление фашистских группировок среди военнослужащих».

13 мая сотрудники Особого отдела представили наркому Ежову справку по материалам, имевшимся в НКВД, на маршала Тухачевского. Вот так и родилось это дело.

Почему никто из командиров Красной армии не сопротивлялся и вообще даже не попытался спастись, убежать? Они же видели, что происходит и как расправляются с людьми? И у них было оружие.

Лев Эммануилович Разгон пишет так:

«Я думаю, они не то что верили в хороший исход, они действительно считали, что сумеют высказаться, спросить, понять... На что-то они надеялись – на логику, на элементарную логику – что нет необходимости их убивать».

Отвага, хладнокровие и мужество, проявленное военачальниками на поле боя, могли испариться, когда их арестовывали. И упрекать за это нельзя».

Многие удивляет, что Тухачевский и другие, судя по протоколам допросов, так быстро признали себя виновными. Теперь мы знаем, как добывались признательные показания.

«После смерти Сталина, – вспоминает Никита Хрущев, – я обратился с просьбой найти того, что допрашивал Чубаря (до ареста – член политбюро, заместитель главы правительства и нарком финансов. – Л. М.), кто вел следствие. Меня интересовало, в чем же его обвиняли. Генеральный прокурор Руденко сказал мне, что Чубарь ни в чем не виноват и никаких материалов, которые могли бы служить против него обвинением, не имеется».

И вот на заседание президиума ЦК пришел человек, еще не старый. Он очень растерялся, когда мы стали задавать ему вопросы. Я спросил его:

– Вы вели дело Чубаря?

– Да, я.

– Как вы вели следствие и в чем Чубарь обвинялся? И как он сознался в своих преступлениях?

– Я не знаю. Меня вызвали и сказали: «Будешь вести следствие по Чубарю». И дали такую директиву: бить его, пока не сознается. Вот я и бил его, он и сознался...»

На Никольской улице, по левой стороне от Кремля, сохранилось неприметное здание в три этажа.

11 мая 1937 года здесь собралось специальное судебное присутствие Военной коллегии Верховного суда Союза ССР. Оно рассматривало дело «Антисоветской троцкистской военной организации».

Дело рассматривалось без участия защиты и обвинения, без вызова свидетелей. Председательствовал армвоенюрист Василий Васильевич Ульрих.

Ему помогали маршалы Семен Михайлович Буденный и Василий Константинович Блюхер, командармы первого ранга – Борис Михайлович Шапошников, командир округа Иван Панфилович Белов, командармы второго ранга – заместитель наркома обороны Яков Иванович Алкснис, Павел Ефимович Дыбенко, командующий войсками Северо-Кавказского военного округа Николай Дмитриевич Каширин и командир кавалерийской дивизии имени И.В. Сталина Евсей Иванович Горячев.

Судили восемь высших командиров Красной армии во главе с маршалом Тухачевским. Всех обвиняли в измене Родине. 11 июня всех приговорили к расстрелу.

В тот же день сообщили в газетах: органы народного комиссариата внутренних дел изобличили военно-фашистскую организацию, действующую в Рабоче-Крестьянской Красной армии. В нее входили Маршал Советского Союза М. Тухачевский, командармы первого ранга И. Якир, И. Уборевич, командарм второго ранга А. Корг, комкоры В. Примаков, В. Путьна, Б. Фельдман и Р. Эйдемман.

На следующий день после вынесения приговора осужденных расстреляли там же, в подвалах дома на Никольской, где заседала Военная коллегия Верховного суда.

До революции в этом доме располагалась текстильная компания, в подвалах хранились тюки с мануфактурой. Из подвалов на поверхность вели пандусы, по ним крючьями вытаскивали тюки и грузили на подводы. Эти пандусы пригодились, когда крючьями стали вытаскивать трупы расстрелянных.

Об этом мне тоже рассказал писатель Лев Разгон.

Я спросил:

– Почему расстреливали в подвале, а не где-нибудь за городом в более комфортных для расстрельной команды условиях?

– А им было вполне удобно, – ответил Разгон. – Двор был закрыт со всех сторон. Трупы забрасывали в кузов грузовика, под тентом они не видны. Потом их закапывали на разных отдаленных кладбищах. Уже потом для этого приспособили кладбище в Бутове – там экскаваторами копали траншеи и зарыли полсотни тысяч убитых...

Тела Тухачевского и других вывезли на Ходынку, свалили в траншею, засыпали негашеной известью, затем завалили землей. «Вы стреляете не в нас, а в Красную армию», – будто бы сказал Тухачевский перед расстрелом.

Судьба судей на этом процессе сложилась так: комдив Горячев покончил с собой, маршал Шапошников умер в 1945-м, маршал Буденный дожил до глубокой старости, остальных вскоре расстреляли.

Жен Тухачевского и Уборевича – Нину Евгеньевну Тухачевскую и Нину Владимировну Уборевич – арестовали в 1937-м и приговорили к восьми годам лагерей как членов семей изменников Родины. 16 октября 1941 года, когда в Москве была паника и казалось, что столицу не удержать, их расстреляли.

«НЕ НАДО БОЛЬШЕ КРОВИ»

Армия оказалась под полным контролем органов госбезопасности. Ни одно крупное назначение не могло состояться без санкции НКВД. 2 сентября 1937 года Ворошилов писал

Сталину: «Вчера т. Ежов принял тов. Грибова. После этого я говорил с т. Ежовым по телефону, и он заявил мне, что против Грибова у него нет никаких материалов и дел. Считаю возможным назначить т. Грибова командующим войсками Северо-Кавказского военного округа. Прошу утвердить». В июле 1937 года Ежов представил Сталину список на 138 высших командиров с предложением пустить их по первой категории – то есть расстрелять. Сталин список утвердил.

Примерно за полтора года Сталин лично подписал 362 подобных списка – каждый назывался так: «Список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР...» Там сразу указывался и приговор. В общей сложности в них перечислено больше 44 тысяч фамилий, из них почти 39 тысяч приговорены были к смертной казни до суда. То есть практически каждый день Сталин утверждал один расстрельный список, причем читал он их внимательно, вносил исправления. Работал напряженно... Такого планомерного уничтожения собственного офицерского корпуса история не знает.

Массовые расстрелы офицеров Красной армии в предвоенные годы по существу привели к катастрофе лета 1941 года. Высшие командиры были уничтожены почти все, командиры среднего звена наполовину...

Цифры такие: были репрессированы 34 бригадных комиссара из 36, 221 комбриг из 397, 136 комдивов из 199, 25 корпусных комиссаров из 28, 60 комкоров из 67, 15 армейских комиссаров второго ранга из 15, 2 флагмана флота первого ранга из 2, 12 командармов второго ранга из 12, 2 командарма первого ранга из 4, 2 армейских комиссара первого ранга из 2, 3 маршала Советского Союза из 5.

29 ноября 1938 года на заседании военного совета при наркомате обороны Климент Ефремович Ворошилов подвел итоги кампании репрессий в Красной армии: «Достаточно сказать, что за все время мы вычистили больше четырех десятков тысяч человек. Это цифра внушительная. Но именно потому, что мы так безжалостно расправлялись, мы можем теперь с уверенностью сказать, что наши ряды крепки и что РККА сейчас имеет свой до конца преданный командный и политический состав».

На самом деле репрессии в армии продолжались. Последних крупных командиров расстреляли осенью 1941-го, когда немецкие войска уже подошли к Москве. Сталин предпочел уничтожить военачальников, которых так не хватало на фронте... Своих боялся больше, чем немцев?

Доктор исторических наук Вадим Захарович Роговин пишет, что поначалу Ворошилов щадил тех, кого знал, и не давал согласия на их арест. А после процесса Тухачевского нарком уже без возражений подписывал списки и приказывал арестовать того или иного офицера.

Ворошилов записывал: противясь увольнению из армии или аресту отдельных командиров, «можно попасть в неприятную историю: отстаиваешь, а он оказывается доподлинным врагом, фашистом».

Командиры Красной армии обращались за помощью прежде всего к Ворошилову. Писали родственники арестованных командиров. Иногда они сами – из тюрем и лагерей. Некоторым удавалось сообщить, что их подвергают пыткам, они напоминали о совместной службе, просили помочь, выручить из беды.

После ареста всех своих заместителей, многих высших командиров, Ворошилов понял, какой ущерб нанесен армии.

Он записал для себя: «Авторитет армии в стране поколеблен... Это означает, что методы нашей работы, вся система управления армией, работа моя как наркома потерпели сокрушительный крах».

Никита Сергеевич Хрущев вспоминал, что во время финской войны Сталин во всех неудачах обвинял Ворошилова: «Один раз Сталин во время нашего пребывания на его ближней даче в пылу гнева остро критиковал Ворошилова. Тот тоже вскипел, покраснел и в ответ на критику Сталина бросил ему: «Ты виноват в этом. Ты истребил военные кадры».

Впоследствии Ворошилов словно вычеркнул из памяти свое участие в репрессиях. На пленуме ЦК в 1957 году он зло сказал Кагановичу, когда тот пытался напомнить, что все члены политбюро подписали постановление о применении пыток: «Я никогда такого документа не только не подписывал, но заявляю, что, если бы что-нибудь подобное мне предложили, я бы в физиономию плюнул. Меня били по [царским] тюрьмам, требуя признаний, как же я мог такого рода документ подписать?»

Забыл, потому что страстно хотел забыть. По прошествии лет сам не верил, что мог принять в этом участие.

Зять Хрущева, известный журналист Алексей Иванович Аджубей, вспоминал: «Летом 1958-го или 1959-го на дачу в Крыму, где отдыхал Хрущев, приехал Ворошилов. Он выпил горилки с перцем, лицо его побагровело. Он положил руку на плечо Хрущеву, склонил к нему голову и жалостливым, просительным тоном сказал: «Никита, не надо больше крови...»

ВЕЧНЫЙ ДОБРОВОЛЕЦ

Каждая заграничная операция была трудным и дорогостоящим делом. Но средств не жалели. В связи с одним из таких убийств, совершенных по приказу наркома Ежова, называются имя поэтессы Марины Цветаевой и ее мужа Сергея Эфрона.

Любовь Марины Цветаевой к мужу была бесконечна. Она уехала за ним из ленинской России в 1922 году, чтобы разделить горький хлеб эмиграции, и вернулась вслед за ним в сталинскую Россию в 1939-м, чтобы носить ему передачи в тюрьму.

Сергей и Марина встретились совсем юными и сразу полюбили друг друга. Сын известной левой террористки, Сергей Эфрон рано ощутил отчуждение, отверженность от общества – чувство, которое будет сопровождать его всю жизнь. Окружающим он всегда будет казаться «чужим». Рядом с ним останется очень мало «своих».

Сам Эфрон вспоминал, что «еще в семь лет прятал бомбу в штанах». В 1910 году его мать повесилась в Париже на одном крюке со своим младшим сыном – братом Сергея. Мог ли он предположить, что таким же образом через тридцать один год уйдет из жизни и его обожаемая жена Марина Цветаева?

Когда началась Первая мировая война, Эфрон оставил университет и поехал на фронт с санитарным поездом, потом поступил в военное училище. После большевистской революции в ноябре 1917 года он присоединился к Белой армии и вынужден был бежать из России в 1920-м.

Во время Гражданской войны Марина и Сергей потеряли друг друга. Цветаева ничего не знала о муже. Окружающие скрывали от нее слух о том, что белого офицера Эфрона красные расстреляли в Крыму.

В 1920 году в голодной Москве детей нечем было кормить. Старшая – Ариадна – была тяжело больна. Марина устроила дочерей в приют, опекаемый Красной армией. Для этого ей пришлось написать заявление о том, что дети не ее, а беженцев, и она нашла их у себя в квартире.

Старшую спасли, младшая – трехлетняя Ирина – умерла от голода. «Спаси обеих я не могла – нечем было кормить, – расскажет потом Марина сестре. – Я выбрала старшую, более сильную, чтобы помочь ей выжить».

В 1922 году Марина узнала: Сергей Эфрон жив! Он в Чехословакии, учится в университете. Она немедленно решила ехать к нему. С трудом получила разрешение уехать – в 1922 году из Советской России еще выпускали.

В 1925 году семья перебралась в Париж. Во Франции ее поэзия имеет большой успех. Эфрон, напротив, не может найти себя. В эмиграции таким, как он, стало казаться, что они совершили роковую ошибку, выступив против новой власти в России, – ведь служение Родине превыше всего.

Сергей Эфрон присоединился к евразийцам, выступавшим против слепого подражания Западу, за особый путь России, который соединил бы все лучшее, что можно взять и у Европы, и у Азии.

Евразийцы распались на три группы, одна из них, возглавляемая князем Святополк-Мирским, признала большевистскую революцию и стремилась к возвращению в Россию. Князь преподавал русскую литературу в Лондонском университете, вступил в Коммунистическую партию Великобритании и вернулся в Россию в 1932-м. В 1937 году как «иностранный шпион» он был осужден и погиб в одном из сталинских лагерей.

В Париже Сергей Эфрон вступил в Союз возвращения на Родину. Этот союз, опекаемый советским посольством, был создан в 1924 году (в 1937-м переименован в Союз друзей Советской Родины). Полагают, что в этой среде у Эфрона и завязались отношения с агентами НКВД. Более того, его считают причастным к убийству пытавшегося укрыться на Западе советского разведчика Игнатия Порецкого, более известного под фамилией Рейсс.

Игнатий Станиславович Порецкий, он же Натан Маркович Порецкий, он же Игнатий Рейсс, кличка Людвиг, был одним из самых известных перебежчиков.

С 1920 года он работал в советской военной разведке. В начале 30-х годов стал заместителем Вальтера Кривицкого (настоящее имя – Самуил Гершевич Гинзберг). В середине 30-х годов Кривицкий возглавлял крупную нелегальную резидентуру советской военной разведки в Западной Европе.

Летом 1937 года Игнатий Порецкий заявил, что уходит на Запад. Он встретился с сотрудницей советского постпредства в Париже и вручил ей пакет, в котором был орден Красного Знамени (странно, что орден оказался у Порецкого с собой – разведчикам не полагалось брать с собой за границу подлинные документы и награды) и письмо Сталину.

В письме говорилось: «Я возвращаю себе свободу. Назад к Ленину, его учению и делу... Только победа социализма освободит человечество от капитализма и Советский Союз от сталинизма. Вперед к новым боям за социализм и пролетарскую революцию! За организацию Четвертого Интернационала!»

Сейчас это письмо кажется смешным и нелепым. Полтора десятка лет на службе в разведке странным образом не избавили Порецкого от революционного романтизма. Порецкий, как и Вальтер Кривицкий, всю жизнь был солдатом мировой революции и от Сталина ушел к Троцкому, считая его подлинным наследником ленинского дела.

Для Сталина письмо Игнатия Порецкого было личным оскорблением – высланный из России и утративший всякое влияние Лев Троцкий оставался для Сталина врагом номер один.

Порецкий был убит 4 сентября 1937 года. Подлинные обстоятельства его смерти до сих пор достоверно не установлены, хотя швейцарская полиция предала гласности результаты своего добросовестного расследования. Вдова Порецкого Эльза написала воспоминания, которые в 1969 году вышли в Лондоне, а недавно и в Москве – под названием «Тайный агент Дзержинского».

Об истории убийства Рейсса рассказал Александр Орлов (Лев Фельдбин), бывший резидент советской политической разведки в Испании, бежавший на Запад летом 1938 года. Он утверждал, что за Игнатием Рейссом послали передвижную группу сотрудников Иностранного отдела НКВД.

Вальтер Кривицкий, который через месяц после убийства своего заместителя тоже решил бежать на Запад, написал в своей книге «Я был агентом Сталина»: в Париж срочно приехал крупный чекист Сергей Михайлович Шпигельглас, который и руководил операцией по уничтожению Рейсса.

Недостаток всех этих книг состоит в том, что их авторы пишут об убийстве Порецкого с чужих слов или строят предположения, выдавая их за бесспорную истину.

Расследуя убийство Порецкого, швейцарская полиция установила следующее.

В ночь на 4 сентября 1937 года в стороне от дороги, ведущей из Лозанны на Шамбланд, обнаружили тело неизвестного мужчины в возрасте примерно сорока лет. Пять пуль ему всадили в голову и семь в тело.

Полиция быстро нашла брошенный автомобиль со следами крови в кабине и арестовала женщину, которая взяла этот автомобиль напрокат. К удивлению полиции, она не пыталась скрыться после убийства.

Эту женщину звали Рената Штайнер, и она не могла понять, куда делись ее друзья, которым она передала этот автомобиль. Полиция идентифицировала «друзей» Штайнер и восстановила предполагаемую картину убийства Порецкого. Но никого, кроме Ренаты Штайнер, полиции найти не удалось.

Полагают, что московской опергруппе помогла Гертруда Шильдбах (урожденная Нойгебауэр), член компартии Германии, бежавшая из страны после прихода нацистов к власти. Шильдбах дружила с Порецким.

Полиция пришла к выводу, что Шильдбах уговорила Порецкого встретиться. Они поехали в загородный ресторан. После обеда вышли погулять, и тут на заброшенной дороге появился автомобиль, из которого выскочило несколько человек. Они запихнули Порецкого в машину, где застрелили его. Труп выбросили на дорогу.

На допросе Рената Штайнер назвала и имя Сергея Эфрона. По ее словам, он был агентом НКВД.

Швейцарский историк Петер Хубер, который много лет занимается расследованием убийства Порецкого, в перестроечные времена приезжал в Москву в поисках архивных документов и приходил ко мне в редакцию журнала «Новое время», где я тогда работал.

Он рассказывал, что Рената Штайнер в 1934-м пробыла шесть недель в Москве. Возможно, ее завербовал НКВД.

Штайнер на допросе сообщила, что Эфрон участвовал в слежке за Порецким. Швейцарская полиция обратилась за помощью к французским коллегам. Но к этому времени Сергей Эфрон уже покинул Францию, и допросить его не смогли.

Зато допросили Марину Цветаеву, которая заявила, что Эфрон через пять недель (а не сразу, как поступил бы преступник!) после убийства Порецкого уехал в Испанию, а те недели, когда шла подготовка к убийству, и во время убийства они вместе находились на берегу Атлантического океана. Алиби для мужа?

«Лично я не занимаюсь политикой, – сказала Цветаева полицейским, – но мне кажется, что мой муж связан с нынешним русским режимом».

То есть Цветаева не сочла нужным скрыть, что ее муж поддерживает открытые отношения с официальными представителями СССР. Было бы возможным такое признание, если бы Эфрон работал на советскую разведку?

«Мы с мужем не высказывали по поводу дела Рейсса ничего, кроме возмущения, осуждая любой акт насилия, с какой бы стороны он ни исходил», – сказала Цветаева на допросе.

Непросто представить себе, что великая поэтесса Марина Цветаева, человек, пребывающий в мире высоких чувств, изворачивается, врет, выгораживает мужа по заранее составленному плану. Может быть, Марина просто не знала, чем занимался ее муж? И это трудно предположить. Как показывает история разведки, жена всегда знает о том, что муж занимается тайными делами.

Версия убийства Игнатия Порецкого, которой полвека оперируют историки, в принципе вызывает серьезные сомнения. Это было не первое и не последнее политическое убийство, совершенное НКВД за рубежом. Неограниченность в силах и средствах давала возможность Москве тщательно планировать и организовывать эти убийства.

Такого рода акции, требующие сложной подготовки, выполнялись профессионалами, кадровыми работниками госбезопасности – и вовсе не из разведки, как Сергей Шпигельглас

(о котором еще пойдет речь в этой главе), а из другого управления НКВД, как Эйтингон, организовавший убийство Льва Троцкого в Мексике в 1940-м.

Только два года прожил Эфрон в Советской России. 10 октября 1939 года его арестовали в Москве вместе с группой бывших эмигрантов, вернувшихся на родину.

Ему предъявили стандартное обвинение по 58-й статье Уголовного кодекса, которая поставляла основной контингент заключенных ГУЛАГа: измена Родине, террор, призывы к свержению советской власти...

В обвинительном заключении говорилось:

«В НКВД СССР поступили материалы о том, что из Парижа в Москву по заданию французской разведки прибыла группа белых эмигрантов, с заданием вести шпионскую работу против СССР...

Обвиняемый по этому делу Эфрон в 1920 году бежал за границу и принимал там активное участие в антисоветской работе белогвардейских организаций.

Эфрон, занимая руководящее положение в так называемой просоветской организации в Париже – в «Союзе возвращения на Родину» – и пользуясь исключительным к себе доверием со стороны бывшего вражеского руководства 5-го отдела НКВД, по заданию французской разведки засылал в СССР шпионов, диверсантов и террористов».

Итак, в приговоре сталинского суда тоже говорится о сотрудничестве Эфрона с разведкой! Значит, правда?

В этом утверждении, скорее всего, столько же правды, сколько и во всем обвинительном заключении, в котором соответствуют истине только имена и даты рождения обвиняемых.

Тех, кто допрашивал Эфрона, уже тоже нет в живых. Но по опыту множества других таких процессов можно предположить, что о связях с советскими чиновниками в Париже говорил следователям сам Эфрон, наивно пытаясь убедить следователей в нелепости предъявленного ему обвинения. И следователи охотно подхватили эти слова!

В архиве КГБ я читал дело агента-вербовщика советской разведки Петра Ковальского, тоже бывшего офицера Белой армии. Он несколько лет работал на советскую разведку в разных европейских странах.

В 1937 году, в разгар массовых репрессий в СССР, его арестовало местное управление НКВД в украинском городе, где он жил в промежутке между выполнениями заданий московской разведки, и обвинило в шпионаже в пользу Польши.

Ковальский, разумеется, ссылаясь на свою службу в ОГПУ– НКВД, но малограмотный следователь, плохо владевший родным языком, и не подумал обратиться за справкой к коллегам в разведку, а просто написал в обвинительном заключении: «Видно, что Ковальский при использовании по линии Иностранного отдела имеет ряд фактов, подозрительных в проведении им разведывательной работы в пользу Польши».

Отсутствие доказательств вины при Сталине никак не могло помешать вынесению смертного приговора...

Ковальского расстреляли, а центральный аппарат разведки еще целых два года искал его по всему Советскому Союзу, чтобы отправить за границу с новым заданием!

В то время, когда шло следствие по делу Эфрона, в соседних кабинетах НКВД заканчивалось уничтожение руководящих кадров внешней разведки.

Любые слова «французского шпиона» Эфрона о контактах с советскими людьми в Париже, среди которых каждый второй работал на разведку, должно быть, встречались следователями на ура. Слова в эфроновском приговоре о «бывшем вражеском руководстве 5-го отдела НКВД» были нужны не для того, чтобы усугубить вину Эфрона; это была заготовка следователей НКВД для расправы над сослуживцами из разведки.

Свою лепту в создание образа «Эфрона – агента НКВД» сыграла его дочь Ариадна, арестованная с ним по одному делу.

В июле 1940 года ее приговорили как агента французской разведки к восьми годам лагерей. Когда этот срок кончился, ей добавили новый и отправили в ссылку в Сибирь.

В 1954-м, через год после смерти Сталина, началась реабилитация сталинских жертв. Ариадна Эфрон написала Генеральному прокурору СССР с просьбой сообщить о судьбе отца. На это письмо ссылаются, когда ищут доказательства работы Эфрона на советскую разведку:

«В 1939 году в Москве был арестован органами государственной безопасности мой отец Сергей Яковлевич Эфрон, бывший долгие годы работником советской разведки за границей, в частности во Франции. Его дальнейшая участь мне неизвестна.

Зная своего отца как человека абсолютно честного и будучи уверенной в его невиновности, прошу вас, товарищ Генеральный прокурор, сообщить мне то, что о нем было известно, то есть жив ли он, статью, по которой он был осужден, и срок наказания».

Пытаясь что-то узнать о своем отце, она тоже использует аргумент, который в тот момент казался ей убедительным: предполагаемую службу отца на советскую разведку.

Впоследствии, когда хлопоты по реабилитации отца закончились, Ариадна Эфрон признается друзьям, что на самом деле ей ничего не известно о работе отца на НКВД...

Вернувшись из ссылки в Москву, Ариадна Эфрон встретила женщину, которая знала ее родителей. Это Елизавета Алексеевна Хенкина, дочь генерала царской армии Нелидова, в прошлом актриса. Она уехала из Советской России в 1923 году, а вернулась в 1941-м.

В Париже, в Союзе возвращения на Родину она руководила кружком любителей театра и, как впоследствии уверяла московских знакомых, оказывала особые услуги советским представителям.

Обрадованная неожиданной встречей с человеком, который может засвидетельствовать преданность ее отца советской власти, Ариадна Эфрон пишет письмо помощнику главного военного прокурора:

«Елизавета Хенкина знала Шпигельгласа, хорошо помнит, как и кем выполнялось задание, данное Шпигельгласом группе, руководимой моим отцом, как и по чьей вине произошел провал этого дела. Помнит она и многое другое, что может представить интерес при пересмотре дела отца...

Второй человек, знавший моего отца приблизительно с 1924 года, может быть, и ранее, это Вера Александровна Трайл, также принимавшая большое и активное участие в нашей заграничной работе. Сейчас она находится в Англии. Адрес ее имеется у Хенкиной...»

Имена, которые называются в этом письме, кажутся веским подтверждением причастности Эфрона к делам НКВД.

Расстрелянный перед войной Сергей Шпигельглас был, несомненно, умелым и эффективным разведчиком, он дорос до должности заместителя начальника 5-го отдела Главного управления государственной безопасности НКВД.

Его отчеты, подписанные псевдонимом «дуче», хранятся в личном деле крупного советского агента, бывшего генерала Белой армии Николая Скоблина, которое я имел возможность изучить в архиве КГБ.

Бумаги, подписанные Шпигельгласом, выдают в нем смелого и решительного оперативника и резко отличаются от сухих и лишенных признаков интеллекта донесений его коллег по разведке. Многие годы Сергей Шпигельглас руководил борьбой с русской эмиграцией и в середине 30-х годов подолгу нелегально жил в Западной Европе, в том числе и в Париже.

Но могли ли Сергей Эфрон и Елизавета Хенкина действительно знать Шпигельгласа?

По своему положению руководителя крупной нелегальной резидентуры Шпигельглас непосредственно общался только с самыми важными агентами, такими, как генерал Скоблин, поставлявшими первоклассную информацию о планах эмигрантской верхушки. Ни Эфрон, ни Хенкина, даже если принять версию об их сотрудничестве с советской разведкой, к числу таких агентов не относились. Советская разведка имела в Париже огромный и разветвленный аппа-

рат, с мелкими агентами (только в среде эмиграции это многие десятки людей) встречались столь же мелкие работники.

Шпигельглас жил за границей под чужим именем. Его настоящую фамилию в Париже знали только несколько кадровых работников резидентуры советской разведки, которые работали под дипломатическим прикрытием.

А Елизавета Хенкина и все остальные услышали эту фамилию только после того, как ее назвал бежавший на Запад Вальтер Кривицкий (Шпигельглас к этому времени уже был расстрелян), и она замелькала в газетах.

Веру Гучкову-Трайл, упоминающуюся в письме Ариадны Эфрон, тоже считают причастной к убийству Игнатия Порецкого.

Вера была дочерью крупного российского промышленника Александра Ивановича Гучкова, председателя III Государственной думы, военного и морского министра в первом после Февральской революции российском правительстве.

В 1935 году Вера вышла замуж за Роберта Трайла, сына промышленника из Глазго. Роберт принадлежал к известному типу британских левых интеллектуалов, искавших счастья в коммунистических идеях. В 1934–1936 годах он жил в Москве и работал в газете «Москоу ньюс» («Московские новости»). Это, видимо, и дало основание полагать, что Вера была связана с чекистами. Но Эфрон хорошо знал Веру не «по совместной службе в НКВД», а потому, что ее первым мужем был евразиец Петр Сувчинский, с которым Эфрон издавал журнал «Версты»...

В деле генерала Скоблина, хранящемся в архиве советской разведки, я нашел секретный документ, имеющий отношение к Сергею Эфрону.

Когда-то один из советских журналистов обратился в КГБ с просьбой разрешить ему написать о «замечательном советском разведчике Сергее Эфроне». Это письмо по установленному порядку попало в пресс-бюро КГБ. Начальник пресс-бюро сообщил о просьбе своему начальнику – заместителю председателя КГБ, тот переадресовал просьбу в Первое главное управление (разведка).

В секретном письме заместитель начальника разведки сообщил руководителю КГБ, что «Сергей Эфрон по картотеке учета советской внешней разведки не числится».

Этот документ предназначался только для глаз высшего руководителя КГБ (журналисту ответили стандартно-бессмысленной формулой: «Публикация о Сергее Эфроне не представляется целесообразной»).

Итак, Сергей Эфрон кадровым сотрудником советской разведки не был. Что же тогда было?

Эфрон искал возможности что-то сделать для своей страны. В советском посольстве ему объяснили: «Вы очень виноваты перед Родиной. Прежде чем думать о возвращении, вам нужно искупить грехи и заслужить прощение».

Он и пытался искупить свои грехи и заслужить прощение. Расспросы о положении дел внутри эмиграции, о настроениях тех или иных эмигрантов казались совершенно естественными. Ведь ему задавал вопросы официальный представитель Советского Союза. Наивный в таких делах Эфрон слишком поздно понял, что его использует НКВД.

Сталинский суд приговорил «французского шпиона» Эфрона к смертной казни, когда нацистская Германия уже напала на Советский Союз. Судьба страны висела на волоске, но машина репрессий продолжала действовать.

31 августа 1941 года Марина Цветаева в состоянии тяжелой депрессии повесилась в провинциальном городке Елабуге, куда эвакуировалась из Москвы, к которой стремительно приближались немцы. В Елабуге Цветаева жила в доме на улице, названной именем члена политбюро Андрея Жданова, который прославился гонениями на писателей.

Марина не разделяла увлечения Эфрона Советской Россией. Но и она никак не ожидала, что ее мужа и дочь арестуют по нелепому обвинению, а она сама будет снимать угол в чужом доме, оставшись без денег, работы, друзей и надежды.

Сына Марины и Сергея, Георгия Эфрона, в начале 1944-го призвали в армию. Как хорошо умеющего писать и рисовать его назначили в штаб писарем – это был шанс выжить. Но ему было стыдно отсиживаться в штабе, и он попросился на передовую. В июле 1944 года он был смертельно ранен.

Георгий Эфрон тоже стал добровольцем, как и его отец. Желание служить честно и бескорыстно – самое важное в их семейном характере.

В 1929 году Марина Цветаева написала поэму «Перекоп» – о последних эпизодах борьбы Красной и Белой армий в Крыму. Главным источником поэтического вдохновения был бывший офицер Белой армии и ее муж Сергей Эфрон. Ему и посвящена поэма (как и многие другие ее стихотворения) – «Моему дорогому и вечному добровольцу».

Эти слова кажутся мне самым точным определением личности Эфрона. Сергей Эфрон бескорыстно сражался под тем знаменем, которое казалось ему символом чести и справедливости. Он, как и его жена, стал жертвой трагических событий русской истории XX века.

БАРСКАЯ ЛЮБОВЬ К ЕЖЕВИЧКЕ

Известный врач и писатель Виктор Давидович Тополянский пишет, что Ежов был щедушный и низенький – всего сто шестьдесят сантиметров. Задержка физического развития при сохранении детских пропорций тела именуется инфантилизмом. Нарушение функций желез внутренней секреции могло быть вызвано врожденным сифилисом, туберкулезом, алкоголизмом родителей, черепно-мозговой травмой или недоеданием в раннем детстве.

«Не была ли сопряжена его физическая неполноценность с определенной инфекцией или травмой черепа, оставившей небольшой шрам на лице, с бедностью и алкоголизмом родителей, отправивших его на завод в четырнадцать лет, или с каким-то заболеванием щитовидной железы либо гипопфиза?» – задается вопросом доктор Тополянский.

Он пишет о задержке психического развития наркома, о незрелом, ограниченном мышлении: «Его интеллект и эмоции застыли на уровне ребенка и зацементировались фантастическим невежеством. . . Нуждается в пояснении и феноменальный садизм Ежова. Чувство собственной неполноценности и потребность в компенсации породили в нем особую жестокость испорченного и недоразвитого ребенка, готового при условии безнаказанности бесконечно мучить любое живое существо слабее себя».

Кстати говоря, анализ руководящего состава госбезопасности времен большого террора показывает большой процент людей с искаленным детством, обиженных на весь свет. Возможно, накопленный в детстве и юности запас ненависти к окружающему миру создал дополнительный психологический фон для массовых репрессий.

Сталин называл наркома Ежевичкой. Ежов ему нравился тем, что не гнушался черновой работы. Один из следователей секретно-политического отдела НКВД с гордостью рассказывал товарищам, как к нему в кабинет зашел нарком. Спросил, признается ли подследственный. «Когда я сказал, что нет, Николай Иванович как развернется и бац его по физиономии. И разъярил: «Вот как их надо допрашивать!»»

Сталин часто приглашал Ежова к себе, играл с ним в шахматы. Но барская любовь, тем более любовь диктатора, недолга.

27 января 1937 года Ежову присвоили звание генерального комиссара государственной безопасности. На следующий день «Правда» напечатала его парадный портрет. 17 июля «за выдающиеся успехи в деле руководства органами НКВД по выполнению правительственного задания» Ежова наградили орденом Ленина.

27 июля орден ему вручил Калинин, который сказал, что «Николай Иванович проявил исключительно широко свои способности и добился превосходных результатов». Ежов, принимая орден, говорил: «Если человек работает в органах НКВД, значит, это наиболее преданный большевик, он беспредельно предан своей родине, своему правительству, своей партии, вождю партии товарищу Сталину».

В его честь небольшой город Сулимов на Северном Кавказе переименовали в Ежово-Черкесск. Имя Ежова гремело по всей стране. Его славили газеты. О нем слагали стихи:

Кто барсов отважней и зорче орлов?
Любимец страны, зоркоглазый Ежов.

20 декабря 1937 года, по случаю 20-летия ВЧК – ОГПУ – НКВД, в Большом театре состоялось собрание актива партийных, советских и общественных организаций Москвы, которое превратилось в чествование Ежова.

В президиуме – Ворошилов, Микоян, Андреев, Ежов, Жданов, Хрущев, Димитров. Собрание открыл секретарь МГК Братановский.

Потом на вечере появился Каганович, которого встретили овацией. А уж когда пришел Молотов, весь зал встал, приветствуя главу правительства возгласами:

– Ура Вячеславу Михайловичу Молотову!

Доклад произнес Анастас Иванович Микоян:

– НКВД – это не просто ведомство! Это организация, наиболее близкая всей нашей партии, нашему народу. Наркомвнудельцы во главе со сталинским наркомом Николаем Ивановичем Ежовым стоят на передовой линии огня, занимают передовые позиции в борьбе со всеми врагами нашей родины.

Партия поставила во главе советских карательных органов талантливый, верный сталинского ученика Николая Ивановича Ежова, у которого слово никогда не расходится с делом. Славно поработал НКВД за это время!

Он разгромил подлые шпионские гнезда троцкистско-бухаринских агентов иностранных разведок, очистил нашу родину от многих врагов народа. Наркомвнудел спас жизнь сотен тысяч тружеников нашей страны, спас от разрушения многие заводы, фабрики. Наркомвнудел поступал с врагами народа так, как этому учит товарищ Сталин, ибо во главе наших карательных органов стоит сталинский нарком товарищ Ежов.

Учитесь у товарища Ежова сталинскому стилю работы, как он учится у товарища Сталина! Сегодня НКВД и в первую очередь товарищ Ежов являются любимцами советского народа...

Микоян рассказывал о том, как в самых различных уголках Советского Союза рабочие, колхозники, инженеры, взрослые и пионеры помогают НКВД распознавать врагов народа – подлых троцкистско-бухаринских фашистских шпионов, потому что у нас каждый трудящийся – наркомвнуделец!..

После Микояна выступали рабочий автозавода имени Сталина Максимов, мастер завода имени Менжинского Гожаев, работница Трехгорной мануфактуры Кондрашева.

От имени чекистов выступил первый заместитель наркома Михаил Петрович Фриновский, недоучившийся семинарист, примкнувший к анархистам. Он был в Гражданскую помощником начальника Особого отдела Первой конной армии, участвовал в операциях по захвату штаба Нестора Махно и ликвидации отрядов генерал-хорунжего Тютюника на Украине, командовал пограничными войсками.

После перерыва был концерт, на котором уже появился сам Сталин.

НИКТО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ВЫШЕ ПАРТИИ

Николай Иванович Ежов находился на вершине карьеры – кандидат в члены политбюро, член оргбюро и секретарь ЦК ВКП(б), председатель Комиссии партийного контроля, заместитель председателя Комитета резервов Совета Труда и Оборона, член исполкома Коминтерна, председатель комиссии ЦК по заграничным командировкам, член военно-промышленной комиссии при Комитете обороны при Совнарком.

Ежова избрали депутатом Верховных Советов СССР и РСФСР, а также Верховных Советов нескольких автономных республик – Татарской, Башкирской, Удмуртской и немцев Поволжья.

В деле Ежова хранятся сбереженные им письма от товарищей. Вот записка Серго Орджоникидзе:

«Здравствуй, дорогой Ежов.

О тебе идет плохая молва: не спишь, не обедаешь и всякие подобные прелести. Я должен по-дружески тебе сказать, что, ежели ты свалишься, поставишь себя, партию и всех нас в дурацкое положение...

Твой *Серго*».

Кадровая работа партийных комитетов от райкома и выше шла в сотрудничестве с чекистами. Была установлена практика получения партийными органами документальных справок на назначаемых работников. Без санкции НКВД на высокие должности не назначали.

В декабре 1937 года на выборах в Верховный Совет СССР депутатами избрали начальников областных управлений, в республиканские Верховные Советы избирали их заместителей. Наркомвнуделы национальных республик и начальники областных управлений НКВД при Ежове превратились в главных людей в стране. Шрейдер вспоминает, что рассказал ему его тогдашний начальник – Станислав Францевич Реденс, свояк Сталина, в 1938 году наркомвнудел Казахстана.

По словам Реденса, после выпивки на даче Ежов разоткровенничался с подчиненными: «Чего вам бояться? Ведь вся власть в наших руках. Кого хотим – казним, кого хотим – милуем. Вот вы – начальники управлений, а сидите и побаиваетесь какого-нибудь никчемного секретаря обкома. Надо уметь работать. Вы ведь понимаете, что мы – это все. Нужно, чтобы все, начиная от секретаря обкома, под тобой ходило. Ты должен быть самым авторитетным человеком в области...»

Если Ежов действительно вел такие разговоры, то о них наверняка сразу же доносили Сталину, которого это могло убедить в том, что нарком внутренних дел – очень неумный человек, раз говорит такие вещи. Никто, даже НКВД, не может быть выше партии...

К началу 1938 года Сталин, вероятно, уже считал, что Ежов свою задачу выполнил. 16 февраля Президиум Верховного Совета СССР присвоил имя Ежова школе усовершенствования командного состава пограничных и внутренних войск НКВД. Наверное, это было приятно Ежову, но подарок был невелик – на сей раз его именем назвали не город, а всего лишь подчиненную ему ведомственную спецшколу. И партийный рост его остановился: в политбюро Ежов так и не был избран, остался кандидатом.

Ежов отправил Сталину рукопись своего труда «От фракционности к открытой контрреволюции» с короткой запиской: «Очень прошу просмотреть посылаемую работу. Это первая глава из книги о «зиновьевщине», о которой я с Вами говорил. Прошу указаний».

Сталину писательские амбиции Ежова, похоже, не понравились. Он не для того назначал Ежова наркомом, чтобы тот писал книги. Книги и без него есть кому писать. Очевидно,

Сталин увидел, что и Ежов уже больше думает о своем положении, своем престиже, словом, о своих делишках, вместо того чтобы полностью отдаться делу. Этот вывод не мог не привести к роковым для Ежова последствиям.

Ежов захотел еще и стать ответственным редактором журнала «Партийное строительство». Его самолюбию малограмотного человека льстило сознание, что он теперь вроде как редактирует журнал. И это тоже не могло понравиться Сталину.

В 1938 году Ежов написал в ЦК, Верховный Совет СССР и Верховный Совет РСФСР записку с предложением переименовать Москву в Сталинодар. Хотел услужить хозяину, сделать ему приятное, но не угадал. Сталин этого не захотел: чувствовал, что это будет плохо воспринято. И разозлился на Ежова. Хорошо, когда есть преданный и неумолимый исполнитель, но неумный Ежов стал его раздражать. Сталину нужен был новый человек. Столь же безжалостный, но более толковый.

21 января 1938 года секретарь ЦК Андрей Александрович Жданов выступал в Большом театре на торжественном собрании, посвященном годовщине смерти В.И. Ленина. Он сказал: «1937 год войдет в историю как год, когда наша партия нанесла сокрушительный удар врагам всех мастей, когда наша партия стала крепкой и сильной в борьбе с врагами народа, добившись этого благодаря укреплению нашей советской разведки во главе с Николаем Ивановичем Ежовым».

На самом же деле Ежов уже был не в фаворе.

9 января 1938 года ЦК принял постановление «О фактах неправильного увольнения с работы родственников лиц, арестованных за контрреволюционные преступления».

14 января пленум ЦК принял еще одно постановление – «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». Доклад прочитал преемник Ежова на посту начальника отдела партийных кадров Георгий Маленков.

Маленков, скажем, критиковал первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана Мир-Джафара Багирова:

– Ты расстреливаешь списками, даже фамилий не знаешь...

Тот быстро нашел оправдание:

– Окопавшиеся в аппарате Азербайджанского НКВД враги сознательно путали документы.

Выступавшие на пленуме призывали «не обвинять людей огульно, отличать ошибающихся от вредителей». Все это для людей понимающих означало, что работой Ежова недовольны, что его эра заканчивается и что он будет выставлен виновником всех несправедливостей.

На этом же пленуме расправились с Павлом Петровичем Постышевым, вывели его из числа кандидатов в члены политбюро. Вскоре его арестуют. Но перед этим он сам успел подвести под арест множество невинных людей. Его лишили должности хозяина Украины и перевели в Куйбышев первым секретарем обкома и горкома. Стараясь показать свое рвение, в Куйбышевской области он распустил руководство тридцати четырех районов:

– Руководство советское и партийное было враждебное, начиная от областного и кончая районным.

Микоян удивился:

– Что, все руководство?

– Что тут удивляться? – ответил Постышев. – Я подсчитал, и выходит, что двенадцать лет сидели враги. Например, у нас в облизполкоме, вплоть до технических работников, сидели самые матерые враги, которые признались в своей вредительской работе. Все отделы облизполкома были засорены врагами. Теперь возьмите председателей райисполкомов – все враги, шестьдесят шесть председателей райисполкомов – все враги. Подавляющее большинство вто-

рых секретарей, я уже не говорю о первых, – враги, и не просто враги, там много сидело шпионов: поляки, латыши, они подбирали всякую махровую сволочь... Уполномоченный Комиссии партийного контроля – тоже враг, и оба его заместителя – шпионы. Возьмите советский контроль – враги.

Булганин спросил его:

– Честные люди хоть были там?

– Из руководящей головки – из секретарей райкомов, председателей райисполкомов – почти ни одного честного не оказалось.

Но не надо принимать всерьез возмущение членов политбюро. Постышев был обречен, и его обвинили в том, что другим в то же самое время ставили в заслугу.

Постышева на пленуме добивал один из секретарей Куйбышевского обкома Николай Григорьевич Игнатов, вскоре занявший его кресло. Так началось восхождение Игнатова, который станет потом секретарем ЦК и кандидатом в члены президиума и в 1964 году примет активное участие в свержении Хрущева...

В эти же месяцы на крови делал карьеру будущий кандидат в члены политбюро Александр Сергеевич Щербаков. Летом 1937 года его командировали в Иркутск навести там порядок. 18 июня он докладывал члену политбюро Жданову об уже проделанной работе:

«Должен сказать, что людям, работавшим ранее в Восточной Сибири – верить нельзя. Объединенная троцкистско-»правая» контрреволюционная организация здесь существовала с 1930–1931 года...

Партийное и советское руководство целиком было в руках врагов. Арестованы все руководители областных советских отделов, заворготделами обкома и их замы (за исключением пока двух), а также инструктора, ряд секретарей райкомов, руководители хозяйственных организаций, директора предприятий и т. д. Таким образом, нет работников ни в партийном, ни в советском аппарате.

Трудно было вообразить что-либо подобное.

Теперь начинаем копать органы НКВД.

Однако я не только не унываю, но еще больше укрепился в уверенности, что все сметем, выкорчем, разгромим и последствия вредительства ликвидируем. Даже про хворь свою и усталость забыл, особенно когда побывал у т.т. Сталина и Молотова».

В апреле 1938 года Щербакова утвердили первым секретарем Иркутского (Восточно-Сибирского) обкома, где он провел массовую чистку, а вскоре его перевели в столицу – первым секретарем Московского горкома и обкома.

В НКВД опять начались аресты: на этот раз брали людей, которых возвысил Ежов, его заместителей, начальников оперативных отделов.

В аппарат НКВД для укрепления кадрового состава перевели группу инструкторов из отдела руководящих партийных органов ЦК (то же будет сделано и в 1952-м). Сталин не хотел неожиданностей при смене власти в чекистском аппарате.

В августе у Ежова появился новый первый заместитель – Лаврентий Павлович Берия. Для первого секретаря ЦК Грузии назначение было явным понижением: оно имело смысл только в том случае, если Берия собирался в самом скором времени сменить Ежова и должен был просто перенять дела. В ноябре приказы по наркомату – невиданное дело! – издавались уже за двумя подписями – Ежова и Берии. Ежов не был более властен даже над собственным аппаратом.

Тем временем нарастала критика наркомата.

17 ноября 1938 года ЦК и правительство приняли постановление «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». В нем говорилось о «крупнейших недостатках и извращениях в работе органов НКВД»: «Враги народа и шпионы иностранных разведок, пробравшиеся в органы НКВД как в центре, так и на местах, продолжая вести свою подрывную работу, стараясь всячески запутать следственные и агентурные дела, сознательно извращали советские

законы, проводили массовые и необоснованные аресты, в то же время спасая от разгрома своих сообщников, в особенности засевавших в органах НКВД».

Работников НКВД упрекали в том, что они «отвыкли от кропотливой, систематической агентурно-осведомительской работы, вошли во вкус упрощенного порядка производства дел... следовательно ограничивается получением от обвиняемого признания своей вины и совершенно не заботится о подкреплении этого признания необходимыми документальными данными».

Постановление ликвидировало тройки и требовало производить аресты только с санкции суда или прокурора.

Это постановление обычно трактуется как сигнал к прекращению массовых репрессий. Это не так. Репрессии продолжались и при Берии. Более того, постановление помогало находить новых врагов внутри самого НКВД. Ордера на арест прокуратура выдавала бесперебойно. А Особое совещание при НКВД работало столь же эффективно, как и тройки...

Но постановление создавало алиби для Сталина и политбюро и звучало как смертный приговор Ежову. Надо думать, он это понимал.

ИСЧЕЗНУВШИЙ НАРКОМ

8 апреля 1938 года Ежова назначили по совместительству еще и наркомом водного транспорта. Так было и с Ягодой. Сталин действовал по испытанной схеме: убирал главного чекиста в сторону, готовя к аресту и суду. Но опять же не все в стране это поняли, потому что одновременно второй наркомат был поручен и Кагановичу.

Жену Ежова Евгению Соломоновну 29 октября 1938 года госпитализировали в подмосковный санаторий имени Воровского. У нее тяжелая депрессия. Жене Ежова тоже шили дело.

Несколько недель лечения ей не помогли. Она проглотила большую дозу снотворного – люминала – и 21 ноября умерла. Похоронили ее на Донском кладбище. Ежов на похоронах не присутствовал. Ему уже было не до этого. Истекали его последние дни на свободе.

Из ее предсмертного письма мужу:

«Очень прошу тебя, Колюшенька, и не только прошу, а настаиваю, проверь всю мою жизнь, всю меня. Я не могу примириться с мыслью о том, что меня подозревают в двурушничестве и в каких-то несодеянных преступлениях... Я ни в чем не виновата перед страной и партией. За что же, Коленька, я обречена на такие страдания, которые человеку и придумать трудно. Остаться одной, запятанной, опозоренной, живым трупом. Все время голову сверлит одна мысль: «Зачем жить? Какую вину я должна искупить нечеловеческими страданиями?»

Если бы можно было хоть пять минут поговорить с этим дорогим мне до глубины души человеком (Сталиным. – Л. М.). Я видела, как чутко он заботился о тебе. Я слышала, как чутко он говорил о женщинах. Он поймет меня, я уверена, он не может ошибиться в человеке и дать ему потонуть».

А тем временем Сталин вызвал Ежова и посоветовал ему развестись с женой, у которой подозрительные связи.

Потом следователи придумают: жена Ежова сама была завербована английской разведкой в 1926 году, потом и его завербовала. А Ежов ее отравил, чтобы она его не выдала.

Евгения Ежова, молодая привлекательная женщина, была легкомысленной особой, которая интересовалась творческими людьми. Когда-то она работала машинисткой в советском полпредстве в Берлине, потом увлеклась журналистикой, работала в «Крестьянской газете», потом стала заместителем главного редактора журнала «СССР на стройке».

Сам Ежов утверждал, что и знаменитый полярник Отто Шмидт, и писатель Исаак Бабель, автор «Конармии» и «Одесских рассказов», были ее любовниками.

В деле Ежова есть материалы слежки НКВД за Михаилом Александровичем Шолоховым, который в июне 1938 года приезжал в Москву. Наблюдение зафиксировало, что «Шолохова навещала жена тов. Ежова и они вступили в интимную связь».

Потом Ежов охотно обвинит свою жену в шпионаже: «Особая дружба у Ежовой была с Бабелем, я подозреваю, что дело не обошлось без шпионской связи». Бабеля арестовали и расстреляли. Отто Юльевича Шмидта и Шолохова не тронули. Им в этой лотерее выпал счастливый билет.

Карен Нерсесович Брутенц, родом из Азербайджана, в своей книге «Тридцать лет на Старой площади» отобразил обстановку тех дней. Его отец служил в НКВД. Из госбезопасности его перевели в милицию, назначили начальником ГАИ республики. Однажды он позвонил домой и сказал, что вернется неизвестно когда: из здания никого не выпускают, идут аресты. НКВД сам подвергся погрому – одному из нескольких.

Сотрудники наркомата сидели в своих кабинетах. По коридору шли люди. Если они входили в чей-то кабинет, значит, его хозяина арестовывали...

Спасти пытались немногие. 13 июня 1938 года из СССР убежал начальник УНКВД по Дальневосточному краю Генрих Самойлович Люшков. Перейдя через китайскую границу, он попал к японцам, которые хозяйничали в ту пору в марионеточном государстве Маньчжоу-Го.

Произошло же это так. Люшкова вызвали в Москву, и он, зная, что его ждет, просто перешел границу на участке 59-го погранотряда в Маньчжурию. Это оказалось несложным делом: сказал сопровождавшему его начальнику погранзаставы, что у него встреча с японским агентом, и ушел. Он дал серию газетных интервью о сталинских преступлениях, работал советником штаба Квантунской армии. Но у японцев ему пришлось несладко. Япония – это не та страна, где ищут политического убежища. В августе 1945 года, когда императорская армия потерпела поражение, японцы его убили. Его труп тайно кремировали.

В октябре того же года пытался убежать нарком внутренних дел Украины комиссар госбезопасности третьего ранга Александр Иванович Успенский.

Эту историю описал в своих мемуарах Хрущев.

Ему позвонил Сталин и сказал, что имеются данные, согласно которым надо арестовать Успенского. Слышно было плохо. Хрущеву послышалось не Успенского, а Усенко. Усенко был первым секретарем ЦК ЛКСМ Украины, на него уже тоже собрали показания, и он ждал, как решится его участь.

– Вы можете, – спросил Сталин, – арестовать его?

– Можем.

– Но это вы сами должны сделать.

И Сталин повторил фамилию. Тут Хрущев понял, что надо арестовать не комсомольского вожака Усенко, а главного чекиста Успенского.

Вскоре Сталин опять позвонил:

– Мы вот посоветовались и решили, чтобы вы Успенского не арестовывали. Мы вызовем его в Москву и арестуем здесь. Не вмешивайтесь в эти дела...

Хрущев из Киева поехал в Днепропетровск, пошел в обком партии, вдруг – звонок из Москвы, у телефона Берия, первый заместитель Ежова.

– Ты в Днепропетровске, – с упреком сказал Берия, – а Успенский сбежал. Сделай все, чтобы не ушел за границу.

Хрущев сказал:

– Ночь у нас была с густым туманом, поэтому машиной сейчас доехать из Киева до границы совершенно невозможно.

– Тебе, видимо, надо вернуться в Киев, – посоветовал Берия.

– Хорошо, все, что можно сделать, сейчас сделаем. Закроем границу, предупредим погранвойска, чтобы они усилили охрану сухопутной и морской границы.

Хрущев срочно вернулся в Киев, поднял всех на ноги.

Успенский оставил в наркомате записку: «Ухожу из жизни. Труп ищите на берегу реки». Его одежду обнаружили на берегу Днепра, и водолазы сетями и крючьями обшарили весь Днепр и речной берег. Нашли утонувшую свинью, а Успенского не оказалось.

Успенский тем временем скитался по стране, но через месяц его все-таки отыскали и через год расстреляли.

Когда Хрущев приехал в Москву, Сталин сказал ему:

– Я с вами говорил по телефону, а Успенский подслушал. Хотя мы говорим по ВЧ и нам объясняют, что подслушать ВЧ нельзя, видимо, чекисты все же могут подслушать, и он подслушал...

Есть и другая версия, видимо, более точная.

Разговаривая по телефону с Ежовым, Успенский понял по его обреченному тону, что дела плохи и надо спасаться, пока не поздно.

ПОСЛЕДНЯЯ АУДИЕНЦИЯ

Сам Ежов, однако, был не из тех, кто пытался спастись. Да ему это и в голову не приходило. Куда ему бежать? Надеялся, что Сталин его помилует. Он всего лишь ошибался, не всех врагов выявил и уничтожил. Других ошибок за собой не знал.

Рассказывают, что в последние месяцы он сильно пил и плохо владел собой.

За две недели до изгнания Ежова Сталин заставил его своей рукой написать, на кого из крупных работников, прежде всего членов политбюро, в НКВД есть доносы, кто в чем обвиняется, какие предположения есть у работников наркомата и так далее. Получился довольно большой список. Не на машинке отпечатанный документ – это можно подделать, – а рукописный.

Этот документ Сталин хранил в своем архиве до самой смерти. В этих доносах на членов политбюро не было ничего особенного: какие-то сомнительные, двусмысленные высказывания, кем-то заботливо записанные и принесенные в НКВД. Но важно не содержание, а сам факт наличия такого документа. При необходимости он легко обрастал другими такими же доносами и показаниями уже арестованных.

Поводом для ареста Ежова стал донос начальника управления НКВД по Ивановской области Виктора Павловича Журавлева, бывшего сибирского партизана. Скорее всего, он написан под диктовку сверху: уж больно смело Журавлев обвинял наркома в том, что он покровительствовал сомнительным людям.

Такое можно было написать, только будучи уверенным, что судьба Ежова решена. Журавлева похвалил сам Сталин, его перевели в столицу начальником управления НКВД по Московской области, избрали кандидатом в члены ЦК, а при Берии отправили начальником управления Карагандинского исправительно-трудового лагеря. С этой должности он слетел за незаконное использование продуктов, предназначенных для лагеря. Его, видимо, ждала печальная судьба, но по дороге в Москву он умер.

23 ноября 1938 года Ежов был у Сталина. Он провел в кабинете генерального секретаря почти четыре часа – с 21.15 до часа ночи. Присутствовали также Молотов и Ворошилов, в то время главные доверенные лица Сталина.

В тот же день Ежов написал большое покаянное письмо Сталину, попросил освободить его от работы наркома внутренних дел и перечислил свои ошибки:

«Во-первых, совершенно очевидно, что я не справился с работой такого огромного и ответственного наркомата, не охватил всей суммы сложнейшей разведывательной работы.

Вина моя в том, что я вовремя не поставил этот вопрос во всей остроте, по-большевистски, перед ЦК ВКП(б).

Во-вторых, вина моя в том, что, видя ряд крупнейших недостатков в работе, больше того, даже критикуя эти недостатки у себя в наркомате, я одновременно не ставил этих вопросов перед ЦК. Довольствуясь отдельными успехами, замазывая недостатки, барахтался один, пытаюсь выправить дело. Выправлялось туго – тогда нервничал.

В-третьих, во многих случаях, политически не доверяя работнику, затягивал вопрос с его арестом, выжидал, пока подберут другого. По этим же деляческим мотивам во многих работах ошибся, рекомендовал на ответственные посты, и они разоблачены сейчас как шпионы.

В-четвертых, моя вина в том, что я проявил совершенно недопустимую для чекиста беспечность в деле решительной очистки отдела охраны членов ЦК и Политбюро. В особенности эта беспечность непростительна в деле затяжки ареста заговорщиков по Кремлю...

Несмотря на все эти большие недостатки и промахи в моей работе, должен сказать, что при повседневном руководстве ЦК НКВД погромил врагов здорово. Даю большевистское слово и обязательство перед ЦК ВКП(б) и перед тов. Сталиным учесть все эти уроки в своей дальнейшей работе, учесть свои ошибки, исправиться и на любом участке, где ЦК сочтет необходимым меня использовать, оправдать доверие ЦК».

Даже такому человеку, как Ежов, была свойственна некоторая наивность. Уж Николай Иванович должен был бы понимать, что его ждет. И все же верил, что его, такого преданного Сталину человека, пощадят. Ну снимут с должности, ну арестуют, но не расстреляют же! За что его расстреливать?

Но его оправдания никого не интересовали. Ежов и его команда были отработанным материалом. Наркомат внутренних дел уже был поручен новой бригаде во главе с Лаврентием Павловичем Берией. И новая бригада старательно уничтожала своих предшественников.

Смена команды имела для Сталина еще один очевидный плюс – на Ежова и его людей можно было переложить ответственность за все «перегибы» и ошибки. Партия сурово наказала преступивших закон... И люди видели, как справедлив Сталин, как ему трудно, когда вокруг столько врагов.

На следующий день после разговора с Ежовым, 24 ноября, Сталин подписал вполне нейтральное решение политбюро:

«1. Удовлетворить просьбу тов. Ежова об освобождении его от обязанностей народного комиссара внутренних дел СССР.

2. Сохранить за тов. Ежовым должности секретаря ЦК ВКП(б), председателя Комиссии партийного контроля и наркома водного транспорта».

Причины освобождения указаны вполне благоприятные для Ежова: «учитывая как мотивы, изложенные в заявлении тов. Ежова, так и его болезненное состояние, не дающее ему возможности руководить одновременно двумя большими наркоматами».

Еще через день, 25 ноября, Берия возглавил наркомат внутренних дел. Давление на Ежова возрастало.

10 января 1939 года глава правительства Молотов подписал постановление Совета народных комиссаров:

«Ввиду того что Наркомвод т. Ежов систематически не является вовремя на работу и, несмотря на неоднократные предупреждения председателем СНК СССР, продолжает приходить в Наркомвод в 3, 4 и 5 часов вечера, манкируя работой и исполнением обязанностей Наркома:

1. Объявить выговор за манкирование работой в Наркомате и предупредить о недопущении этого впредь.

2. Обязать т. Ежова вовремя являться в Наркомат и нормально осуществлять руководство Наркоматом».

На XVIII съезд партии его, секретаря ЦК, даже не избрали.

9 апреля 1939-го появился указ Президиума Верховного Совета СССР о разделении наркомата водного транспорта, который не выполнил плана перевозок, на два – морского и речного флота. Ежов остался без работы.

На следующий день, 10 апреля, Ежова вызвал к себе только что избранный секретарем ЦК и назначенный начальником управления руководящих кадров Георгий Максимилианович Маленков. Он занял кресло, в котором в пору своего расцвета сидел Ежов. Но эпоха Николая Ивановича закончилась. Прямо в кабинете Маленкова после короткого разговора бывшего наркома арестовали. Ордер подписал его сменщик Лаврентий Павлович Берия.

Когда арестовали Ежова, Хрущев находился в квартире Сталина в Кремле. Сталин, как всегда, пригласил его поужинать.

«Как только мы вошли и сели на место, – пишет Хрущев, – Сталин сказал, что решено арестовать Ежова, этого опасного человека, и это должны сделать как раз сейчас.

Он явно нервничал, что случилось со Сталиным редко, но тут он проявлял несдержанность, как бы выдавал себя. Прошло какое-то время, позвонил телефон, Сталин подошел к телефону, поговорил и сказал, что звонил Берия: все в порядке, Ежова арестовали, сейчас начнут допрос».

Почему Сталин нервничал? Боялся, что человек, которому еще недавно подчинялись все органы госбезопасности, в том числе и личная охрана вождя, может в последний момент выкинуть какой-нибудь фортель. А вдруг у Ежова остались преданные ему люди и они попытаются то ли отбить бывшего наркома, то ли вообще напасть на самого Сталина? Вот поэтому он так старательно готовил каждый арест, лишая будущую жертву поддержки и опоры.

Ежова отвезли в Сухановскую особую тюрьму НКВД. Там держали ограниченное число особо опасных политических заключенных.

После ареста он написал Берии записку:

«Лаврентий!

Несмотря на суровость выводов, которые заслужил и принимаю по партийному долгу, заверяю тебя по совести в том, что преданным партии, т. Сталину останусь до конца.

Твой *Ежов*».

Чекистская верхушка менялась так быстро, что низовой аппарат госбезопасности едва успевал следить за переменами в руководстве.

Иван Михайлович Гронский, уже упоминавшийся на этих страницах, был арестован 30 июня 1938 года.

Он вспоминает, как во время допроса кто-то зашел в кабинет, и следователь вскочил.

– Кто у вас?

– Гронский Иван Михайлович.

Человек подошел к арестованному вплотную:

– Ну что, Иван, пишешь?

Гронский пригляделся – Ежов. Они познакомились в начале 30-х. Ежов запомнился ему как человек невысокой культуры. Был он небольшого роста, худой. На щеках – постоянный болезненный румянец, из-за которого старые чекисты называли его «чахоточным Вельзевулом».

– Не пишу и не собираюсь писать, – ответил Гронский.

– А я тебе очень советую писать!

– Мало ли что ты мне советуешь! Объективно, ты, Николай, делаешь контрреволюционное дело, и партия тебе этого никогда не простит.

Ежов начал кричать. Гронский его перебил:

– Ну что ты шумишь? Неужели ты не понимаешь, что исполнителей убирают, и вслед за нами ты пойдешь в тюрьму.

Ежов буквально выбежал из кабинета. Следователь покачал головой:

– Иван Михайлович, вы подписали себе смертный приговор!

Но Ежов, по словам Гронского, не обиделся и даже прислал старому знакомому папирос. Возможно, в реальности Гронский все же не беседовал с наркомом так резко...

Через несколько месяцев очередной следователь выколачивал из Гронского показания, ставя ему в вину документы со штампом «секретно», которые у него нашли при обыске.

Гронский решил прибегнуть к последнему аргументу:

– Да что ты ко мне пристаешь? Возьми телефон, позвони Николаю. Он тебе скажет, что я имел право хранить документ любой секретности.

– Кто такой Николай?

– Твой нарком – Ежов.

– Он такая же сволочь, как и ты!

– Как-как? Значит, и он арестован?

Следователь осекся и нажал кнопку:

– Увести!

ПАЦИЕНТ № 1

Ежов болел – у него был туберкулез, псориаз. Когда его поместили в тюремную больницу, там он значился не под своей фамилией: писали «пациент № 1». Бывшего министра госбезопасности Виктора Семеновича Абакумова в тюремной больнице тоже будут именовать примерно так же – «арестованный № 15».

Ежова обвиняли в «изменческих, шпионских взглядах, связях с польской и германской разведками и враждебными СССР правящими кругами Польши, Германии, Англии и Японии», в заговоре, подготовке государственного переворота, намеченного на 7 ноября 1938 года, в подрывной работе.

Ежов признал, что германская разведка завербовала его в 1930 году: «Прикрываясь личной партийности, я многие годы обманывал и двурушничал, вел ожесточенную и скрытую борьбу против партии и советского народа».

Он признал, что все начальники лагерей – контрреволюционные элементы. Рассказывал о преступной деятельности двух маршалов – инспектора кавалерии РККА Семена Михайловича Буденного и начальника генерального штаба Бориса Михайловича Шапошникова, а также народного комиссара иностранных дел Максима Максимовича Литвинова и заявил о том, что Прокурор СССР Андрей Януарьевич Вышинский связан с враждебными элементами.

Это означало, что чекисты и на этих людей подбирали материалы. Сеть закидывалась очень широко – практически на всех сколько-нибудь заметных в стране людей. И как только Сталин проявлял интерес, нужное дело клали ему на стол.

Но эти материалы в ход не пошли, все остались на свободе. Почему Сталин одних помиловал, а других казнил, понять невозможно.

Ежов признал, что готовил теракты против вождя – собирались стрелять в Сталина во время банкета или во время просмотра кинофильма.

Словом, Ежов признавался во всем: «Я не отрицаю, что пьянствовал... Часто заезжал к одному из приятелей на квартиру с девочкой и там ночевал».

Обвинили его и по статье 154-а в мужеложстве, совершенном с применением насилия или с использованием зависимого положения потерпевшего. Но в приговоре эта статья не значилась. Сам Ежов признал свое «морально-бытовое разложение»: «Речь идет о моем давнем пороке педерастии». Рассказал, что «взаимоактивные связи» начались у него с молодости.

Гонения на гомосексуалистов в Советском Союзе и в Германии начались почти одновременно.

Российские историки обнаружили датированную 13 декабря 1933 года докладную записку Сталину заместителя председателя ОГПУ Генриха Ягоды:

«Ликвидируя за последнее время объединение педерастов в Москве и Ленинграде, ОГПУ установило существование салонов и притонов, где устраивались оргии...

Педерасты занимались вербовкой и развращением совершенно здоровой молодежи, красноармейцев, краснофлотцев и отдельных вузовцев...

Закона, по которому можно было бы преследовать педерастов в уголовном порядке, у нас нет... Полагал бы необходимым издать соответствующий закон об уголовной ответственности за педерастию».

Закон приняли, причем гомосексуалистов судили во внесудебном порядке как политических преступников.

Постановление о привлечении Ежова к уголовной ответственности подписал старший следователь следственной части НКВД старший лейтенант госбезопасности Василий Тимофеевич Сергиенко.

В органах госбезопасности Сергиенко начинал фельдъегерем, перед этим работал в Харькове заведующим магазином при спирто-водочном заводе. За девять лет из фельдъегерей он дошел до сотрудника центрального аппарата НКВД и в 1939 году стал начальником следственной части Главного управления госбезопасности НКВД.

После дела Ежова его командировали в Киев заместителем наркома внутренних дел Украины. В начале 1941-го назначили наркомом. По словам Хрущева, это был «оборотистый человек». Сергиенко поспешил доложить в Москву, что Хрущев намерен сдать Киев, не хочет оборонять город. Сталин обвинил Хрущева и командование Юго-Западного фронта в трусости.

После войны всплыли весьма неприятные для наркома факты. Когда немцы подходили к Киеву, Сергиенко, как говорится в документах, «проявил «растерянность и трусость». Попав в окружение, сказал подчиненным:

– Я вам теперь не нарком, делайте что хотите.

В результате 800 человек из аппарата республиканского наркомата либо попали в плен, либо погибли. Сам он некоторое время жил в оккупированном Харькове, потом все-таки перешел линию фронта. В 1946 году Сергиенко перевели в ГУЛАГ и отправили начальником одного из лагерей, где он создал из заключенных оркестр и услаждал себя музыкой. В 1954 году его уволили и лишили генеральского звания.

ПРИГОВОР ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ

Накануне суда в Сухановскую тюрьму приехал Берия и о чем-то говорил с Ежовым. О чем? Вероятно, Лаврентий Павлович проводил с арестованными те же беседы, что вел еще недавно сам Ежов: объяснял, что надо признаваться в своей вине, тогда появится шанс на снисхождение. Так это было или не так, спросить уже некого, поскольку расстреляли и Ежова, и Берия.

Но на следующий день в последнем слове Ежов сказал: «Вчера еще в беседе с Берией он мне сказал: «Не думай, что тебя обязательно расстреляют. Если ты сознаешься и расскажешь все по-честному, тебе жизнь будет сохранена».

На суде Ежов заявил также: «Я почистил 14 тысяч чекистов. Но огромная моя вина заключается в том, что я мало их почистил».

По существу он отверг все обвинения и закончил свою последнюю речь так:

«1. Судьба моя: жизнь мне, конечно, не сохранят... Прошу одно: расстреляйте меня спокойно, без мучений.

2. Ни суд, ни ЦК мне не поверят, что я невиновен. Я прошу, если жива моя мать, обеспечить ей старость и воспитать мою дочь.

3. Прошу не репрессировать моих родственников и земляков, так как они совершенно ни в чем не повинны.

4. Прошу суд тщательно разобраться с делом Журбенко, которого я считал и считаю честным человеком и преданным делу Ленина – Сталина.

5. Я прошу передать Сталину, что никогда в жизни политически не обманывал партию, о чем знают тысячи лиц, знающих мою честность и скромность.

Прошу передать Сталину, что все, что случилось, является просто стечением обстоятельств и не исключена возможность, что и враги приложили свои руки, которые я проглядел. Передайте Сталину, что умирать я буду с его именем на устах».

Военная коллегия Верховного суда справилась с его делом за один день.

Его приговорили к смертной казни «за измену Родине, вредительство, шпионаж, приготовление к совершению террористических актов, организацию убийств неугодных лиц».

В решении суда говорилось: «Приговор окончательный и на основании постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года приводится в исполнение немедленно».

На следующий день, 4 февраля 1940 года, Ежов был расстрелян в подвале на Никольской улице.

Его падчерица Наталья, которая попала в детдом в шесть лет, а сейчас живет в поселке Ола Магаданской области, писала в своем обращении с просьбой о его реабилитации: «Ежов – продукт господствовавшей тогда системы кровавого диктаторства. Вина его в том, что он не нашел в себе сил отказаться от рабского служения Сталину, и вина его перед советским народом ничуть не больше, чем вина Сталина, Молотова, Кагановича, Вышинского, Ульриха, Ворошилова и многих других руководителей партии и правительства».

В июне 1998 года коллегия по военным делам Верховного суда отказалась реабилитировать Николая Ивановича Ежова.

Глава 5

ЛАВРЕНТИЙ ПАВЛОВИЧ БЕРИЯ

Знаменитый в годы войны авиаконструктор Александр Сергеевич Яковлев, создатель истребителей, вспоминал анекдот, рассказанный ему когда-то членом политбюро Андреем Александровичем Ждановым: «Сталин жалуется: пропала трубка. Говорит: «Я бы много дал, чтобы ее найти». Берия уже через три дня нашел десять воров, и каждый из них признался, что именно он украл трубку. А еще через день Сталин нашел свою трубку, которая просто завалилась за диван в его комнате».

Жданов, рассказывая анекдот, весело смеялся...

Эта славная история, конечно, прежде всего характеризует самого Жданова, но и Берию тоже. Такая, выходит, у Лаврентия Павловича была репутация даже среди своих, товарищей по политбюро. Ради одобрительного слова Сталина ловкий человек готов на все, и жизнь невинных людей для него ничто.

Политическая карьера Берии состоит из двух этапов – три сталинских десятилетия и три послесталинских месяца. Причем именно эти три месяца оказались наиболее яркими, но о том, что происходило после 5 марта 1953 года, мы поговорим отдельно, это уже другая эпоха.

Из всех хозяев Лубянки только Берия и Андропов и по сей день вызывают неподдельный интерес, рождают споры и кажутся многогранными личностями. Их предшественники и преемники представляются более однозначными фигурами.

Берия, хотя и в значительно меньшей степени, чем Андропов, в последние годы обзавелся искренними поклонниками. Или, как минимум, предстал в роли крупного политика, оболганного и несправедливо изображенного кровавым чудовищем.

В реальности Берия обладал сильной волей, был талантливым организатором, умел быстро схватить суть дела и ориентироваться в сложной обстановке.

Некоторые историки исходят из того, что Берия виноват в репрессиях не более, чем остальные члены политбюро – от Молотова до Хрущева. Просто летом 1953-го он проиграл в политической борьбе, и его превратили в козла отпущения, свалив на него все грехи.

ПЕРВЫЕ ПОДОЗРЕНИЯ И ПЕРВЫЕ ОПРАВДАНИЯ

Лаврентий Берия родился 29 марта 1899 года в горном селе Мерхеули Сухумского района Абхазии в крестьянской семье. Он явно был незаурядным ребенком, хотел учиться и добился своего. В 1919 году окончил Бакинское среднее механико-строительное техническое училище (специальность – архитектор-строитель) и еще два года проучился в Политехническом институте. Это довольно высокий образовательный ценз для партийно-чекистских кадров того времени.

Люди, которые интересовались его судьбой, говорят, что это был разносторонне одаренный человек, он любил музыку, пел, интересовался архитектурой. Но быструю карьеру в те времена можно было сделать только в политике.

В 1918–1919 годах он работал в Грузии и в Азербайджане практикантом в главной конторе нефтяной компании Нобеля, техником гидротехнического отряда. Остался в Баку, когда город был оккупирован турецкими войсками, работал конторщиком на заводе «Каспийское товарищество Белый город».

В партию большевиков вступил в марте 1917 года и быстро вовлекся в политическую деятельность. Причем по свойству своего характера занялся весьма деликатным, чтобы не сказать

сомнительным, делом: по заданию товарищей проник в контрразведку независимого Азербайджана, где с 1918-го по весну 1920-го у власти находилась партия «Мусават» («Равенство»).

С осени 1919 года по март 1920 года Берия официально служил агентом Организации по борьбе с контрреволюцией (контрразведка) при Комитете государственной обороны Азербайджанской республики.

Товарищей по партии эта история смущала. Об этом можно судить по письму, которое Берия в 1933 году из Тифлиса написал в Москву Серго Орджоникидзе, который по инерции все еще считался куратором Закавказья и в силу близких отношений со Сталиным был особо влиятелен.

Письмо Берии построено очень ловко. На нескольких страницах он отчитывается о своей работе, потом сообщает, что нашел работу для брата Серго – Папулии, и только потом переходит к главному:

«В Сухуме отдыхает Леван Гогоберидзе (первый секретарь ЦК компартии Грузии. – Л. М.). По рассказам т. Лакоба и ряда других товарищей, т. Гогоберидзе распространяет обо мне и вообще о новом закавказском руководстве гнуснейшие вещи. В частности, о моей прошлой работе в мусаватской разведке, утверждает, что партия об этом якобы не знала и не знает.

Между тем Вам хорошо известно, что в мусаватскую разведку я был послан партией и что вопрос этот разбирался в ЦК АКП(б) в 1920 году в присутствии Вас, т. Стасовой, Каминского, Мирза Давуд Гусейнова, Нариманова, Саркиса, Рухулла Ахундова, Буниат-Заде и других.

В 1925 году я передал Вам официальную выписку о решении ЦК АКП(б) по этому вопросу, которым я был совершенно реабилитирован, так как факт моей работы в контрразведке с ведома партии был подтвержден заявлениями т.т. Мирза Давуд Гусейнова, Касум Измайлова и др.».

Потом будут говорить, что Берия работал на мусаватистов и англичан или в лучшем случае был агентом-двойником. Но никаких документов на сей счет найдено не было даже в те времена, когда их явно искали по всем архивам, чтобы понадежнее замазать Берию. Лаврентий Берия всегда служил одной власти.

Из Баку Берию отправили на нелегальную работу в независимую Грузию, где у власти находилось меньшевистское правительство, в качестве уполномоченного кавказского крайкома. Почти сразу он был арестован в Тифлисе. От него потребовали в трехдневный срок покинуть Грузию. Но он остался и под чужой фамилией работал в полпредстве РСФСР в Грузии.

Его вновь арестовали и поместили в кутаисскую тюрьму.

В собрании сочинений Сергея Мироновича Кирова помещен любопытный документ. Киров в 1920 году был полномочным представителем РСФСР при правительстве самостоятельной тогда Грузии. В июле Киров направил грузинскому правительству официальную ноту:

«По сведениям, имеющимся в моем распоряжении, в Кутаисской тюрьме содержатся под арестом Николай Нозадзе, Ной Тодуа, Георгий Чубанидзе, Баграт Цамаа и Лаврентий Берия.

Все они были осуждены военно-полевым судом Грузинской Демократической Республики за участие в вооруженном выступлении в октябре прошлого года.

Так как все поименованные граждане имеют право на основании статьи X договора между Россией и Грузией на освобождение от отбывания наказания, я не могу не рассматривать дальнейшее их пребывание в тюрьме как нарушение договора».

Берию освободили и выслали в Азербайджан, где власть уже принадлежала большевикам. Два месяца он проработал управляющим делами ЦК компартии Азербайджана, а потом стал ответственным секретарем республиканской Чрезвычайной комиссии по экспроприации буржуазии и улучшению быта рабочих.

В апреле 1921 года он, как уже опытный подпольщик, оказался на работе в ЧК. Причем, будучи человеком грамотным, обладая быстрой реакцией и незаурядным умом, он стал делать карьеру. В его послужном списке одни повышения.

ГЛАВНЫЙ ЧЕКИСТ НА КАВКАЗЕ

Начал он с должности заместителя начальника секретно-оперативного отделения Азербайджанской ЧК, а уже через месяц он возглавил секретно-оперативную часть и сразу стал заместителем председателя республиканской ЧК.

В ноябре 1922 года его перевели на ту же должность в Грузинскую ЧК. На этой должности он проработал четыре года, пока в декабре 1926-го не стал заместителем председателя Закавказской ЧК – органа, который руководил госбезопасностью трех республик: Азербайджана, Грузии и Армении. Параллельно он возглавил ГПУ Грузии и получил пост наркома внутренних дел республики.

В начале 1931 года он возглавил Закавказское ГПУ, стал начальником Особого отдела Кавказской краснойзнаменной армии и полномочным представителем ОГПУ в Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республике. Это означает, что он понравился высокому начальству в Москве и его поставили надзирать над работой чекистов трех республик.

В том же году Берия переводят на партийную работу – вторым секретарем Закавказского крайкома и одновременно первым секретарем ЦК компартии Грузии и Тбилисского горкома.

После выступления Хрущева на XX съезде принято считать, что ключевой шаг в карьере Берии – назначение его в конце 1931 года вторым секретарем Заккрайкома – был сделан наперекор мнению местных партийных руководителей волей Сталина.

Это не совсем так. Закавказская Федерация, объединившая Грузию, Азербайджан и Армению, существовала с 1922-го по 1936 год. Партийное руководство республик непрерывно конфликтовало между собой, и не Берия был в этих интригах главным, хотя именно он вышел из этой склоки победителем.

Его предшественник на посту первого секретаря Закавказского крайкома Мамия Орахелашвили 1 августа 1932 года писал Серго Орджоникидзе, в руках которого сходились все нити управления Кавказом:

«У нас отношения все хуже и нетерпимее. Тов. Берия не бывает у меня, между нами нет даже общения по телефону. Это не значит, конечно, что он не занимается закрайкомовскими делами, иногда – наоборот, держит себя как некий комиссар Лиги Наций в подмандатной стране...

Я писал т. Сталину с месяц тому назад, просил освободить меня, так как я не смогу обеспечить выполнение минимального долга перед ЦК. Он не реагировал никак на письмо, не вызвал... Все равно, Серго, вы меня снимете потом – что не добился обеспечения твердого режима в работе, не лучше ли теперь освободить меня?»

9 октября 1932 года политбюро удовлетворило «просьбу т. Орахелашвили об освобождении его от обязанностей первого секретаря Закавказского крайкома». Через неделю этот пост занял Лаврентий Павлович.

Но путь Берии вверх не был простым и легким. Партийная элита жила в мире интриг, где все друг друга ненавидели и объединялись против удачливого соратника.

18 декабря 1932 года встревоженный Берия писал Орджоникидзе из Сухуми:
«Дорогой Серго!

Только что приехавший из Москвы Багиров передал мне в присутствии товарищей Ваш разговор с ним обо мне.

Сообщенные товарищем Багировым вещи были настолько чудовищны, что мне трудно было ему поверить.

Дорогой Серго, как могли Вы хоть на минуту допустить мысль о том, что я когда-либо, где-либо или кому-либо, в том числе и Нестору Лакобе, мог говорить столь нелепые, фанта-

стические и даже контрреволюционные вещи вроде: «Серго в двадцать четвертом году в Грузии перестрелял бы всех грузин, если бы не я...»

Я знаю, что болтунов из числа тех, кто уехал из Закавказья, много, запретить болтать глупости невозможно, знаю, что обо мне и о нашей нынешней работе в Закавказье ходит много кривотолков, но я никак не могу понять, чем руководствовался т. Лакоба, какие цели он преследовал, когда сообщал Вам заведомо ложные вещи...

Дорогой Серго, Вы меня знаете больше десяти лет. Знаете все мои недостатки, знаете, на что я способен.

Я ни разу не подводил ни ЦК, ни Вас и убежден – не подведу и в будущем.

Я отдаю все свое время работе, желая оправдать доверие ко мне партии и Центрального Комитета, я уже четыре года не пользовался отпуском, не находя возможным оторваться от дел. Сейчас нахожусь в Абхазии, нажимая на заготовки табаков...

Я прошу только одного: не верить никому. Не верьте и мне без проверки того, что я говорю и делаю. Проверьте и Вы сами убедитесь, насколько лживы и гнусны те инсинуации, которыми меня пытаются очернить в Ваших глазах...»

Своей карьерой Лаврентий Павлович обязан прежде всего Серго Орджоникидзе, который ему покровительствовал. Но уж и Берия не упускал случая доставить удовольствие московскому начальнику.

11 августа 1936 года Берия из Тифлиса писал Орджоникидзе:

«Дорогой Серго!

Получил Ваше письмо о сборнике, посвященном Вашему 50-летию. Решение об издании такого сборника в связи с Вашим юбилеем есть твердое решение бюро Заккрайкома ВКП(б) и руководящего коллектива республик, поэтому убедительно просим Вас не возражать...

Ваши доклады и статьи также обязательно необходимо в сборник включить. Многие в них сохраняют свою полную силу и для сегодняшнего дня. Это необходимо также для воспитания масс молодежи. Просим дать Вашу санкцию на опубликование намеченных докладов и статей в сборнике к юбилею...»

Нелепо было бы недооценивать природные дарования Лаврентия Берии.

БЛЮДА С ПЕРЦЕМ

Нами Микоян, невестка члена политбюро Анастаса Ивановича Микояна, племянница первого секретаря ЦК компартии Армении Григория Артемьевича Арутинова и дочь заместителя председателя Совнаркома Грузии Артема Григорьевича Геуркова, вспоминает молодого Берию:

«Берия, по-видимому, привлекал всех тогда своей внутренней силой, каким-то неясным магнетизмом, обаянием личности. Он был некрасив, носил пенсне – тогда это было редкостью. Его взгляд был пронзительным, ястребиным. Бросалось в глаза его лидерство, смелость и уверенность в себе, сильный мингрельский акцент. Даже я, пяти-шестилетняя девочка, тогда с восторгом смотрела, как он заплывал дальше всех в бурное море, как лучше всех играл в волейбол.

Берия увлекался фотографированием, и на его даче в Гаграх, где мы часто бывали в гостях, он фотографировал и меня. Эти снимки у меня сохранились. Он много со мной разговаривал, часто как бы всерьез обсуждал серьезные философские вопросы и книги...

Берия в домашнем кругу был спокойным и строгим, к нам, детям, всегда приветливый.

Родившийся в бедной семье в глухой мингрельской деревне, рано потерявший отца, Берия рос на руках матери, которая зарабатывала шитьем. В школе он учился очень хорошо. Потом на деньги села, как лучший ученик, гордость односельчан, поехал учиться в Сухуми. По-видимому, им всегда двигало тщеславное желание выдвинуться, стать первым любой ценой.

Но откуда у него было чувство красоты и хороший вкус, проявившийся в стиле жизни, в сдержанной элегантности комфорта?..

У Берии была большая двухэтажная дача. Комнаты были красиво обставлены, к столу все подавалось обслугой. Это был другой мир. Как правило, по воскресеньям Берия собирал коллег-соседей играть в волейбол...

К обеду Берия как всегда ждал гостей. Стол был накрыт. Еда готовилась в основном его родная, мингрельская: гоми – горячая каша из кукурузной муки с ломтями молодого сыра – стояла у каждого прибора, на первое был суп – лобио, помню иногда борщ. Все это сам Берия сильно перчил и заставлял гостей есть маленький зеленый огненный перчик, особенно тех, кто не привык к острому. Видя испуганное, красное лицо «отпробовавшего», он удовлетворенно смеялся...»

Всесоюзная слава Берии началась с доклада, прочитанного им в Тбилиси и изданного потом отдельной книгой – «К вопросу об истории большевистских организаций Закавказья», где до мифологических масштабов была раздута выдающаяся роль Сталина в революционном движении.

Сталину это явно было приятно, но умело составленный доклад был не единственным достижением Берии. Он проявил себя толковым и надежным администратором, способным выполнить задание любой ценой. А Сталин ценил именно это точное выполнение его приказов.

Люди, которые не справлялись с делом по неумению или потому, что считали невыносимым платить слишком высокую цену – иногда в человеческих жизнях, у него долго не работали.

Берия показал себя и преданным человеком – летом 1933 года, когда на отдохавшего в Абхазии Сталина вроде бы было совершено покушение, Берия громко крикнул: «Защитим вождя!» – и прикрыл собой Сталина. А кто в него стрелял, так и осталось неизвестным, потому что человека, который лежал на берегу с ручным пулеметом, охранники растерзали. Берия был большой мастер всякого рода интриг.

Одно представляется несомненным: Берия понравился Сталину. Но он был не единственным любимчиком генерального секретаря. Сталин многих выдвигал и окружал заботой. Когда надобность в них миновала, без сожаления отказывался от их услуг. Часто за этим следовал арест и расстрел. Берия – один из немногих, кто сумел пережить Сталина.

Иногда кажется, что Сталин доверял Берии потому, что они оба грузины. В этом предположении сразу две ошибки: во-первых, Сталин не доверял и Берии, во-вторых, национальная принадлежность Сталина мало интересовала. Если бы Серго Орджоникидзе не покончил с собой, от него избавились бы иным путем. Других выходцев с Кавказа рядом с генеральным секретарем не было, кроме Микояна, а он никогда не был близок к Сталину.

Равным образом национальная принадлежность Сталина и Берии не означала каких-либо поблажек для Грузии.

А Берия старательно выстраивал отношения со всеми членами политбюро. 20 июля 1933 года он писал из Тифлиса в Москву Калинин:

«Дорогой Михаил Иванович!

Приехавший из Москвы тов. Тодрия сообщил мне, что из разговора с Вами у него сложилось впечатление, будто Вы чем-то недовольны нами.

Мне очень больно узнать об этом, так как при моем искреннем уважении к Вам – одному из руководителей нашей партии, старейшему большевику и представителю лучшей части старой гвардии – я даже не допускаю мысли, чтобы хоть чем-нибудь сознательно мог вызвать Ваше недовольство.

Я специально поручил т. Мусабекову, едущему в Москву, выяснить, в чем мы провинились, чтобы сейчас же исправить свою вину и добиться восстановления Вашего всегда хорошего отношения к нам...»

И когда решался вопрос о переводе Берии в Москву, никто в политбюро не был против. Многие уже воспользовались приглашением Лаврентия Павловича, побывали в Тифлисе или в Сухуми и убедились в том, какой он любезный, заботливый и гостеприимный хозяин.

«Мне Берия понравился: простой и остроумный человек, – вспоминает Никита Хрущев, познакомившийся с ним в начале 30-х. – Поэтому на пленумах Центрального Комитета мы чаще всего сидели рядом, обменивались мнениями, а другой раз и зубоскалили в адрес оратора».

Берия умел веселиться и развлекаться и предпочитал делать это в большой компании, так что в приятелях у него недостатка не было.

Уже упоминавшийся на страницах этой книги профессор Александр Григорьевич Соловьев, бывший партийный работник с широкими связями, оставил интереснейший дневник. В 1936 году он встретил старого приятеля Жбанкова, который как бывший чекист жил в Троицком переулке в доме НКВД.

«Под ним квартира, закрепленная за Берией для проживания по время приездов Москву, – записал Соловьев в дневнике. – Приезжает он часто. Говорят, любимец т. Сталина. Но в быту ведет себя очень распушенно. Жбанков жалуется, когда приезжает Берия, то нет никакого покоя. Пьянка, крики, женщины, песни, танцы, дым коромыслом. Раз Жбанков позвонил, чтобы я пришел к нему. Поднимаясь по лестнице, я был оглушен. С обеих сторон двери в квартиру открыты. Берия занимал обе квартиры. Пьяные мужики и женщины орали, не обращая никакого внимания. Жбанков позвал, чтобы я увидел, как безобразничают Берия и его гости. Впечатление очень тяжелое».

Уже тогда среди людей, близко знавших Берию, ходили разные слухи. После дружеского ужина у Берии в декабре 1936 года внезапно скончался глава Абхазии Нестор Аполлонович Лакоба. Ему было всего сорок три года. Берия его не любил. Рассказывают, что, умирая, Лакоба прошептал родным:

– Отравил меня проклятый Лаврентий.

Говорят, что Лакобе Сталин предлагал пост наркома внутренних дел, желая сменить Ягуду. Но Лакоба вроде бы не захотел покидать Абхазию. Тогда должность наркома досталась Берии... После смерти Лакобы арестовали его сына Рауфа, ему году было всего пятнадцать лет, и четырнадцатилетнего племянника Тенгиза.

Сына Лакобы приговорили к расстрелу за «участие в контрреволюционной организации». Приговор был приведен в исполнение в страшные дни осени 1941 года, когда Сталин и Берия расстреливали тех, кого боялись оставлять наступавшим немцам. Тогда было расстреляно 500 человек, среди них крупные военачальники.

«ЛУЧШЕ БЫ МНЕ ОСТАТЬСЯ В ГРУЗИИ»

Хрущев рассказал, как именно Берия был переведен в Москву. Сталин как бы невзначай заметил:

– Надо бы подкрепить НКВД, помочь товарищу Ежову, выделить ему заместителя. – И обратился к Ежову: – Кого вы хотите в замы?

Тот ответил:

– Если нужно, то дайте мне Маленкова.

Сталин умел делать в разговоре паузу, вроде бы обдумывая ответ, хотя у него давно каждый вопрос был обдуман.

– Да, – сказал Сталин, – конечно, Маленков был бы хорош, но Маленкова мы дать не можем. Маленков сидит на кадрах в ЦК, и сейчас же возникнет новый вопрос, кого назначить туда? Не так-то легко подобрать человека, который заведовал бы кадрами, да еще в Центральном Комитете. Много пройдет времени, пока он изучит и узнает кадры.

На этом разговор вроде закончился. А через какое-то время он опять поставил перед Ежовым прежний вопрос:

– Кого вам дать в замы?

На этот раз Ежов никого не назвал. Тогда Сталин предложил сам:

– А как вы посмотрите, если дать вам заместителем Берию?

Берия находился там же, в кабинете Сталина.

Ежов резко встрепенулся, но сдержался и ответил:

– Это – хорошая кандидатура. Конечно, товарищ Берия может работать и не только заместителем. Он может быть и наркомом.

Тогда Берия и Ежов находились в дружеских отношениях. Как-то в воскресенье Ежов пригласил Хрущева и Маленкова к себе на дачу, там был и Берия. Когда Лаврентий Павлович приезжал в Москву, то всегда гостил у Николая Ивановича...

Сталин сухо ответил:

– Нет, в наркомы Берия не годится, а заместителем у вас будет хорошим.

И тут же продиктовал Молотову проект постановления.

Хрущев после заседания подошел к Берии и поздравил его. Тот ответил:

– Я не принимаю твоих поздравлений.

– Почему?

– Ты же не согласился, когда тебя прочили заместителем к Молотову. Так почему же я должен радоваться, что меня назначили заместителем к Ежову? Мне лучше было бы остаться в Грузии.

Назначение Берии в наркомат внутренних дел было для него, судя по всему, малоприятным сюрпризом. Все-таки он возглавлял крупную партийную организацию и в случае перевода в Москву мог рассчитывать на пост в ЦК, а не в отраслевом наркомате. Уход с партийной работы выглядел понижением. Тем более, что утвердили его даже не наркомом, а всего лишь первым заместителем, хотя наверняка ему намекнули, что это назначение с перспективой.

В литературе бытует такая версия, будто Ежов, узнав, кто определен ему в могильщики, попытался отсрочить казнь и отдал распоряжение арестовать Берию. Шифровку получил нарком внутренних дел Грузии Сергей Арсеньевич Гоглидзе. Но он не выполнил распоряжение взять первого секретаря под стражу, а показал шифровку Берии. Тот срочно вылетел в Москву, пробился к Сталину и вымолил себе жизнь.

Это не более чем анекдот. Своеволия Ежов никогда не проявлял. А выписать ордер на арест Берии нарком просто не имел права: первых секретарей ЦК нацреспублик брали только с санкции политбюро, то есть Сталина.

Сын Георгия Максимилиановича Маленкова пишет, что, по словам отца, именно ему Сталин поручил найти для наркомата внутренних дел первого зама, имеющего опыт партийной работы. Маленков перепоручил это своему заместителю. Тот и предложил кандидатуру Берии. Сталину назвали семь фамилий. Сталин выбрал Лаврентия Павловича.

22 августа 1938 года Берия был утвержден первым заместителем наркома внутренних дел СССР и засел на Лубянке вникать в дела и разбираться с кадрами. Он знал, что ему, как и всем его предшественникам, предстоит начать с чистки руководящего аппарата.

Берии сразу присвоили специальное звание комиссара государственной безопасности первого ранга (это приравнивалось к армейскому званию генерала армии).

Еще через месяц, 29 сентября, его назначили по совместительству начальником Главного управления государственной безопасности НКВД. В это управление входили все оперативные отделы, в том числе охрана политбюро. Ежов формально еще оставался наркомом, и Сталин не хотел никаких неприятных сюрпризов.

Берия привел с собой несколько доверенных лиц. Они потом разделят его судьбу.

Владимир Георгиевич Деканозов работал с ним в ГПУ Грузии. Берия сделал его секретарем ЦК Компартии Грузии по транспорту, затем наркомом пищевой промышленности Грузии и, наконец, председателем республиканского Госплана. Он возглавлял 3-й (контрразведывательный) и 5-й (особый) отделы ГУГБ НКВД. Летом 1940-го наводил порядок в Литве, которая была присоединена к Советскому Союзу после договора с Гитлером. В мае 1939-го – заместитель наркома иностранных дел, с ноября 1940-го посол в Германии. После смерти Сталина в 1953-м получил портфель министра внутренних дел Грузии.

Богдан Захарович Кобулов работал с Берией в ГПУ Грузии с 1925 года. На Лубянке он быстро вырос до первого заместителя наркома. Он был самым близким к Лаврентию Павловичу человеком. Кобулов ходил по коридорам Лубянки в одной рубашке с засученными рукавами, огромный живот колыхался. Все, кто шел навстречу, испуганно жались к стене. Его брат Амаяк тоже займет высокие должности в наркомате.

Всеволод Николаевич Меркулов работал с Берией с 1922 года. В 1941-м он станет наркомом госбезопасности СССР. Подробнее о нем в следующей главе.

Лаврентий Фомич Цанава (настоящая фамилия – Джанджава) работал с Берией с 1921 года. В 1922 году его исключили из партии по обвинению «в умыкании невесты», через год восстановили. Вслед за Берией Цанава в 1933 году ушел из органов госбезопасности, возглавил виноградное управление Самтреста, потом стал первым заместителем наркома земледелия Грузии. Он много лет был наркомом внутренних дел Белоруссии. Во время войны возглавлял Особый отдел Западного фронта, был заместителем начальника Центрального штаба партизанского движения. После войны стал заместителем министра госбезопасности.

Степан Соломонович Мамулов работал с Берией с начала 20-х. Он больше десяти лет был на партийной работе, в том числе в Казахстане и Днепропетровске, в середине 30-х стал секретарем Тбилисского горкома, заведовал сельхозотделом ЦК Грузии. Берия забрал его в Москву, сначала сделал его начальником секретариата НКВД, а затем заместителем министра внутренних дел.

И сразу Лаврентий Павлович стал набирать в органы новых людей. Будущий генерал госбезопасности Евгений Петрович Питовранов рассказывал в газетном интервью, как в 1938 году его, секретаря парторганизации Московского института инженеров транспорта, попросили назвать четырех надежных человек для службы в НКВД. Через несколько дней всех пригласили на Лубянку. Заседание вел Берия. Ежов сидел молча. Понравились все четверо, которых назвал Питовранов. И его самого тоже взяли на работу, хотя он еще учился и ему предстояло защищать диплом.

– Ничего, – махнул рукой Берия, – здесь университеты пройдешь.

Три месяца Берия принимал дела на Лубянке, а 25 ноября 1938 года был утвержден наркомом и провел массовую чистку. В 1939 году из органов госбезопасности были уволены 7372 человека (каждый пятый оперативный работник), пишут историки Александр Кокурин и Никита Петров. Аппарат обновился наполовину: в том же 1939-м на оперативные должности было взято 14,5 тысячи человек, абсолютное большинство – из партийных и комсомольских органов.

Берия сменил три четверти руководящих работников госбезопасности – он, видимо, получил от Сталина директиву радикально обновить аппарат за счет призыва партийно-комсомольских кадров. Чекистский аппарат значительно помолодел. Изменился национальный состав руководящего состава – исчезли поляки, латыши, немцы (представители «иностранной национальностей», как тогда говорили), резко сократилось число евреев. Кроме того, Берия убрал всех чекистов, которые в молодости состояли в каких-то других партиях – были эсерами или анархистами – или принадлежали к враждебным классам, то есть родились не в пролетарских семьях.

ПРИКАЗАНО: ИЗБИВАТЬ

Считается, что с приходом Берии массовые ежовские репрессии прекратились и кое-кого даже выпустили из тюрем и лагерей. 9 ноября 1939 года новый нарком действительно подписал приказ «О недостатках в следственной работе органов НКВД» с требованием строго соблюдать уголовно-процессуальные меры. Несколько сотрудников наркомата были арестованы за «неправильные» методы ведения следствия.

В Молдавии был устроен процесс над сотрудниками республиканского НКВД, которых судили за «провокацию в следствии, вымогательство от арестованных ложных показаний и подлоги в протоколах допросов». Арестовали и наркома капитана госбезопасности Ивана Широкого. Он покончил с собой в тюрьме.

Все, что творилось в органах, в политбюро прекрасно знали. Время от времени устраивались показательные проверки.

1 февраля 1939 года Прокурор СССР Вышинский доложил Сталину и Молотову о расследовании «серьезнейших преступлений, совершенных рядом сотрудников Вологодского УНКВД», проведенного Главной военной прокуратурой по просьбе секретаря Вологодского обкома.

Они «составили подложные протоколы допросов обвиняемых, якобы сознавшихся в совершении тягчайших государственных преступлений... Сфабрикованные таким образом дела были переданы на рассмотрение во внесудебном порядке на тройку при УНКВД по Вологодской области, и более ста человек были расстреляны... Во время допросов доходили до изуверства, применяя к допрашиваемым всевозможные пытки. Дошло до того, что во время допросов этими лицами четверо допрашиваемых были убиты».

Вышинский доложил, что за эти преступления арестованы десять чекистов. Он предложил «настоящее дело заслушать в закрытом заседании Военного трибунала Ленинградского военного округа, но в присутствии узкого состава оперативных работников Вологодского управления НКВД и вологодской прокуратуры».

И, как водится, приговор был известен еще до начала суда: «Обвиняемых Власова, Лебедева и Роскуракова, являющихся зачинщиками и организаторами изложенных выше вопиющих преступлений, полагал бы приговорить к высшей мере наказания – расстрелу, остальных – к длительным срокам лишения свободы».

В 1939-м из лагерей было освобождено 223,6 тысячи человек, из колоний – 103,8 тысячи.

Однако одновременно было арестовано 200 тысяч человек, не считая депортированных из западных областей Белоруссии и Украины после раздела Польши осенью 1939 года. Права Особого совещания при НКВД СССР, которое выносило внесудебные приговоры в тех случаях, когда не было никаких доказательств, по настоянию Берии были расширены.

И знаменитое указание Сталина разрешить пытать и избивать арестованных появилось в письменном виде не при Ежове, а при Берии.

Речь идет о шифротелеграмме секретарям обкомов, крайкомов, ЦК компартий нацреспублик от 10 января 1939 года, подписанной Сталиным: «ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК... ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод».

Евгений Гнедин, бывший заведующий отделом печати НКВД, арестованный в мае 1939 года, прошел через лагеря, выжил и оставил воспоминания. Он описал, как его привели к Кобулову:

«Передо мной за солидным письменным столом восседал тучный брюнет в мундире комиссара первого ранга – крупная голова, полное лицо человека, любящего поесть и выпить, глава навывкате, большие волосатые руки...

Кобулов заканчивал разговор по телефону. Заключительная реплика звучала примерно так:

– Уже сидит и пишет, да-да, пишет, а то как же!

Кобулов весело и самодовольно хохотал, речь шла, очевидно, о недавно арестованном человеке, дававшем показания.

Обернувшись ко мне, Кобулов придал лицу угрожающее выражение. Не отводя глаз, он стал набивать трубку табаком из высокой фирменной коробки «Принц Альберт». Я сам курил трубку и очень ценил этот превосходный американский табак, который в Москве нельзя было достать... Грозным тоном Кобулов заявил мне, что я разоблачен и вскоре буду расстрелян... Он потребовал, чтобы я рассказал ему о моих «связях с врагами народа»...

Поскольку Гнедин не желал раскаиваться, то утром, часа через четыре после окончания первого ночного допроса, его снова вызвали:

«Через площадку парадной лестницы, через приемную и обширный секретариат меня провели в кабинет кандидата в члены политбюро, наркома внутренних дел Л.П. Берии.

Пол в кабинете был устлан ковром, что мне вскоре пришлось проверить на ощупь. На длинном столе для заседаний стояла ваза с апельсинами. Много позднее мне рассказали истории о том, как Берия угощал апельсинами тех, кем он был доволен. Мне не довелось отведать этих апельсинов.

В глубине комнаты находился письменный стол, за которым уже сидел Берия и беседовал с расположившимся против него Кобуловым. Меня поместили за стол рядом с Кобуловым, а слева, рядом со мной, – чего я сначала в волнении не заметил, – уселся какой-то лейтенант...

Кобулов официальным тоном доложил:

– Товарищ народный комиссар, подследственный Гнедин на первом допросе вел себя дерзко, но он признал свои связи с врагами народа.

Я прервал Кобулова, сказав, что я не признавал никаких связей с врагами народа... Добавил, что преступником себя не признаю.

Кобулов со всей силой ударил меня кулаком в скулу, я качнулся влево и получил от сидевшего рядом лейтенанта удар в левую скулу. Удары следовали быстро один за другим. Кобулов и его помощник довольно долго обрабатывали мою голову – так боксеры работают с подвешенным кожаным мячом. Берия сидел напротив и со спокойным любопытством наблюдал, ожидая, когда знакомый ему эксперимент даст должные результаты...

Убедившись, что у меня «замедленная реакция» на примененные ко мне «возбудители», Берия поднялся с места и приказал мне лечь на пол. Уже плохо понимая, что со мной происходит, я опустился на пол... Я лег на спину.

– Не так! – сказал нетерпеливо кандидат в члены политбюро Л.П. Берия.

Я лег ногами к письменному столу наркома.

– Не так, – повторил Берия.

Я лег головой к столу. Моя непонятливость раздражала, а может быть, и смутила Берию. Он приказал своим подручным меня перевернуть и вообще подготовить для следующего номера задуманной программы. Когда палачи (их уже было несколько) принялись за дело, Берия сказал:

– Следов не оставляйте!..

Они избивали меня дубинками по обнаженному телу. Мне почему-то казалось, что дубинки резиновые, во всяком случае, когда меня били по пяткам, что было особенно болезненно, я повторял про себя, может быть, чтобы сохранить ясность мыслей: «Меня бьют резиновыми дубинками по пяткам». Я кричал – и не только от боли, но наивно предполагая, что

мои громкие вопли в кабинете наркома, близ приемной, могут побудить палачей сократить операцию. Но они остановились, только когда устали».

То же самое происходило по всей стране.

Писатель Кирилл Анатольевич Столяров цитирует в своей книге о министре госбезопасности Абакумове рапорт заместителя начальника райотдела НКВД в Гаграх В.Н. Васильева (начальником отдела был будущий министр госбезопасности Грузии Рухадзе):

«Арестованных на допросах били до смерти, а затем оформляли их смерть как умерших от паралича сердца и по другим причинам...»

Арестованного били по несколько часов подряд по чему попало... Делалась веревочная петля, которая надевалась на его половые органы и потом затягивалась... Майор Рухадзе дал сотрудникам установку: «Кто не бьет, тот сам враг народа!»

Однажды я зашел в кабинет следователя, который допрашивал арестованного эстонца по подозрению в шпионаже на немцев. «Как он ведет себя?» – спросил я. «Молчит, не хочет признаваться во вражеских намерениях», – ответил следователь, заполняя протокол. Я внимательно посмотрел на арестованного и понял, что тот мертв. Обойдя вокруг него, я заметил кровь на разбитом затылке... Тогда я спросил следователя, что он с ним делал, и он мне показал свернутую проволочную плетку, пальца в два толщиной, которой он бил этого арестованного по спине, не заметив того, что тот уже мертв...

Словом, в помещении райотдела днем и ночью стоял сплошной вой, крик и стон...»

Арестованный Рухадзе скажет потом, что его бывший заместитель преувеличивает: избивали только по ночам, днем в райотдел приходили посетители и бить было невозможно.

Репрессии с назначением Берии вовсе не закончились. А приказы об исправлении ошибок и увольнение из аппарата проштрафившихся были обычной практикой взваливания вины за прошлое на предшественников. И людям казалось, что худшее позади, что пришли наконец справедливые люди и наведут порядок. Авральнотурмовая работа госбезопасности при Ежове сменилась планомерной чисткой при Берии.

Василий Иванович Бережков, автор книги о начальниках Ленинградского управления госбезопасности, цитирует обращение секретаря Псковского окружкома партии Игнатова от 27 января 1939 года к первому секретарю обкома Жданову: начальник Псковского окружного отдела НКВД «Карпов и его подчиненные не сделали для себя никаких выводов, вытекающих из решения ЦК... Вместо того чтобы организовывать беспощадную борьбу со всеми врагами СССР, по существу ослабили, если не прекратили борьбу со врагами народа... Если с 17 сентября по 18 ноября 1938 года было разоблачено и арестовано 1193 человека, то с 18 ноября 1938 года по 14 января 1939 года только 12 врагов народа».

Сталину нравилось, как Берия решает любые проблемы. Вождь поручил ему покончить с преступностью в столице. В феврале 1940 года Берия обратился к Сталину с предложением:

«1. Арестовать и решением Особого совещания НКВД заключить в исправительно-трудовые лагеря сроком до 8 лет нелегально проживающих в Москве и области 5–7 тысяч человек уголовно-преступного элемента.

2. Решением Военной коллегии Верховного Суда СССР расстрелять 300 человек профессиональных бандитов и грабителей, имеющих неоднократные судимости...»

Предложение было принято.

В марте 1939 года на XVIII, последнем перед войной партийном съезде Берия был избран кандидатом в члены политбюро. На съезде Сталин с удовольствием говорил, что за последние пять лет на руководящие посты в стране выдвинуто больше полумиллиона новых работников.

В 1939 году в номенклатуре ЦК числилось примерно 33 тысячи человек – от наркомов до парторгов ЦК на заводах и стройках. Из них половина вошла в номенклатуру в годы большого террора.

За эти годы сменилось девять десятых секретарей обкомов, крайкомов и ЦК национальных республик. Выдвинулись молодые работники, которые совсем недавно вступили в партию. Прежние ограничения, требовавшие солидного партстажа для выдвижения на крупную должность, были сняты. Молодые люди, не получившие образования, совершали головокружительные карьеры, поэтому они поддерживали репрессии, которые освобождали им дорогу наверх.

Сталин не доверял старому поколению и не считал его пригодным для работы. А чиновники нового поколения были всем обязаны Сталину, испытывали к нему признательность, были энергичны и желали доказать свою пригодность.

Полковник внешней разведки Владимир Борисович Барковский, сыгравший важную роль в атомном шпионаже и удостоенный в 1996 году звания Героя Российской Федерации, вспоминал в газетном интервью, как он перед войной в числе выпускников спецшколы НКВД впервые увидел Берия: «Берия принял выпускников, говорил в течение пяти минут. Я ожидал увидеть нечто могучее, а за столом сидел маленький человек в пенсне без оправы, похожий на старого российского интеллигента, держался уверенно. Заявил нам, что мы все должны оправдать доверие Родины, правительства и товарища Сталина».

ПАРТИЯ В БИЛЬЯРД

Писатель Корнелий Люцианович Зелинский оставил крайне любопытные воспоминания о своих разговорах с Александром Александровичем Фадеевым. Они опубликованы в пятом сборнике документов «Минувшее», которые стали выходить после начала перестройки.

Генеральный секретарь Союза советских писателей Фадеев пользовался особым расположением генерального секретаря партии. Сталину он нравился даже чисто по-человечески.

Фадеев рассказал о том, что он был в качестве гостя на съезде партии Грузии в 1937 году и покритиковал потом в письме Сталину культ первого секретаря Берии. Берия это запомнил. Прошло время, Лаврентий Павлович стал наркомом внутренних дел. Аресты продолжались. Фадеев был очень лояльным человеком, но иногда пытался вступить за кого-то из тех, кого знал и любил.

Сталин сказал ему:

– Все ваши писатели изображают из себя каких-то недотрог. Идет борьба, тяжелая борьба. Ты же сам прекрасно знаешь, государство и партия с огромными усилиями вылавливают всех тех, кто вредит строительству социализма, кто начинает сопротивляться. А вы вместо того, чтобы помочь государству, начинаете разыгрывать какие-то фанабери, писать жалобы и тому подобное.

Тем не менее, когда арестовали женщину, которую он хорошо знал, Фадеев поручился за нее. Прошло несколько недель, прежде чем ему ответили. Позвонили ему домой:

– Товарищ Фадеев?

– Да.

– Письмо, которое вы написали Лаврентию Павловичу, он лично прочитал и дело это проверил. Человек, за которого вы лично ручались своим партийным билетом, получил по заслугам. Кроме того, Лаврентий Павлович просил меня – с вами говорит его помощник – передать вам, что он удивлен, что вы как писатель интересуетесь делами, которые совершенно не входят в круг ваших обязанностей как руководителя Союза писателей и как писателя.

Секретарь Берии повесил трубку, не ожидая ответа.

– Мне дали по носу, – заключил Фадеев, – и крепко.

Но совсем ссориться с писателем номер один Берия не хотел и однажды позвал Фадеева в гости на дачу. После ужина пошли играть в бильярд. Берия заговорил о том, что в Союзе писателей существует гнездо крупных иностранных шпионов.

Фадеев поругался с Берией, стал говорить, что вообще нельзя так обращаться с писателями, как с ним обращаются в НКВД, что требования доносов нравственно ломают людей.

Берия зло сказал ему:

– Я вижу, товарищ Фадеев, что вы просто хотите помешать нашей работе.

Фадеев, по его словам, ответил не менее жестко:

– Довольно я видел этих дел. Таким образом всех писателей превратите во врагов народа.

Берия разозлился. Фадеев улучил минуту и сбежал с дачи, пошел в сторону Минского шоссе. Внезапно он увидел машину, отправленную ему вдогонку: «Я понял, что эта машина сейчас собьет меня, а потом Сталину скажут, что я был пьян». Фадеев спрятался в кустах, дождался, когда преследователи исчезнут, потом долго шел пешком и сел на автобус...

УБИЙСТВО ТРОЦКОГО

Убить Троцкого, который после изгнания из России жил в Мексике, было страстным желанием Сталина. Мало кого он ненавидел так сильно, как Троцкого. Тут было много личного. Троцкий от души презирал Сталина, считал посредственностью и не скрывал своих чувств.

Лев Троцкий был одним из отцов-основателей Советского государства. Ему судьба щедро отпустила славы и бесславия, взлетов и падений. Он видел, как осуществились его самые смелые мечты, как мгновенно реализовывались его идеи, он был триумфатором. И он видел крушение всех своих надежд и полный крах своей карьеры.

Пока был жив Ленин, Троцкий считался в партии человеком номер два и мог претендовать на первое место. В то время как Сталин чем дальше, тем с большей уверенностью полагал, что именно он должен возглавить страну и партию после неминуемого ухода Ленина.

Сталин с раздражением видел, что окружающие почему-то не замечают его достоинств и продолжают восхищаться революционными заслугами, военными успехами, ораторскими и литературными достоинствами Льва Троцкого.

В решающие дни 1917 года Троцкий вел себя очень мужественно. Когда Временное правительство начало преследовать большевиков, Ленин и Зиновьев спрятались, Троцкий не скрывался. Его арестовали и продержали два месяца в тюрьме, но вынуждены были отпустить.

Он сыграл ключевую роль в Октябрьской революции, в захвате власти большевиками. Он был необыкновенно популярен, его выступления завораживали слушателей.

Сам Троцкий мечтал быть писателем, журналистом. Власть пришла к большевикам так быстро и неожиданно, что Троцкий еще не успел решить, чем он станет заниматься. От предложенного ему поста наркома по внутренним делам отказался. По предложению Свердлова стал наркомом по иностранным делам.

Троцкий возглавлял наркомат по иностранным делам ровно шесть месяцев и после подписания Брестского мира с немцами с чувством облегчения подал в отставку. Ленин поручил Троцкому куда более важное для страны дело – создавать армию в качестве наркома и председателя Реввоенсовета.

Несмотря на сопротивление товарищей-коммунистов, Троцкий привлек к созданию Красной армии офицеров царской армии. Это и обеспечило ей окончательную победу. Высокомерный по характеру, он не боялся конкуренции. Ему не нужны были безмолвные исполнители, и он окружал себя не посредственностями, а талантливыми людьми. Он выдвинул всю плеяду полководцев времен Гражданской войны. Со временем это сыграло роковую роль в их судьбе: выдвиженец Троцкого – это было равносильно смертному приговору.

В роли создателя армии он был на месте – тут-то и пригодились его бешеная энергия, природные способности к организаторской деятельности, мужество и решительность. К ним добавилась еще и жестокость. Ленин и Троцкий победили в Гражданской войне, но какой кровавой ценой!

Потом многие годы будут писать, что жестокость Троцкого объясняется его еврейским происхождением: он не жалел ни России, ни русских. На самом деле национальность имела для Троцкого столь же малое значение, как и для Дзержинского или Сталина. Эти люди не чувствовали себя ни евреями, ни поляками, ни грузинами.

Они считали себя выше национальностей и ставили перед собой задачи всемирного характера. Выбирая себе друзей и врагов, они отнюдь не руководствовались этническими принципами. Поздний антисемитизм Сталина явление другого порядка, о нем пойдет речь дальше.

В начале 1918 года в газете «Петроградский голос», критически относившейся к большевикам, тогда это еще позволялось, публицист А. Амфитеатов, известный своим острым пером, опубликовал статью «Троцкий-великоросс».

Не соглашаясь с обычной оценкой Троцкого – «инородец», чужой, он писал, что Троцкому, напротив, не хватает традиционных еврейских черт осторожности, образования, умения приспособляться к обстоятельствам. По его мнению, беда заключалась как раз в том, что Троцкий слишком хорошо усвоил типичные черты великоросса, причем великоросса-шовиниста: «похвальбу, драчливость, нахрапистость, легкомыслие, злобу». Той же точки зрения придерживался и Ленин, уверенный, что представители национальных меньшинств хотят быть большими русскими, чем сами русские.

Победа в Гражданской войне прибавила Троцкому восторженных поклонников. На XII съезде партии выступление Троцкого было встречено такой бурной овацией, что Сталин и другие члены политбюро позеленели от зависти. А тогдашний любимец вождя и будущий нарком обороны Климент Ефремович Ворошилов зло сказал:

– Подобные овации просто неприличны, так можно встречать только Ленина.

Сталин и другие твердо решили, что от Троцкого нужно избавиться. В 1925 году его сняли с постов наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета.

Два года он работал под руководством Дзержинского в ВСНХ, ведал научно-техническим управлением промышленности и Главконцесесскомом. Но эта работа занимала у него не много времени. В основном он безуспешно сражался со Сталиным и сталинской политикой, пока не потерпел поражение. В 1926 году он перестал быть членом политбюро, в октябре 1927-го его вывели из состава ЦК, а через месяц исключили из партии.

Сталин не знал, что делать с Троцким: страна еще не была готова признать ближайшего ленинского соратника врагом. Троцкого отправили в ссылку в Алма-Ату, а затем выслали из страны. Его сторонники были постепенно уничтожены. Но Троцкий и в эмиграции продолжал выступать против Сталина.

Троцкий писал очень много и не всегда верно. Но несколько его исторических прогнозов сбылись. В 1931 году он предсказал, что фашисты могут прийти к власти в Германии. В 1933-м – что Гитлер готовится к войне.

Он высмеивал Сталина, который не понимал, что такое фашизм, и считал, что социал-демократия не лучше фашизма. Весной 1939 года Троцкий писал, что Сталин созрел для союза с Гитлером. Осенью этот союз, вызвавший изумление во всем мире, был заключен. 2 сентября 1939 года Троцкий предупреждал, что через два года Гитлер нападет на Советский Союз. И двух лет не прошло, как и этот трагический прогноз оправдался.

Сторонников по всему миру у Троцкого было не так уж много, притягательная сила его идей слабела. Он ведь не был ни крупным теоретиком, ни народным вождем, он был революционером-практиком. Но Сталину казалось, что Троцкий по-прежнему опасен. Или, скорее всего, он просто считал, что враг должен быть уничтожен.

Сталин не мог простить себе, что позволил Троцкому уехать. Достать Троцкого за границей, в Мексике, на другом конце света, оказалось трудновато.

23 мая 1940 года было совершено первое покушение на Троцкого, организованное НКВД. Группа боевиков ворвалась в его дом, поливая все вокруг из пулеметов. Троцкий остался жив, но с того дня жил в атмосфере обреченности. Каждое утро он говорил жене:

– Видишь, они не убили нас этой ночью, а ты еще чем-то недовольна.

Но, как говорил товарищ Сталин, нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики-ленинцы. Берия поручил убить Троцкого Павлу Судоплатову, умелому организатору диверсионных акций.

Непосредственно операцией руководил будущий генерал Наум Эйтингон (обычно его называли Леонидом Александровичем). Бывший эсер, он некоторое время был заместителем Серебрянского, возглавлявшего особую группу при председателе ОГПУ. Потом Эйтингона перевели в Иностраннный отдел, он руководил отделением, которое ведало работой нелегальных резидентур.

На роль исполнителя нашли испанца Рамона Меркадера. Его мать, Мария Каридад Меркадер, тоже была агентом НКВД. В годы Гражданской войны в Испании она примкнула к анархистам. Ее старший сын погиб в бою, Рамон тоже участвовал в войне.

Один из самых знаменитых боевиков XX столетия, Меркадер прожил пятьдесят девять лет, из них двадцать – треть жизни – провел в тюрьме. Отсидел свой срок от звонка до звонка.

Уже через пять дней после первого покушения будущий убийца проник в дом Троцкого, выдавая себя за сторонника Льва Давидовича. Он называл себя Жаком Морнармом, сыном бельгийского дипломата, но пользовался фальшивым канадским паспортом на имя Фрэнка Джексона.

Незадолго до своей гибели Троцкий записал в дневнике: «Прошлой ночью мне приснилось, что я разговаривал с Лениным. Он с тревогой спрашивал о моей болезни: «У вас нервное утомление, вы должны отдохнуть. Вы должны серьезно посоветоваться с врачами». Я рассказал Ленину о своей поездке в Берлин на лечение в 1926 году и хотел добавить: это случилось после вашей смерти, но сдержался и заметил: это было после вашей болезни».

Как странно: в конце жизни в своих снах и грезам Лев Давидович Троцкий, бывший железный нарком, видел себя под защитой Ленина!

20 августа Меркадер пришел к Троцкому, несмотря на жаркую погоду, в плаще и шляпе и попросил прочитать его статью. Когда Троцкий взялся за чтение, Меркадер вынул ледоруб и, закрыв глаза, со всей силой обрушил его на голову Троцкого. Он надеялся убить Троцкого с одного удара и убежать.

Но Троцкий вступил с ним в борьбу. Меркадер, растерявшись, не воспользовался пистолетом, который у него был. Его схватили и передали полиции.

На следующий день Троцкий умер в больнице. Проститься с ним пришло триста тысяч человек.

Убили и почти всю семью Троцкого. Это тоже был сталинский принцип: за врага отвечают все его родные.

Один из сыновей Троцкого, инженер Сергей Седов (оба сына, соратники Ленина, носили фамилию матери, поскольку не хотели незаслуженно пользоваться славой отца), занимался не политикой, а наукой. Он отказался уехать с отцом, остался в Советской России. Преподавал в Высшем техническом училище в Москве, подчеркнуто не участвовал даже в разговорах на политические темы, наивно полагая, что к нему у власти претензий быть не может.

Разумеется, это его не спасло. Виновен, не виновен, это Сталина и его подручных не интересовало. В 1936 году Сергея Седова для начала отправили в ссылку в Воркуту. Потом новый арест, и в 1937-м его расстреляли.

Расстреляли также обоих зятьев Троцкого. Одна дочь Льва Давидовича умерла от чахотки в 1927-м в Москве, вторая – в 1933-м в Берлине. Третью посадили в 1937-м, но она

выжила. Только в 1961 году КГБ перестал за ней следить – ей тогда было уже восемьдесят семь лет.

Второй сын Троцкого, Лев Седов, унаследовавший от отца бойцовский характер, предпочел эмигрировать вместе с родителями. Верный помощник Льва Троцкого, он, проживая в Париже, пытался сплотить единомышленников, не подозревая, что окружен осведомителями советской разведки. Вся его переписка, все архивы троцкистских организаций оказались в Москве.

В начале 1938 года его оперировали по поводу аппендицита. Операция прошла благополучно, но через несколько дней, 16 февраля, Лев Седов умер в парижской клинике. Мало кто сомневался в том, что это дело советской разведки, но документальные свидетельства насильственного характера смерти не обнаружены.

Через два дня после странной кончины Льва Седова в Москве по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР был расстрелян известный физик-теоретик, один из основоположников квантовой теории гравитации Матвей Петрович Бронштейн. Его арестовали как троцкиста, потому что однажды этот талантливый ученый неудачно пошутил, что он – родственник Троцкого, настоящая фамилия которого Бронштейн.

Женой несчастного однофамильца Троцкого была Лидия Корнеевна Чуковская, дочь знаменитого писателя и сама писательница, человек исключительно мужественный и честный. Ей сообщили, что муж приговорен к десяти годам лагерей без права переписки. Только потом она узнала, что этот приговор означал на деле расстрел.

Рамон Меркадер на суде в Мексике не признался, что работает на Советский Союз. Это понравилось в Москве. НКВД даже пытался его вызволить из тюрьмы. Профессор Анатолий Павлович Судоплатов, сын генерала Судоплатова, рассказывал мне, со слов отца, что вначале Меркадера хотели выкупить и лишь потом отказались от этой идеи.

Он отсидел свой срок полностью.

4 мая 1960 года Меркадера освободили. Его переправили на Кубу, а оттуда на теплоходе – в Советский Союз. 25 мая КГБ СССР доложил Хрущеву об освобождении Меркадера. 31 мая появился закрытый указ президиума Верховного Совета СССР: «За выполнение специального задания и проявленный при этом героизм и мужество присвоить тов. Лопесу Рамону Ивановичу звание Героя Советского Союза с вручением ему ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Меркадера доставили в Москву, где 8 июня председатель КГБ Александр Шелепин вручил ему Звезду Героя Советского Союза. В Москве ему выдали советский паспорт на имя Рамона Ивановича Лопеса. Устроили на работу в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Его опекал Комитет государственной безопасности. Относились к нему вежливо-холодно.

Меркадер женился на женщине, которая в Мексике носила ему в тюрьму передачи.

К тому времени, когда он появился в столице Советского Союза, его друзья и наставники – генералы Леонид Эйтингон и Павел Судоплатов – уже сидели в тюрьме: их посадили как людей Берии.

Я спросил Судоплатова-младшего, который в 60-х годах хорошо знал Меркадера и часто бывал у него дома: сожалел ли тот о своем прошлом? О том, что убил Троцкого?

– Нет, – сказал профессор Судоплатов, – он сожалел о том, что жизнь его так сложилась, что ему пришлось столько лет провести в тюрьме.

В середине 70-х Меркадер уехал из Москвы на Кубу, где не было снега и надоедливых аппаратчиков, где говорили по-испански и где ему нашли дело.

На Кубе Меркадер умер от саркомы в 1978 году. Его тело доставили в Советский Союз и похоронили в Москве, на Кунцевском кладбище. Большую часть своей жизни он выдавал себя за другого человека. И похоронили его тоже под чужим именем.

РАССТРЕЛ В КАТЫНИ

В августе 1939 года Сталин заключил с Гитлером пакт о ненападении. Это развязало Гитлеру руки, и он напал на Польшу. К советско-германскому пакту прилагался дополнительный секретный протокол, который подписали Молотов и нацистский министр иностранных дел Риббентроп. Этот протокол зафиксировал договоренность Гитлера и Сталина о разделе Польши. Сталин обещал немцам вступить в войну с Польшей, чтобы ускорить ее разгром.

Густав Хильгер, советник немецкого посольства в Москве, описал прием в Кремле, после которого довольный Риббентроп произнес свою знаменитую фразу:

– В Кремле я чувствовал себя так хорошо, словно находился среди старых партийных товарищей.

Нарком внутренних дел Лаврентий Берия неустанно подливал Хильгеру перцовки. Советник Хильгер пытался сохранить трезвую голову.

– Ну, если вы пить не хотите, никто вас заставить не может, – снисходительно сказал Хильгеру Сталин.

– Даже шеф НКВД? – шутливо спросил Хильгер.

– За этим столом даже шеф НКВД значит не больше, чем кто-либо другой, – серьезно ответил Сталин.

Сталин не лукавил: для него Берия был всего лишь одним из подручных, и не самым близким. Но ему Сталин поручал самые грязные и кровавые дела, в том числе расстрел польских пленников в Катыни.

Нападение немецких фашистов на Польшу стало началом Второй мировой войны, поскольку Франция и Англия в ответ объявили Германии войну.

Сталин, который считал, что его этот пожар не опалит, сказал 7 сентября 1939 года генеральному секретарю исполкома Коминтерна Георгию Димитрову:

– Война идет между двумя группами капиталистических стран за передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга.

Польшу Сталин назвал фашистским государством:

– Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что, плохо было бы, если в результате разгрома Польши мы распространим социалистическую систему на новые территории и население?

Вступать в войну Сталин не спешил: поляки продолжали отчаянно сражаться. Вторжение в Польшу предполагалось осуществить в ночь с 12-го на 13 сентября, потом его перенесли на 17-е.

Польскому послу в Москве заместитель наркома иностранных дел Владимир Петрович Потемкин вручил ноту советского правительства: «Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность Польского государства. Варшава как столица Польши не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что Польское государство и его правительство фактически перестали существовать».

Посол ноту отверг: Варшава еще не пала, и польское правительство продолжало существовать.

17 сентября, выступая по радио, глава правительства и нарком иностранных дел Молотов сказал, что советские войска с освободительной миссией вступили на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. Это была территория истекающей кровью Польши.

Главнокомандующий польской армией маршал Эдвард Рыдз-Смиглы приказал не оказывать Красной армии сопротивление. Поляки продолжали сражаться с немцами, но вступление в войну Советского Союза лишило их последней надежды.

Советские и немецкие войска, встречаясь, приветствовали друг друга, даже устроили совместный парад: это называлось «братство, скрепленное кровью».

Когда Польша будет разгромлена, Молотов с удовольствием скажет на сессии Верховного Совета СССР:

– Правящие круги Польши немало кичились «прочностью» своего государства и «мощью» своей армии. Однако оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем Красной армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора...

Польша была оккупирована, поделена и перестала существовать как государство. Раздел Польши был назван в советско-германском договоре о дружбе и границе «надежным фундаментом дальнейшего развития дружественных отношений между советским и германским народами».

Отдельные польские части, не получив приказа главнокомандующего, встретили Красную армию как захватчиков и вступили с ней в бой. Город Гродно сопротивлялся два дня. Когда красноармейцы взяли город, триста поляков сразу же расстреляли без суда. В некоторых районах части вермахта и Красной армии вместе уничтожали очаги польского сопротивления.

Красная армия заняла территорию с населением двенадцать миллионов человек. В советский плен попало около двухсот пятидесяти тысяч польских солдат и офицеров. Армия не знала, что делать с таким количеством военнопленных. Не было ни конвойных войск, чтобы их охранять, ни продовольствия, чтобы их кормить. Нарком обороны Ворошилов и начальник Генерального штаба Шапошников высказывались за то, чтобы, как минимум, рядовых солдат бывшей польской армии распустить по домам.

Сталин нашел другое решение: пленных поручили наркомату внутренних дел. 19 сентября 1939 года нарком Берия подписал приказ об образовании Управления по делам о военнопленных (во время Великой Отечественной оно станет Главным управлением по делам военнопленных и интернированных) и создании сети приемных пунктов и лагерей-распределителей.

Уже через неделю первых военнопленных приказом Берии отправили на строительство шоссейных дорог. А в октябре – на добычу железной руды и на известковые разработки. Пленных ставили на самые тяжелые работы, но это еще было не худшее, что их ждало.

Лагеря создавались на скорую руку, пленные спали на голом полу, бараки не отапливались, еды не хватало, как, впрочем, и одежды, воды, посуды.

Берия командировал в лагеря лучших работников из центрального аппарата наркомата – в первую очередь для сортировки пленных. В Козельском лагере бригаду следователей возглавлял майор госбезопасности Василий Михайлович Зарубин, разведчик, участвовавший потом в похищении атомных секретов в Соединенных Штатах.

Начальник политотдела и комиссар Управления по делам военнопленных Семен Васильевич Нехорошев оповещал своих подчиненных, что «сотрудники Старобельского лагеря включились в предоктябрьское социалистическое соревнование и вызывают на соревнование сотрудников Козельского лагеря». Социалистическое соревнование развернулось во всех лагерях.

Уроженцев Западной Белоруссии и Западной Украины формально освободили, но отправили не домой, а на строительство дорог и предприятий наркомата черной металлургии. Лагеря назывались трудовыми, но условия содержания были ужасными.

Сорок с лишним тысяч уроженцев центральных областей Польши, которые оказались под немецкой оккупацией, передали Германии, хотя многие пленные – особенно коммунисты и евреи – просили оставить их в Советском Союзе.

Офицеров, генералов, чиновников, полицейских, видных представителей интеллигенции, священников, судей, промышленников собирали отдельно. Они разместились в трех лагерях – в Козельске, Старобельске и Осташкове. Среди офицеров было много учителей и врачей,

мобилизованных в армию с началом войны. Среди полицейских основную массу составляли рабочие и крестьяне, которых мобилизовали в полицию, потому что они не могли в силу возраста или здоровья служить в регулярной армии. Лагерное начальство предлагало распустить их по домам. Берия отверг это предложение.

Польские военные врачи обратили внимание на то, что по Женевской конвенции после окончания войны их должны немедленно освободить из плена. Сбитый с толку начальник Старобельского лагеря отправил обращение военных врачей своему начальству в Москву.

Через неделю он получил ответ: «Женевская конвенция не является документом, которым вы должны руководствоваться в практической работе. Руководствуйтесь в работе директивами Управления НКВД по делам о военнопленных».

В лагеря поступали новые арестованные: оперативные группы НКВД на Западной Украине и в Западной Белоруссии выявляли «чуждые элементы», «антисоветски настроенных лиц», которых тут же арестовывали, а их семьи выселяли в Казахстан. Еще примерно сто сорок тысяч поляков были насильственно вывезены на Крайний Север и отправлены на лесоразработки.

На Украине этим занимался нарком внутренних дел республики комиссар госбезопасности третьего ранга Иван Александрович Серов, будущий первый председатель КГБ, в Белоруссии – нарком внутренних дел Лаврентий Фомич Цанава.

7 октября 1939 года Берия подписал директиву особым отделениям лагерей для военнопленных, приказав им настойчиво выявлять среди военнопленных «контрреволюционные формирования». Сотрудники особых отделений вербовали себе агентуру среди пленных и сообщали в Москву о настроениях среди польских офицеров.

А какие были настроения? Поляки не понимали, почему их не выпускают, почему не разрешают связаться с родными и получать письма. Большинство хотело воевать с немцами и просило разрешить им уехать в Англию или Францию. Советский Союз как союзника нацистской Германии они не любили и своих чувств не скрывали.

Особисты, выполняя приказ Берии, начали выявлять «контрреволюционные и антисоветские организации». Поступавшая от них информация, видимо, укрепила Сталина в мысли, что от польских офицеров надо избавиться: враги они и есть враги. Выпускать их нельзя, держать в лагере до бесконечности себе дороже...

После обсуждения вопроса в политбюро в первых числах марта 1940 года Берия направил Сталину подробное письмо с предложением дела военнопленных офицеров «рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания – расстрела».

Берия писал, что «все они являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю... Они пытаются продолжать контрреволюционную работу, ведут антисоветскую агитацию. Каждый из них только и ждет освобождения, чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти».

Сталин написал на письме Берии – «за». Вопрос был решен. Его оформили решением политбюро от 5 марта 1940-го:

«1. Предложить НКВД СССР:

1) дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14 700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков,

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11 000 человек членов различных контрреволюционных и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков – рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания – расстрела.

2. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения – в следующем порядке:

а) на лиц находящихся в лагерях военнопленных – по справкам, представленным Управлением по делам военнопленных НКВД СССР;

б) на лиц арестованных – по справкам из дел, представляемым НКВД УССР и НКВД БССР.

Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку в составе Меркулова, Кобулова, Баштакова».

Меркулов и Кобулов были заместителями Берии.

Леонид Фокиевич Баштаков, бывший счетовод-конторщик, в день, когда политбюро приняло окончательное решение, был произведен в майоры госбезопасности и назначен начальником 1-го спецотдела НКВД (учет и статистика). Этой тройке предстояло подготовить расстрельные списки и их утвердить.

Через два дня в Москве в наркомате внутренних дел началась серия совещаний с руководством трех лагерей и начальством конвойных войск, которые усилили охрану пленных.

Дела на пленных поступали в Москву, обрабатывались в первом спецотделе НКВД, на их основе составлялись расстрельные списки, которые передавались на утверждение Берии и Меркулову. В основном этим занимался Меркулов.

Польские офицеры уже были приговорены к смерти, но не подозревали об этом. Начальники лагерей получали списки, которые оформлялись как наряды на вывоз пленных, и отправляли обреченных людей поездом в город. Начальникам Калининского, Харьковского и Смоленского областных управлений НКВД присылали приказ о приведении приговоров в исполнение.

В каждом подобном случае пленных привозили во внутреннюю тюрьму УНКВД. Расстреливали в камере, обитой кошмой, чтобы не было слышно. Расстрелом руководил начальник комендантского отдела НКВД. Делали это по ночам. Все было просто: пленного приводили в камеру, надевали на него наручники и стреляли ему в голову. Расстреливали из немецких «вальтеров» – их отправили из Москвы целый чемодан.

Трупы на грузовиках вывозили за город и закапывали в районе дач областного НКВД: сюда чужие люди не зайдут. Часть пленных из Козельского лагеря расстреляли прямо в Катинском лесу. Эти братские могилы и обнаружили потом немцы, заняв Смоленск.

Начиная с 1 апреля 1940 года, каждый день в лагеря поступали списки на несколько сотен человек. После каждого расстрела в Москву лично заместителю наркома Меркулову шла короткая шифротелеграмма такого, скажем, содержания: «Исполнено 292». Это означало, что за ночь расстреляли 292 человека.

К концу мая расстреляли 21 857 человек. Эту цифру в марте 1959 года назвал, ознакомившись с опасными документами, новый председатель КГБ Александр Николаевич Шелепин в написанном от руки особо секретном письме Хрущеву.

Обнаружив массовые захоронения расстрелянных поляков, немцы были счастливы: какой прекрасный аргумент в борьбе за мировое общественное мнение! Эксгумацией трупов и идентификацией останков занимались не только немцы, но и польские патологоанатомы по просьбе польского Красного Креста.

В ответ в Советском Союзе была создана комиссия под председательством академика Николая Ниловича Бурденко, главного хирурга Красной армии и первого президента Академии медицинских наук. Она утверждала, что это немецкая провокация, на самом деле поляков расстреляли сами немцы. Единственным реальным аргументом комиссии Бурденко было то, что всех поляков убили из оружия немецкого производства.

Комиссии Бурденко на Западе не поверили, но Россия была союзником в борьбе с Гитлером, поэтому на преступление в Катинском лесу просто закрыли глаза. В Нюрнберге, где судили главных нацистских преступников, по требованию советской делегации эта тема не возникала.

Правда, польское правительство в эмиграции допытывалось у Молотова: а куда делись офицеры, взятые вами в плен? В тот момент поляки вновь стали союзниками. Одна часть поляков из бывших военнопленных воевала вместе с Красной армией, другой части разрешили уехать из Советского Союза, и они сражались вместе с англичанами. Что же касается тех, кого расстреляли, то Сталин велел Молотову ответить, что исчезнувшие польские офицеры убежали куда-то в сторону Китая. Он мог позволить себе такой хамский ответ, потому что твердо решил, что никакие эмигранты к власти в Варшаве больше не придут: новое польское правительство может быть только просоветским.

О Катыни заговорили после войны. В социалистической Польше это было запретной темой, но польская эмиграция хотела узнать судьбу двадцати двух тысяч соотечественников. Рассказы уцелевших поляков, дневники пленных, найденные при раскопках в Катынском лесу, документы захваченного немцами архива Смоленского обкома партии позволили установить, что с ними произошло. В Москве твердо решили ни в чем не признаваться и держались до последнего.

Вот характерный пример. 15 апреля 1971 года на заседании политбюро принимается решение «О представлении МИД Англии в связи с антисоветской кампанией вокруг так называемого «Катынского дела».

Советскому послу в Лондоне дается указание:

«Посетите МИД Англии и заявите следующее: по имеющимся у посольства сведениям телевизионная компания Би-Би-Си намеревается показать подготовленный ею враждебный Советскому Союзу фильм о так называемом «Катынском деле». К этому же времени приурочено опубликование в Англии клеветнической книги о Катынской трагедии.

Английской стороне хорошо известно, что виновность гитлеровцев за это преступление неопровержимо доказана авторитетной специальной комиссией, которая провела на месте расследование этого преступления тотчас же после изгнания из районов Смоленска немецких оккупантов.

В 1945–1946 годах Международный военный трибунал в Нюрнберге признал главных немецких военных преступников виновными в проведении политики истребления польского народа и, в частности, в расстреле польских военнопленных в Катынском лесу.

В этой связи не может не вызывать удивления и возмущения стремление некоторых кругов в Англии вновь вытащить на свет инсинуации геббельсовской пропаганды с тем, чтобы очернить Советский Союз, народ которого своей пролитой кровью спас Европу от фашистского порабощения...»

Все документы о расстрелах хранились в КГБ. Это досье было опечатано с предостерегающей пометкой: «Вскрытию не подлежит».

3 марта 1959 года председатель КГБ Александр Шелепин обратился к Хрущеву с предложением уничтожить учетные дела расстрелянных польских офицеров, которые для советских органов «не представляют ни оперативного интереса, ни исторической ценности. Вряд ли они могут представлять действительный интерес для наших польских друзей. Наоборот, какая-либо непредвиденная случайность может привести к расконспирации проведенной операции со всеми нежелательными для нашего государства последствиями. Тем более, что в отношении расстрелянных в Катынском лесу существует официальная версия.

Для исполнения могущих быть запросов по линии ЦК КПСС или советского правительства можно оставить протоколы заседаний тройки НКВД СССР, которая осудила указанных лиц к расстрелу, и акты о приведении в исполнение решения троек. Эти документы незначительны и хранить их можно в особой папке».

Основные документы были уничтожены, а оставшиеся, включая записку Берии Сталину, решение политбюро о расстреле от 5 марта 1940 года и письмо самого Шелепина, хранились в запечатанном пакете в личном сейфе заведующего общим отделом ЦК КПСС Константина

Устиновича Черненко. Получив повышение, он передал пакет в VI сектор общего отдела, который ведал архивом политбюро. Эти документы показывали Андропову и Горбачеву, когда они становились генеральными секретарями.

Но Горбачев, уже в разгар перестройки, когда и поляки требовали сказать им наконец правду, и в нашей стране хотели того же, делал вид, что ничего не знает.

Он передал пакет с этими документами Ельцину в декабре 1991-го, когда происходила официальная передача власти. И только Ельцин распорядился предать документы гласности.

В начале 1941 года Берия был назначен заместителем главы правительства. Формально это было повышением, фактически Сталин отстранял его от руководства системой госбезопасности. Это произошло 3 февраля. В тот день НКВД был разделен на два наркомата – госбезопасности и внутренних дел. Разведка, контрразведка, все оперативные отделы были переданы в НКГБ, который возглавил Всеволод Николаевич Меркулов.

Берия остался наркомом внутренних дел. В его хозяйство вошли милиция, пожарная охрана, пограничные, внутренние и конвойные войска, а также весь ГУЛАГ, превращенный в строительно-промышленную империю.

В тот же день он стал и заместителем председателя Совета народных комиссаров. Он курировал наркоматы лесной промышленности, цветной металлургии, нефтяной промышленности и речного флота. С этого момента он все больше занимается народным хозяйством, строительством и производством, правда, действуя в основном привычными ему чекистскими методами и широко используя осужденных – дармовую и бессловесную рабочую силу.

В качестве утешительного приза 30 января Берии было присвоено звание генерального комиссара государственной безопасности, замененное 9 июля 1945 года на звание Маршала Советского Союза. Только три человека имели это звание – Ягода, Ежов и Берия. Всех троих расстреляли.

Окончательно из системы госбезопасности Берия не ушел. С началом войны два наркомата опять объединили в единый НКВД под его руководством. Однако в 1943-м НКВД снова разделили, причем военную контрразведку выделили в самостоятельную структуру под названием СМЕРШ (с непосредственным подчинением Сталину как наркому обороны). Берии остался ГУЛАГ, и то только до конца 1945 года.

Постоянные реорганизации свидетельствовали о том, что Сталин недоволен органами и их руководителями. И он подыскивал Берии смену.

Но Сталин сохранил за ним странную роль связного. Даже после того, как Берия перестал быть наркомом внутренних дел 29 декабря 1945-го, Сталин именно ему поручал передавать те или иные указания наркомам, а затем и министрам госбезопасности. Неизменно речь шла о темных и грязных делах. Вождь использовал его как пугало, и Берия знал, что именно в этой роли он больше всего нужен.

Лаврентий Павлович тоже несет личную ответственность за военную катастрофу лета 1941-го – меньшую, разумеется, чем Сталин. Берия, которому подчинялась разведка, тоже исходил из того, что нападения Германии не ожидается, во всяком случае в ближайшее время.

У всякой разведки бывают удачи и провалы. Вот пример неудачной операции.

После подписания договора с немцами в Ленинград пригнали немецкий крейсер «Лютцов», который называли «Петропавловск», а в 1944 году переименовали «Таллин». Его достраивали в Ленинграде. Приехали немецкие специалисты. Среди них был крупный военно-морской чин.

«Наша разведка обставила квартиру этого специалиста подслушивающими и фотографирующими аппаратами; кроме того, он оказался любителем женского пола, и разведка подбросила ему девицу, – вспоминает Никита Хрущев. – В одну из ночей его сфотографировали вместе с нею, чтобы уличить в непристойном поведении. Но наша техника, видимо, была пло-

хая, и он услышал шум – шелчки работавшего аппарата. Стал искать, в чем дело, и нашел. На стене висела большая картина, в ней искусно было вырезано окно и вставлен фотоаппарат.

Он заявил протест. Немцы оказались безразличны к его встречам с девицей, а наши-то чекисты думали, что фотографии дадут возможность завербовать его. Сталин тогда критиковал Берия за неудачу...»

Но это было обычным делом. Берия же и его помощники виновны в том, что они не сумели и не захотели правильно осмыслить поступавшую от разведаппарата информацию, которая свидетельствовала о приближении войны. А ведь информации такой было хоть пруд пруди. 14 мая 1941 года нарком госбезопасности Меркулов доложил Сталину, Молотову и Берии, что «начиная со второй половины апреля с. г. ряд сотрудников германского посольства отправляет из СССР в Германию членов своих семейств и особо ценные вещи». Что же тут непонятного?

В первые недели и даже месяцы после начала войны, когда Красная армия, неся огромные потери, отступала, Сталин вновь поставил Берия во главе госбезопасности и включил в состав образованного 30 июня 1941 года Государственного комитета обороны, высшего органа власти в стране.

Председательствовал в ГКО Сталин, Молотов был его заместителем. Еще в ГКО вошли Ворошилов (выведен в 1944-м), секретарь ЦК Маленков, первый заместитель главы правительства и председатель Госплана Николай Алексеевич Вознесенский (с 1942-го), нарком путей сообщения Лазарь Каганович, председатель Комитета продовольственного и вещевого снабжения Красной армии Анастас Микоян, председатель правления Госбанка и одновременно заместитель наркома обороны Николай Александрович Булганин (с 1944-го).

На Берия возлагался контроль за производством вооружений, боеприпасов и минометов, а также, вместе с Маленковым, контроль за выпуском самолетов и моторов.

Начиная с июля большую часть заключенных из московских тюрем эвакуировали из столицы. Сталин боялся, что Москву не удержать, и не хотел, чтобы его враги оказались в руках немцев.

В страхе, что собственные сограждане повернут оружие против советской власти, Сталин велел Берии уничтожить «наиболее опасных врагов», сидевших в тюрьмах.

16 октября 1941 года по приказу наркома Берии 138 заключенных Бутырской тюрьмы были расстреляны, среди них видные в прошлом чекисты, например начальник личной охраны Ленина Абрам Яковлевич Беленький. 17 октября расстреляли бывшего члена коллегии ВЧК Михаила Сергеевича Кедрова. В июле он был оправдан Военной коллегией Верховного суда, но приказ наркома Берии значил больше, чем вердикт Верховного суда.

28 октября 1941 года были расстреляны Герой Советского Союза генерал-полковник Григорий Михайлович Штерн, дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Яков Владимирович Смушкевич, генерал-лейтенант авиации Павел Васильевич Рычагов, Герой Советского Союза заместитель наркома обороны и начальник Пятого (разведывательного) управления Красной армии генерал-лейтенант Иван Иосифович Проскуров... Сталин предпочел расстрелять их, а не отправить на фронт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.